

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

2-я экз.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

КНИГА V

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ

1915

умію, по изяществу движеній, по кокетству сходна во всемъ съ француженкой, съ той, конечно, понятной разницей, что она менѣе развита, болѣе груба, но зато болѣе непосредственна въ своихъ проявленіяхъ.

Когда шелуха отъ орѣховъ и весь соръ отъ ѣды смывались водой, болѣе знатныя женщины („ханумы“) заказывали себѣ густой, черный кофе, который на огромныхъ подносахъ въ маленькихъ „финджанахъ“ (чашечкахъ) подавался рабынями своимъ господамъ. Намъ, дѣтямъ, кофе не полагалось, и мы, чтобы не отстать отъ старшихъ, выходили въ раздѣвальню, гдѣ готовился кофе и ждали возвращенія рабынь съ пустыми „финджанами“, на днѣ которыхъ оставался всегда черный густой осадокъ. Мы набрасывались и ѣли эти остатки, получая за это пинки и пощечины отъ рабынь, потомъ съ почернѣвшими губами возвращались въ „хамамъ“, и тутъ родители, понявъ, въ чемъ дѣло, тоже не хвалили насъ и не гладили по головамъ.

Цезарь Наль.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Албанія и албанцы.

Очеркъ. 1)

Современная Албанія представляет рѣдкій и любопытный примѣръ страны, настоящее которой такъ мало отличается отъ ея прошлаго. Въ ней до сихъ поръ мы можемъ наблюдать яркіе пережитки среднихъ вѣковъ и племенной борьбы, которые другіе народы въ своемъ историческомъ развитіи давно оставили далеко позади себя. Призванная волею Европы изъ небытія къ самостоятельной жизни, Албанія даетъ богатый матеріалъ для политическихъ и соціологическихъ наблюдений, какъ опытъ искусственнаго образованія государства.

До послѣдней балканской войны общественное мнѣніе какъ у насъ, такъ и за границей совершенно не интересовалось албанцами, игравшими въ составѣ Турецкой имперіи весьма незначительную роль. Интересъ къ нимъ поднялся подъ влияніемъ событій 1912—13 гг., центромъ которыхъ сдѣлались Скутари и Дураццо. Съ тѣхъ поръ, до возникновенія великой войны, Албанія и албанцамъ стало отводиться особое мѣсто въ политической хроникѣ Европы.

Что же представляетъ изъ себя этотъ народъ, какъ *deus ex machina* выступившій на политическую арену?

Въ наукѣ долгое время существовали сомнѣнія и споры относительно происхожденія албанцевъ. Одни считали ихъ коренными обитателями Балканскаго полуострова, другіе, наоборотъ, видѣли въ нихъ пришлый элементъ, осѣвшій послѣ великаго переселенія народовъ.

Только во второй половинѣ прошлаго столѣтія, благодаря трудамъ албановѣдцевъ Фальмерајера и Гана, установилось мнѣніе, что албанцы принадлежатъ къ первобытнымъ жителямъ Иллирійскаго полуострова и что они, вѣроятно, потомки древнихъ пелазговъ и, какъ таковые, находятся въ родствѣ съ праотцами теперешнихъ грековъ и римлянъ.

1) Авторъ этого очерка много лѣтъ провелъ на Ближнемъ Востокѣ и въ послѣднее время былъ русскимъ дипломатическимъ представителемъ въ Албаніи. *Ред.*

Албанскій языкъ, раздѣляющійся на многочисленныя нарѣчія, принадлежитъ къ семьѣ индоевропейскихъ языковъ и близокъ къ древнимъ—греческому и латинскому. Вслѣдствіе того, что надъ албанцами господствовали различные народы, чистота албанскаго языка утратилась, и въ немъ образовались разныя чужеземныя наслоенія. Въ настоящее время насчитывается до 7000 албанскихъ словъ, изъ которыхъ болѣе половины иностраннаго происхожденія, именно, по приблизительному расчету: 5%—славянскихъ, 12%—турецкихъ, 10%—греческихъ, 6%—германскихъ и 20%—романскихъ. Единаго албанскаго языка не существуетъ, и попытки албанскихъ націоналистовъ создать его не привели ни къ какимъ результатамъ.

Собравшійся въ 1909 году въ городъ Монастырѣ (Битоли) конгрессъ задался цѣлью выработать основы культурнаго и политическаго объединенія албанцевъ, но онъ разошелся, не сговорившись даже о принятіи единаго албанскаго алфавита. Мусульманская партія настаивала на сохраненіи турецкаго (собственно арабскаго) письма, а христіанская требовала замѣны его латинскимъ шрифтомъ. Вопросъ этотъ остается открытымъ и до сего времени.

Современные албанцы называютъ себя шкипетарами (т.-е. горцами, отъ слова шкипъ—скала), у турокъ же они были извѣстны подъ именемъ арнаутовъ.

Общая численность албанцевъ опредѣляется теперь въ два милліона человекъ. Сплошною массою они занимаютъ территорію, заключенную между Адриатическимъ моремъ, Скутарійскимъ озеромъ, заливомъ Арты, отрогами Пинда, бассейномъ рѣки Чернаго Дрина, Преспанскимъ и Охридскимъ озерами до границъ западной Македоніи. Сюда должны быть отнесены также земли, расположенныя къ сѣверо-востоку отъ Скутарійскаго озера, составлявшія въ Турціи Коссовскій вилайетъ и нынѣ отошедшія къ Сербіи и Черногоріи.

Кромѣ того, около ста тысячъ албанцевъ проживаютъ въ Италіи (Сициліи и въ окрестностяхъ Неаполя и Бари) и до 200.000 въ Греціи. Затѣмъ, албанскія поселенія разбросаны болѣе или менѣе по всей Македоніи.

Изъ этого числа албанцевъ около половины вошло въ составъ независимаго Албанскаго княжества, а остальные подѣлены между балканскими государствами, участвовавшими въ войнѣ съ Турціей.

Албанцы распадаются на двѣ большихъ племенныхъ группы: сѣверныхъ албанцевъ (геговъ) и южныхъ (тосковъ), по численности приблизительно равныхъ. Границей между ними считается р. Шкумби, впадающая въ Адриатическое море южнѣе г. Дураццо. Разумѣется, эта граница болѣе или менѣе условная, такъ какъ по обоимъ берегамъ рѣки имѣются поселенія, главнымъ центромъ коихъ является городъ Эльбасанъ.

Между гегами и тосками существуетъ такая большая разница, что они кажутся почти двумя разными народностями. Геги, раздѣляющіеся на многочисленныя племена, коихъ извѣстно до тридцати названій, живутъ преимущественно въ горахъ. Каждое племя дѣлится на роды (фила, фисъ), живущіе вполнѣ самостоятельной жизнью; во главѣ родовъ стоятъ начальники (байрактары, что значитъ „держатель знамени“), званіе которыхъ считается наслѣдственнымъ. Дѣла, касающіяся рода, рѣшаются собраніемъ старѣйшинъ, представителей сель, входящихъ въ составъ фиса. Для обсуждения вопросовъ, интересующихъ все племя, устраиваются собранія байрактаровъ.

Геги некультурны, грамотные среди нихъ встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Главное занятіе ихъ — разбой, и лишь немногіе обрабатываютъ землю и занимаются скотоводствомъ. Въ средніе вѣка византійскіе писатели изображали албанцевъ, какъ народъ дикій, скитавшійся съ мѣста на мѣсто съ огромными стадами, грабившій, подъ начальствомъ родовыхъ вождей, окрестныя области, не знавшій законовъ, не имѣвшій городовъ. Любопытно, что эта характеристика отчасти примѣнима и къ современнымъ сѣвернымъ албанцамъ. Они въ полномъ смыслѣ *viri malignantis naturae*, какъ ихъ описывали венеціанскіе историки.

Всѣ эти горныя племена и роды находятся въ постоянной враждѣ между собою. Гегъ никогда не разстается съ ружьемъ и пистолетомъ, и у себя въ горахъ, гдѣ ему извѣстна каждая скала и тропинка, онъ по праву считаетъ себя неуязвимымъ. Этимъ между прочимъ и объясняется, почему всѣ карательныя экспедиціи турокъ противъ возставшихъ албанцевъ оставались безрезультатными.

У геговъ чрезвычайно распространена кровавая месть, возведенная почти въ культъ. Убійство какого-либо албанца вызываетъ отмщеніе со стороны его соплеменниковъ. Возникающая такимъ образомъ родовая вражда продолжается иногда десятками лѣтъ; впрочемъ, возможны случаи примиренія, при помощи денежныхъ вознагражденій, по освященной обычаемъ таксѣ (различается „кровь“, „полкрови“, четверть крови“, въ зависимости отъ того, было ли убійство или пораненіе, легкое или тяжелое). Для рѣшенія этихъ вопросовъ собираются особыя примирительныя комиссіи. Жизнь человѣческая у сѣверныхъ албанцевъ ничего не стоитъ, а убійство разсматривается почти какъ заурядное ремесло. Пишущему эти строки во время странствованій по сѣверной Албаніи пришлось однажды въ Призренскомъ округѣ посѣтить одно село, албанцы котораго поддерживали хорошія отношенія съ нашимъ консульствомъ за оказанное разъ покровительство передъ турецкими властями. Встрѣтивъ меня очень радушно и съ чисто-восточнымъ гостепріимствомъ, старѣйшины старались всячески услужить. Между прочимъ одинъ байрактаръ заявилъ, что весь родъ его находится въ полномъ распоряженіи

консула, и если ему понадобится „избавиться“ отъ какого-нибудь неприятнаго или опаснаго человѣка, то они увѣрены, что онъ обратится за соотвѣтствующей услугой не къ какому-либо другому, а именно къ ихъ роду. При этомъ албанецъ добавилъ, что исполненіе порученія обойдется не дороже двѣнадцати турецкихъ лиръ (около ста рублей). Такова средневѣковая психологія этого народа, живущаго въ XX вѣкѣ и чуть ли не въ центрѣ Европы!

Геги очень гостеприимны, и гость, хотя бы онъ былъ врагъ, считается неприкосновеннымъ и находится подъ покровительствомъ хозяина, но до тѣхъ поръ, пока онъ пребываетъ на его территории. Бываютъ случаи, когда албанецъ, принявъ у себя гостя и проводивъ его до предѣловъ своего рода, нападаетъ на него и грабитъ на землѣ сосѣда, не считая себя болѣе связаннымъ обычаями гостеприимства.

Съ другой стороны, племя или родъ, принявъ кого-либо подъ свое покровительство, отвѣчаетъ за него передъ другими сосѣдними племенами. Нападеніе въ такомъ случаѣ на покровительствуемаго вызываетъ кровавую месть со стороны оскорбленнаго рода. Для того чтобы показать, что такое-то лицо пользуется покровительствомъ, въ провожатые, иногда даже большому каравану взрослыхъ людей, дается ребенокъ, сынъ кого-либо изъ старѣйшинъ, который и ѣдетъ впереди съ небольшимъ флагомъ. Вслѣдствіе этого при путешествіяхъ по сѣверной Албани очень важно не столько обзавестись вооруженной охраной, сколько заручиться покровительствомъ мѣстныхъ байрактаровъ.

Такия своеобразныя воззрѣнія на человѣческую жизнь создали въ сѣверной Албани особый институтъ протектората, примѣняемаго не только къ отдѣльнымъ лицамъ, но даже къ цѣлымъ селешамъ. Въ бывшемъ Коссовскомъ вилайетѣ, гдѣ албанцы живутъ, смѣшиваясь съ сербами, во времена турецкаго владычества монастыри, церкви и цѣлыя сербскія деревни, чтобы оградить себя отъ постоянныхъ разбойничьихъ набѣговъ албанскихъ шаекъ, отдавали себя подъ покровительство какого-либо извѣстнаго албанца-разбойника, называвшагося въ такомъ случаѣ „воеводой“. Онъ получалъ помѣсячную плату, въ размѣрѣ 50—80 рублей, пользовался правомъ питаться на счетъ покровительствуемаго села или монастыря и производить небольшія реквизиціи, но въ свою очередь защищалъ ихъ авторитетомъ своего рода отъ набѣговъ другихъ разбойниковъ. Благодаря такимъ порядкамъ, сербамъ удалось сохранить отъ разрушенія и разоренія многие церкви и монастыри, въ томъ числѣ и знаменитую Дечанскую лавру.

Геги въ огромномъ большинствѣ исповѣдуютъ исламъ, и лишь не болѣе одной четверти ихъ принадлежитъ къ католической религіи. Православныхъ среди нихъ почти нѣтъ. Католическая церковь въ сѣверной Албани находится подъ покровительствомъ австро-венгерскаго пра-

вительства. Пять епископовъ съ многочисленнымъ духовенствомъ получаютъ три четверти своего содержания отъ Австріи и одну четверть отъ Ватикана. Католическая пропаганда служитъ могущественнымъ орудіемъ для проведенія и поддержанія австрійскаго вліянія среди геговъ. Последнее время съ нею пытаются, и не безуспѣшно, бороться итальянцы, которымъ удалось основать нѣсколько школъ въ Скутари, которыя дѣлаютъ серьезную конкуренцію таковымъ же австро-католическимъ учрежденіямъ. Вообще же образованіе среди сѣверныхъ албанцевъ развито весьма слабо, и школъ, за исключеніемъ Скутари, въ другихъ мѣстахъ почти нѣтъ.

Геги никогда не платили никакихъ податей турецкому правительству и не несли никакихъ повинностей. Попытки, сдѣланныя младотурками, ввести въ сѣверной Албаніи европейскую финансовую систему окончились очень печально для чиновниковъ, рискнувшихъ, подъ большимъ конвоемъ, показаться въ этихъ мѣстахъ: одни были убиты, другіе—съ позоромъ прогнаны. Такая же участь постигла и турецкихъ губернаторовъ, назначавшихся центральнымъ правительствомъ.

Южные албанцы, тоски, вслѣдствіе своего сосѣдства съ греками и постоянного общенія какъ съ ними, такъ и съ македонскими славянами, отличаются болѣею культурностью, чѣмъ ихъ сѣверные сородичи. Племенной бытъ у нихъ уже не носитъ такого первобытнаго характера, какъ у геговъ. Сознывая свою принадлежность къ тому или иному роду и гордясь своимъ происхожденіемъ, тоски живутъ отдѣльными семьями и не имѣютъ строгой родовой организаціи. Подобно христіанамъ, каждая семья у нихъ независима и преслѣдуетъ свои собственные интересы. Южные албанцы занимаются торговлей, земледѣліемъ и отхожими промыслами. Небольшія колоніи ихъ (главнымъ образомъ изъ уроженцевъ Корицы и Аргирокастро) встрѣчаются и у насъ на югѣ Россіи. Тоски ведутъ вполне осѣдлый образъ жизни, разбои и грабежи разсматриваются ими, какъ нежелательное явленіе, и само населеніе старается избавиться отъ разбойниковъ, стѣсняющихъ его мирныя занятія.

Самый внутренній бытъ южныхъ албанцевъ, устройство ихъ жилищъ, нравы, обычаи и одѣяніе приближаются болѣе или менѣе къ христіанскимъ, точнѣе—греческимъ.

Среди тосковъ встрѣчается много грамотныхъ людей, посѣщавшихъ турецкія или греческія школы. По-гречески говорить и понимаетъ почти все населеніе южной Албаніи, главными пунктами коей являются Валона, Фіери, Берать, Корица и Аргирокастро.

Въ религиозномъ отношеніи южные албанцы раздѣляются на мусульманъ и православныхъ, при чемъ послѣдніе составляютъ не болѣе одной трети населенія. Такимъ образомъ, если принять для независимой Алба-

ни, образованной на Лондонской конференціи, цифру населенія приблизительно въ одинъ миллионъ человѣкъ, то изъ нихъ на долю христіанъ придется немногимъ менѣ трети.

Православные тоски находятся всецѣло въ рукахъ греческаго духовенства и панэллинской пропаганды. Въ южной Албаніи греки имѣютъ четырехъ митрополитовъ. При помощи школъ, разныхъ литературныхъ и гимнастическихъ обществъ, политическихъ клубовъ, благотворительныхъ учреждений и больницъ греческая пропаганда духовно всецѣло овладѣла южной Албаніей — православное населеніе ея давно утратило свою народность, считаетъ себя греками. Достаточно сказать, что въ предѣлахъ теперешней Албаніи греки имѣли около 70 начальныхъ школъ, 10 прогимназій и нѣсколько гимназій. Преподаваніе во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ поставлено образцово; разумѣется, и турецкія школы не могли выдержать съ ними никакой конкуренціи. Даже многіе албанцы-мусульмане посылали своихъ дѣтей въ греческія училища, а затѣмъ и въ университетъ въ Аѳины. Греческій языкъ до такой степени распространенъ въ южной Албаніи, что когда князь Видъ образовалъ свое первое правительство, то въ совѣтъ министровъ, составленномъ имъ изъ южныхъ албанцевъ, пренія происходили на греческомъ языкѣ.

Тоски-мусульмане довольно равнодушно относятся къ дѣламъ вѣры и вслѣдствіе этого разсматриваются гегами почти какъ гауры. Этому обстоятельству немало способствуетъ распространенная на югѣ Албаніи мусульманская секта бекташей.

Въ чемъ заключается сущность ученія этихъ сектантовъ, — сказать опредѣленно трудно вслѣдствіе отсутствія вполне положительныхъ данныхъ. Повидимому, секта эта проникла въ Албанію изъ Малой Азіи вмѣстѣ съ турецкимъ владычествомъ. Бекташизмъ представляетъ смѣсь мусульманскихъ ученій съ христіанскими; въ немъ можно найти также слѣды вліяній позднѣйшаго происхожденія — социалистическаго и масонскаго характера. Такъ, бекташи считаютъ всѣхъ людей братьями, и вѣроисповѣдное различіе у нихъ не является препятствіемъ къ общенію. Вслѣдствіе этого бекташи поддерживаютъ хоронія отношенія съ христіанами и иностранцами вообще. Они, повидимому, отрицательно относятся къ понятіямъ о частной недвижимой собственности и бракѣ, проповѣдуя въ этихъ вопросахъ коммунистическія начала. Бекташи имѣютъ свои монастыри (текэ), гдѣ они собираются для бесѣдъ и радѣній. Во главѣ такихъ монастырей стоятъ старцы (баба), приобретающіе иногда такое уваженіе, что по смерти на могилы ихъ стекается на поклоненіе много народа. Бекташійскихъ монастырей въ южной и средней Албаніи насчитывается нѣсколько десятковъ, и они служатъ любимыми мѣстами собраній для мусульманъ и даже христіанъ. Не безъ-

интересно отмѣтить, что бывають нерѣдко случаи, когда православные албанцы вступаютъ въ эти бекташійскія общины и дѣлаются бекташами, оставаясь въ то же время христианами.

Это глубокое различіе между гегами и тосками привело къ тому, что оба племени ненавидятъ другъ друга и находятся постоянно въ состояніи вооруженной борьбы. Въ поводахъ къ ней недостатка никогда не бываетъ, и столкновенія, продолжающіяся иногда мѣсяцами, происходятъ обыкновенно въ долину рѣки Шкумби, въ окрестностяхъ Эльбасана. Отдѣльные эпизоды этой борьбы вошли даже въ народный эпосъ. Существуютъ пѣсни, въ которыхъ воспѣваются подвиги отдѣльныхъ героевъ, принадлежащихъ къ этимъ племенамъ.

Гегы и тоски, говоряще на различныхъ языкахъ, выработавшіе совершенно различный укладъ жизни и имѣющіе различное міросозерцаніе и психологию, представляютъ какъ бы два отдѣльныхъ народа. Какъ увидимъ ниже, это обстоятельство сыграло и играетъ роковую роль во всѣхъ попыткахъ создать изъ Албани единое и независимое государство.

Албанцы не имѣютъ никакого такъ называемаго историческаго права на самостоятельность, такъ какъ за все свое многовѣковое существованіе они не сумѣли сплотиться въ одинъ народъ и создать независимое государство. Постоянныя племенные распри и междоусобицы дѣлали ихъ легкой добычей другихъ болѣе сильныхъ народностей. Исторія Албани—это смѣна господствъ чужеземцевъ. Сначала ими владѣли греки и римляне, затѣмъ въ IV вѣкѣ черезъ Албанію прокатывается волна великаго переселенія народовъ, и албанцы подпадаютъ подъ власть гунновъ, готовъ, обровъ и лангобардовъ. Въ VII вѣкѣ появляются славяне, сначала сербы, а потомъ въ IX вѣкѣ—болгары. Первые утверждаютъ въ сѣверной Албани, а вторые—въ средней.

Особенно успѣшно дѣйствуютъ болгары. Ихъ цари Симеонъ, Петръ и Самуилъ предпринимаютъ въ X вѣкѣ удачныя походы въ среднюю и южную части Албани, заселяютъ ихъ болгарами, а мѣстныхъ жителей уводятъ во внутрь Болгаріи. Наболѣе ожесточенная борьба разыгрывается около Дураццо, который оспаривался у болгаръ норманами и византійцами. Славянизация Албани въ X—XIII вв. сдѣлала такіе большіе успѣхи, что современные греческіе историографы называютъ Албанію Болгаріей, а жителей ея болгарами.¹⁾ Страна была, повидимому, въ это время разбита на нѣсколько самостоятельныхъ воеводствъ, во главѣ которыхъ стояли болгарскіе бояре. Границы болгарскихъ поселеній доходили до Адриатическаго моря на западъ и отъ залива Арты

¹⁾ См. „О славянахъ въ Албани въ средніе вѣка“ проф. Макушева и его же „Обзоръ сочиненій объ албанцахъ“. Варшава, 1871 г.

на югъ до города Алессіо и Мердитскихъ горъ на сѣверѣ, гдѣ до сихъ поръ можно найти селенія съ славянскими названіями.

Во время Анжуйскаго господства (XIII и XIV в.), продолжавшагося около ста лѣтъ, притокъ славянъ въ Албанію пріостановился, но они все же удержались въ городахъ и селеніяхъ по берегу моря и около Охридскаго озера. Въ XIV вѣкѣ снова распространяется владычество сербовъ, когда Стефанъ Душанъ покорилъ почти всю Албанію. Независимые сербскіе роды властвовали въ южной Албаніи до конца XIV вѣка, а въ сѣверной—до турецкаго завоеванія. Въ отпавшей средней Албаніи господствовали албанскіе роды полуславянскаго происхожденія: музаки, топи, дукашины, кастриоты и др., воспоминанія о которыхъ сохранились до настоящаго времени въ названіяхъ мѣстностей и племенъ современной Албаніи. Къ этой же эпохѣ относится и проникновеніе въ Албанію венеціанцевъ. Они утверждаютъ преимущественно въ прибрежныхъ городахъ, назначаютъ туда правителей и заключаютъ особые договоры съ албанскими общинами. Наконецъ, въ XV вѣкѣ появляются турки, которые постепенно завоевываютъ всю страну и устанавливаютъ надъ нею свое господство, продолжавшееся почти 500 лѣтъ.

Всѣ народы, владѣвшіе Албаніей, оставили тамъ слѣды своего владычества: до сихъ поръ мы находимъ въ странѣ развалины римскихъ, греческихъ, венеціанскихъ стѣнъ, замковъ, мостовъ, водопроводовъ, остатки дорогъ и другихъ сооружений; нерѣдко откапываются прекрасныя скульптурныя произведенія, которыя, къ сожалѣнію, расхищаются частными лицами. Особенно богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи даетъ мѣстечко Полонія (Аполонія), на разстояніи нѣсколькихъ часовъ отъ Валоны, гдѣ сохранились слѣды весьма древнихъ построекъ и гдѣ, по преданію, въ древности былъ расположенъ городъ, посвященный Аполлону съ храмомъ его имени.

Однако наибольшее вліяніе оказало на албанцевъ славянское господство, которое, такъ сказать, проникло въ самое сердце народа. Славяне сыграли большую цивилизаторскую роль въ жизни албанцевъ, приобщивъ ихъ къ своей культурѣ. Одинъ изъ нашихъ ученыхъ, проф. Макушевъ, занимавшійся изученіемъ вопроса о славянахъ въ Албаніи („Историческія разысканія о славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка“), пришелъ къ такимъ заключеніямъ: „господство славянъ въ Албаніи не прошло безслѣдно; дикому пастушескому народу албанскому, скитавшемуся по горамъ и долинамъ съ огромными стадами, не знавшему законовъ, не имѣвшему городовъ, славяне передали свою образованность; они приучили албанцевъ къ жизни осѣдлой и къ сопряженнымъ съ нею выгодамъ, они дали имъ законы, они смягчили ихъ нравы. Такова была историческая задача, исполненная славянами во время многовѣковаго пребыванія ихъ въ Албаніи“. Когда прекратилось политическое господ-

ство славянъ, то начался обратный процессъ: поселившіеся въ Албаніи славяне (они составляли одно время около $\frac{1}{3}$ всего населенія) стали терять свою народность или же вытѣсняться албанцами. Въ Дибрскомъ округѣ и Матѣ до сихъ поръ существуютъ цѣлыя села, населенныя албанцами-мусульманами, которые по-албански не знаютъ ни слова, а говорятъ на македонско-славянскомъ нарѣчій. Этотъ процессъ албанизации славянъ можно было наблюдать до послѣдней балканской войны въ Коссовскомъ вилайетѣ, гдѣ жители сербскихъ селъ, вслѣдствіе невыносимо тяжелыхъ условій жизни и постоянныхъ притѣсненій со стороны албанцевъ, принимали мусульманство и объявляли себя арнаутами, оставаясь въ сущности славянами.

Слѣды славянизации албанцевъ мы находимъ до настоящаго времени въ ихъ языкѣ, повѣрьяхъ и народныхъ пѣсняхъ; нѣкоторые обряды и обычаи албанцевъ при свадьбахъ и похоронахъ, несомнѣнно, также заимствованы у славянъ. Во всей Албаніи до нашихъ дней сохранился южно-славянскій обычай побратимства. Люди, заключающіе между собою братскій союзъ, надрѣзываютъ палецъ и, смѣшавъ вышедшія капли крови съ водкой или молокомъ, пьютъ эту смѣсь въ знакъ заключенія побратимства. Побратимы считаютъ своей священной обязанностью помогать другъ другу, рискуя даже для этого жизнью. О славянскомъ господствѣ свидѣтельствуютъ понынѣ многія географическія названія. Интересно отмѣтить, что знаменитый національный албанскій герой XV вѣка Скандербегъ, ведшій многочисленныя войны съ турками для защиты албанскихъ земель, былъ по матери славянинъ, такъ какъ отецъ его Иванъ Кастриота былъ женатъ на Воисавѣ, дочери одного болгарскаго боярина изъ Македоніи.

Подъ владычествомъ иноземцевъ албанцы никогда не составляли единого народа, такъ какъ ни одинъ изъ чужеземныхъ властителей не владѣлъ всей Албаніей. Только впервые послѣ турецкихъ завоеваній всѣ албанскія племена оказались въ одномъ государственномъ организмѣ.

Въ то время какъ другія народности, подпавшія подъ власть турецкихъ султановъ,—славяне, греки, румыны, сумѣли сохранить свою национальность и организовать успѣшную борьбу противъ турокъ за свою духовную независимость, албанцы скоро утратили сознание своей народности и оказались совершенно неподготовленными для борьбы противъ турецкаго гнета. Турки съ своей стороны приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы не дать проснуться национальному сознанію албанцевъ, и энергично подавляли всякія ихъ, даже робкія, попытки въ этомъ направленіи. Они разбили албанцевъ между четырьмя разными генераль-губернаторствами, всячески поощряли ихъ племенные и родовыя распри, препятствовали открытію албанскихъ школъ и пользованію албанскимъ языкомъ. Наболѣе способные изъ албанцевъ удалялись изъ родныхъ

мѣсть и посылались на службу въ отдаленныя провинціи. Нахождение у албанца номера газеты или какой-нибудь случайной книги на албанскомъ языкѣ, завезенной заграничной пропагандой, преслѣдовалось турками, какъ государственное преступленіе.

Когда, послѣ балканской войны, албанцы силою вещей и безъ всякой съ ихъ стороны борьбы оказались освобожденными отъ турецкаго владычества, они предстали передъ Европой почти въ томъ же средневѣковомъ состояніи, въ какомъ ихъ застало турецкое завоеваніе: та же племенная раздробленность, тѣ же междоусобицы и распри, съ прибавленіемъ малокультурныхъ восточныхъ нравовъ и обычаевъ, заимствованныхъ у турокъ. Созданіе изъ этихъ элементовъ государства являлось задачей чрезвычайно неблагоприятной, если не совсѣмъ обреченной на неудачу.

Какъ независимое государство, Албанія была признана впервые на Лондонской конференціи въ декабрѣ 1912 года. Первоначальный австро-итальянскій планъ образованія Великой Албаніи, въ которую входили бы всѣ земли, населенныя албанцами, потерпѣлъ неудачу, и Албанія должна была удовольствоваться тѣми скромными границами, въ которыхъ она обозначается на современныхъ географическихъ картахъ. Эти границы были не столько этнографическія, сколько политическія, такъ какъ около половины земель, населенныхъ албанцами, не вошли въ составъ Албанскаго княжества, а были подѣлены между соседними государствами. Это обстоятельство чрезвычайно усложнило работу специальныхъ международныхъ комиссій, которымъ было поручено произвести разграниченіе на мѣстахъ. Сѣверная комиссія такъ и не успѣла закончить своихъ трудовъ, а южная, хотя, послѣ большихъ затрудненій, и довела свои работы до конца, но мѣстное населеніе, состоящее изъ огреченныхъ албанцевъ, отказалось признать установленныя границы. Результатомъ этого, какъ извѣстно, была вспышка возстанія въ южной Албаніи, поддержаннаго греческими дружинами и нынѣ закончившагося присоединеніемъ спорной области къ Греціи. Такимъ образомъ, фактически государственныя границы Албаніи точнымъ образомъ никогда установлены не были.

Еще до начала засѣданій Лондонской конференціи Албанія сама провозгласила свою независимость. Послѣ ухода турецкихъ войскъ албанскіе патріоты созвали въ Валонѣ національное собраніе, въ которомъ приняли участіе около ста пятидесяти человѣкъ представителей отъ разныхъ мѣстъ Албаніи, впрочемъ, въ громадномъ большинствѣ съ юга. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1912 года они торжественно объявили независимость Албаніи, о чемъ оповѣстили европейскіе кабинеты, и избрали временное правительство, во главѣ котораго ими былъ поставленъ нѣкто Исмаиль-Кемаль-бей. Онъ и Эссадъ-паша, о которомъ говорится ниже, являются весьма типичными фигурами современной Албаніи.

Измаиль-Кемаль, уроженецъ южной Албани (изъ окрестностей города Валоны), принадлежитъ къ знатному рода Влора, имѣющему нѣсколько развѣтвленій. Измаиль-Кемаль получилъ образованіе во Франціи, весь свой служебный стажъ продѣлалъ въ Турціи и, не имѣя никакихъ имущественныхъ интересовъ въ Албани, провелъ всю свою жизнь въ Константинополь, гдѣ достигъ высокаго званія члена государственнаго совѣта. Прекрасно знакомый съ европейскими порядками, демократъ по взглядамъ, Измаиль-Кемаль былъ проникнутъ искреннимъ желаніемъ устроить Албанію по европейскому образцу, для чего сталъ проводить разныя реформы.

Ставъ во главѣ временнаго правительства въ Валонѣ, онъ первымъ дѣломъ вступилъ въ борьбу съ мѣстными крупными беями, стараясь опираться, главнымъ образомъ, на народныя массы.

Беями въ Албани называются потомки родовъ, начальники которыхъ выслужились передъ турецкимъ правительствомъ и получили въ награду званія пашей и большія земельныя угодья. Путемъ захватовъ они увеличили свои владѣнія и такимъ образомъ образовали въ Албани (главнымъ образомъ, въ южной) классъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ. Жившіе на земляхъ беевъ крестьяне оказались въ полной зависимости отъ беевъ, для которыхъ они должны были обрабатывать землю. Отношенія между землевладѣльцами и земледѣльцами въ Албани никогда не были урегулированы никакимъ закономъ, а опредѣляются обычнымъ правомъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне получаютъ жилище и извѣстное количество сѣмянъ, обязуясь отдавать двѣ трети урожая собственнику земли, въ другихъ—беи забираютъ себѣ весь урожай, но принимаютъ на свой счетъ содержаніе крестьянъ. Благодаря такимъ условіямъ жизни, мѣстные помѣщики пользуются огромнымъ влияніемъ въ краѣ, и крестьяне находятся у нихъ въ полной кабалѣ. Вслѣдствіе отсутствія въ странѣ сильной правительственной власти, беи являются вполне хозяевами положенія. Они принимаютъ сами мѣры для охраны своихъ владѣній и личной безопасности, набирая изъ крестьянъ вооруженную стражу, строятъ дома въ видѣ небольшихъ крѣпостей и чинятъ судъ и расправу надъ поселившимися на ихъ землѣ крестьянами.

Естественно, что демократическое правительство, образованное Измаиль-Кемалемъ, было встрѣчено крайне враждебно мѣстными вліятельными беями. Въ особенности ихъ негодованіе возбуждало то обстоятельство, что министрами сдѣлались вчерашніе мелкіе лавочники, ремесленники, учителя народныхъ школъ,—все люди, еще недавно дрожавшіе передъ беями. Самъ Измаиль-Кемаль, будучи безземельнымъ и, слѣдовательно, ничѣмъ не рискуя, поднялъ аграрный вопросъ. Онъ образовалъ особыя комиссіи, которыя должны были разсмотрѣть законность владѣній нѣкоторыхъ беевъ. При этомъ большинство изъ нихъ оказа-

лось личными врагами предсѣдателя временнаго правительства. Участки, признанные насильственно захваченными, были отобраны у владѣльцевъ и отданы крестьянамъ. Такія мѣры со стороны временнаго правительства вызвали большое раздраженіе среди беевъ. Ими былъ составленъ заговоръ противъ Измаиль-Кемали, но исполненіе его не удалось, такъ какъ заговорщики были выданы и арестованы, а имѣнія ихъ преданы разграбленію. Съ этого времени началась борьба между правительствомъ и недовольными беями. Такимъ образомъ, въ первый же годъ существованія независимой Албаніи вспыхнула въ ней та внутренняя смута, которая красной нитью проходитъ по всей исторіи албанскаго народа.

Положеніе значительно ухудшилось, когда въ Албаніи появился Эссадь-паша. Его личность настолько характерна, что на ней стоитъ нѣсколько остановиться. Эссадь-паша, гегъ, уроженецъ города Тираны (въ средней Албаніи), происходитъ изъ стараго вліятельнаго рода Топтани. Въ округахъ Дураццо и Тираны ему принадлежатъ огромныя помѣстья, исчисляемая въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ земли. Весьма большіе доходы, получаемые съ нихъ, позволяютъ Эссадь-пашѣ жить очень широко. По восточному обычаю, домъ его открытъ для всѣхъ, и на его счетъ кормится много народу, и никому изъ нуждающихся не отказывается въ помощи. Но, сыпля щедрой рукой золото, паша вмѣстѣ съ тѣмъ не останавливается ни передъ чѣмъ для „устраненія“ неугодныхъ и опасныхъ для него лицъ. Въ его распоряженіи имѣется набранный имъ отрядъ изъ преданныхъ ему людей, вооруженныхъ съ ногъ до головы и готовыхъ исполнить любое приказаніе.

Почти неграмотный, Эссадь-паша тѣмъ не менѣе дослужился въ Турціи до чина генераль-майора. Знающихъ Востокъ это обстоятельство не удивитъ. Въ цѣляхъ привлеченія на свою сторону вліятельныхъ албанцевъ турецкое правительство безъ разбора раздавало чины и ордена. Въ Албаніи и теперь еще не рѣдкость встрѣтить самыхъ отчаянныхъ и извѣстныхъ головорѣзовъ, щеголяющихъ въ турецкихъ генеральскихъ и полковничьихъ мундирахъ. Чинъ полковника, между прочимъ, имѣлъ также и Иса Болитинацъ, принимавшій дѣятельное участіе въ организаціи убійства нашего консула въ Митровицѣ.

Щедрый и жестокій, угодливый съ сильными и грубый съ слабыми, хитрый и рѣшительный, не брезгающій никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей, крайне честолюбивый, Эссадь-паша напоминаетъ намъ средневѣковаго кондотьери. Вліяніе его въ средней Албаніи огромное, и автору этихъ строкъ приходилось видѣть, какъ въ Тиранѣ, родномъ городѣ Эссады, при появленіи его на улицахъ народъ падалъ предъ нимъ ницъ.

Прибытіе Эссадь-паши въ Валону послѣ сдачи Скутари не предвѣ-

щало ничего хорошаго Измаиль-Кемалю. Но, какъ хитрый и искушенный опытомъ человекъ, онъ попытался привлечь Эссада на свою сторону, предложивъ ему постъ военнаго министра, а потомъ и вице-предсѣдателя временнаго правительства. Но эти отличія, разумѣется, не могли удовлетворить честолюбиваго пашу, который покинулъ Скутари съ мечтою сдѣлаться самому королемъ Албани. Между этими двумя албанскими главарями началась глухая распря, которая потомъ не замедлила перейти въ открытую борьбу. Въ лицѣ Эссада и Измаиль-Кемалю столкнулись два племени, геги и тоски, и два міровоззрѣнія, такъ какъ одинъ былъ представителемъ и защитникомъ старо-феодальнаго порядка, а другой выразителемъ новыхъ демократическихъ идей.

Не считая себя въ безопасности, Эссадъ-паша въ одинъ прекрасный день скрылся изъ Валоны. Прибывъ въ Дураццо, онъ созвалъ тамъ народное собраніе изъ представителей сѣверной и средней Албани и заставилъ ихъ провозгласить независимое правительство и низложеніе Измаиль-Кемалю. Этотъ послѣдній отвѣтилъ ему тѣмъ же самымъ. Границей между территоріями обоихъ независимыхъ правительствъ была рѣка Шкумби. Стремясь расширить свои владѣнія, оба правителя выслали наскоро набранные ими отряды иррегулярныхъ войскъ, которые и сошлись около города Эльбасана.

Вражда между Эссадомъ и Измаиль-Кемалемъ послужила сигналомъ къ общей междоусобицѣ, которая такъ характерна для Албани. Кромѣ двухъ независимыхъ правительствъ въ Валонѣ и Дураццо, рѣзко раздѣлившихъ страну на два вооруженныхъ лагеря—сѣверную и южную Албанию, въ первой изъ нихъ главари нѣкоторыхъ племенъ также объявили независимыя правительства, именно: въ городахъ Орошѣ, Алессіо и Санъ-Джовани ди Медиа. Такимъ образомъ, къ концу перваго года своего независимаго существованія (октябрь 1913 г.) Албаниа раскололась какъ бы на пять кусковъ, и гражданская война охватила всю страну. Въ этомъ отношеніи Албаниа XX вѣка ничѣмъ не отличалась отъ Албани среднихъ вѣковъ: въ ней происходило то же *bellum omnium contra omnes*.

Прибывшимъ въ это время въ Валону органамъ международнаго управленія (контрольной комиссіи и военной голландской делегации, назначенной для организациіи жандармеріи) удалось своимъ вліяніемъ и авторитетомъ нѣсколько смягчить остроту кризиса, но не прекратить его. Вооруженныя столкновенія были приостановлены, но пять независимыхъ правительствъ продолжали существовать, не признавая другъ друга. Усилія международной комиссіи были направлены къ ликвидаціи ихъ и къ объединенію Албани подъ одной какой-нибудь властью. Неожиданное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ было оказано заговоромъ молодыхъ.

Съ самаго начала, какъ извѣстно, Европа предполагала сохранить нѣкоторую моральную связь между Турціей и Албаніей, въ видѣ признанія халифскихъ правъ султана. Этимъ имѣлось въ виду дать удовлетвореніе религиозному чувству преобладающаго въ странѣ мусульманскаго населенія. Но турки, находясь еще подъ впечатлѣніемъ недавнихъ албанскихъ возстаній, бывшихъ для нихъ прелюдией къ несчастной балканской войнѣ, отказались отъ предложенной имъ комбинаціи, вслѣдствіе чего и было рѣшено сдѣлать Албанію совершенно независимымъ государствомъ. Однако въ концѣ 1914 года господствующая въ Константинополѣ младотурецкая партія измѣнила свой взглядъ на этотъ вопросъ и рѣшила наложить на Албанію свою руку. На эту авантюру младотурецкій комитетъ ассигновалъ особыя средства. Имъ были приготовлены отряды турецкихъ солдатъ, всего около 4,000 человекъ, подъ командой особенно довѣренныхъ офицеровъ. Отряды эти были снабжены оружіемъ и всѣми необходимыми матеріалами. По плану младотурокъ, отряды должны были быть доставлены въ Албанію партіями, по нѣскольку сотъ человекъ, подъ видомъ эмигрантовъ или торговцевъ, съ соответственными паспортами, заготовленными для этого въ Константинополѣ. Предварительно же въ разныхъ мѣстахъ Албаніи младотурецкіе агенты организовали тайные комитеты, которые стали усердно пропагандировать среди мусульманъ идею князя изъ дома оттомановъ. Но весь планъ младотурокъ захватить Албанію потерпѣлъ крушеніе. Заговорщикамъ удалось лишь высадить первую партію солдатъ, послѣ чего заговоръ былъ обнаруженъ, и главные руководители его были арестованы, преданы военному суду и приговорены къ разнымъ наказаніямъ.

Слѣдствіе по этому дѣлу обнаружило тайное участіе въ заговорѣ всѣхъ временныхъ правительствъ въ Албаніи, такъ какъ каждому изъ нихъ въ отдѣльности младотурки обѣщали свое содѣйствіе. Въ особенности же скомпрометированными оказались Эссадъ-паша и Измаиль-Кемаль-бей, которые, въ борьбѣ одинъ противъ другого, старались привлечь на свою сторону младотурокъ и использовать ихъ заговоръ въ своихъ личныхъ выгодахъ. Открытіе этихъ обстоятельствъ дало возможность международной комиссіи покончить съ мѣстными правительствами, убѣдить предсѣдателей временныхъ правительствъ въ Дураццо и Валонѣ отказаться для блага страны отъ власти. Были назначены временные губернаторы, а высшій надзоръ за управленіемъ во всей Албаніи комиссія взяла на себя. Такимъ образомъ, къ пріѣзду избраннаго Европой князя Албанія оказалась объединенной подъ одной властью. Въ это же время партія албанскихъ націоналистовъ подняла вопросъ о скорѣйшемъ пріѣздѣ въ страну новаго правителя, увѣренная, что съ его водвореніемъ въ Албаніи начнется заря новой жизни. Какъ извѣстно, послѣдующія событія не оправдали этихъ ожиданій.

Князь Видъ прибылъ въ Дураццо въ концѣ февраля прошлаго года, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ уже началось возстаніе албанскихъ мусульманъ, приведшее, въ концѣ-концовъ, къ осадѣ Дураццо, продолжавшейся до дня отъѣзда князя,—въ срединѣ августа того же года. Все правленіе князя Вида въ Албани продолжалось немногимъ болѣе пяти съ половиной мѣсяцевъ. Причины неудачъ, постигшихъ перваго христіанскаго правителя Албани, разнообразны. Однѣ относятся къ самой личности его, другія къ народу, во главѣ котораго онъ былъ поставленъ.

Несомнѣнно, что на избранника Европы, кто бы онъ ни былъ, возлагалась весьма трудная задача управлять такой страной, какъ Албанія. Для устройства ея требовались большой опытъ и всестороннее знаніе Востока, между тѣмъ какъ новый правитель Албани по роду своихъ предыдущихъ занятій былъ мало подготовленъ къ выполнению возложенной на него миссіи: онъ не имѣлъ почти никакой практики въ государственныхъ дѣлахъ. Кромѣ того, нравы и обычаи такой оригинальной страны, какъ Албанія, были совершенно чужды и непонятны не бывавшему никогда на Востокѣ нѣмецкому принцу. Они вызывали съ его стороны и со стороны его приближенныхъ насмѣшливое отношеніе къ народу, что, конечно, не проходило незамѣченнымъ и мало способствовало популярности.

Какъ восточная страна, отставшая въ своемъ развитіи почти на полтысячелѣтія отъ другихъ государствъ, Албанія менѣе всего нуждалась сразу въ европейскихъ установленіяхъ, которыя были для нея совершенно непригодны. Это обстоятельство не было принято во вниманіе, и первое албанское правительство явилось слѣпымъ подражаніемъ западно-европейскимъ порядкамъ. Оно представлялось кабинетомъ министровъ изъ восьми человекъ. Ни число ихъ, ни назначенное имъ содержаніе не соотвѣтствовали ни потребностямъ Албани, ни ея денежнымъ ресурсамъ. Желających попасть въ министры среди мѣстныхъ беевъ оказалось слишкомъ много, и всѣ лица, честолюбіе коихъ не было удовлетворено, составили враждебную князю партію и стали вести противъ него глухую борьбу. Вновь учрежденныя министерства, вслѣдствіе мѣстныхъ условій жизни, оказались безъ всякой организаціи, и персоналъ ихъ ограничивался одними министрами, которые были въ сущности безъ вѣдомствъ. Такимъ образомъ, существовали министры военный, путей сообщенія, почты и телеграфовъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія и общественныхъ работъ, между тѣмъ какъ Албанія не имѣла ни одного солдата, ни дорогъ, ни школъ, ни судовъ, ни почтъ и телеграфовъ и никакихъ общественныхъ работъ.

Не соображаясь съ тѣмъ, что въ мусульманскихъ странахъ созданіе двора въ европейскомъ смыслѣ слова не соотвѣтствуетъ укладу жизни восточныхъ народовъ, тѣмъ не менѣе въ Албани

надумали учредить при князѣ придворныя должности и чины, для занятія коихъ предполагалось привлечь мѣстные элементы. Это внесло большія смуты въ умы беевъ и ихъ женъ. Желавшихъ попасть къ княжескому двору оказалось гораздо больше, чѣмъ того требовалось. Въ гаремахъ начались ярое соперничество и интриги изъ-за чести сдѣлаться придворной дамой. Боясь обвиненій въ недостаткѣ свѣтскости, албанки-мусульманки, считавшія себя почему-либо кандидатками на придворныя должности, стали появляться на улицахъ безъ покрываль, принимать у себя иностранцевъ, носить модныя европейскія платья и показывать явное пренебреженіе къ старымъ мусульманскимъ обычаямъ. Въ концѣ-концовъ мысль о созданіи придворнаго штата, вслѣдствіе ея явной непрактичности, была оставлена, но тѣмъ не менѣе эти попытки увеличили неудовольствіе албанцевъ противъ князя, а старая мусульманская партія обвинила его въ посягательствѣ на чистоту нравовъ и традицій мусульманской семьи. Между прочимъ, главари повстанцевъ, въ числѣ причинъ, по которымъ они требовали замѣны христіанскаго князя мусульманскимъ, выставляли и ту, что онъ съ неуваженіемъ относится къ мусульманству и хочетъ сдѣлать всѣхъ мусульманъ христіанами. Разубѣдить ихъ въ томъ, что ничего подобнаго не было, оказалось невозможнымъ.

При всемъ томъ было бы несправедливо сваливать всѣ неудачи первыхъ шаговъ независимаго существованія Албаши на ея правителя и созданное имъ правительство; большая часть отвѣтственности падаетъ также и на самый народъ албанскій, оказавшійся мало подготовленнымъ къ самостоятельной жизни.

Многовѣковое турецкое владычество оставило глубокой слѣдъ на албанцахъ, прививъ имъ восточный характеръ и привычки. Лѣность албанцевъ, отсутствіе какой-нибудь здоровой инициативы и энергии, поражающія всякаго наблюдателя, несомнѣнно, являются наслѣдіемъ господства турокъ. Любимое занятіе албанцевъ, какъ и всѣхъ восточныхъ людей, это—сидѣніе въ кофейнѣ, игра въ кости и карты, безконечные разговоры о политикѣ или же просто ничегонедѣланіе. Простолюдинъ албанецъ работаетъ лишь настолько, чтобы слѣдующій день можно было провести въ кофейнѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ албанцы чрезвычайно тщеславны и честолюбивы. Они любятъ разбираться въ своихъ родословныхъ и кичиться принадлежностью къ тому или иному роду. Ихъ весьма привлекаютъ положеніе, титулы, чины и ордена, изъ-за которыхъ они готовы идти на всевозможныя лишенія. Едва ли есть еще другая страна, гдѣ бы честолюбіе было до такой степени чертой народнаго характера. Въ Албаніи трудно найти ремесленниковъ и простыхъ работниковъ, но кандидаты на высшія должности являются сотнями, причемъ всѣ неудовлетворен-

ные считают себя искренно обиженными и переходят въ оппозицію къ правительству.

Общественная жизнь въ Албани не существуетъ, и мѣстами собраній тамъ являются кофейни и бекташійскіе монастыри. Съ созданіемъ независимой Албаніи выразительницами общественнаго мнѣнія были двѣ небольшія газетки, издававшіяся одна на сѣверѣ, а другая на югѣ. При этомъ каждый изъ издателей и редакторовъ, въ виду неустановленности основъ албанскаго языка, придерживался своей собственной этимологіи и грамматики.

Сословіи у албанцевъ нѣтъ, а существуютъ только классы богатыхъ и бѣдныхъ, причемъ вкусы и потребности людей зажиточныхъ ничѣмъ не отличаются отъ таковыхъ же у простолюдиновъ, первые живутъ лишь въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ, чѣмъ вторые. Вообще, вся страна и весь укладъ ея жизни носитъ демократическій характеръ, столь присущій всему Востоку. Бей, наиболѣе состоятельный классъ, живутъ обыкновенно въ своихъ усадьбахъ въ весьма примитивной обстановкѣ.

Призванные довольно неожиданно для нихъ самихъ къ самостоятельной жизни, албанцы въ дѣлѣ государственнаго строительства оказались новичками съ весьма легкимъ багажомъ. У албанскихъ націоналистовъ, принявшихъ за эту трудную и отвѣтственную задачу, нехватало ни опыта, ни знаній. Турецкое владычество мало способствовало образованію кадра людей, способныхъ заниматься государственными дѣлами, а немногіе бей, успѣвше побывать во Франціи, Австріи и Италіи, ничему полезному тамъ не научились, а приобрѣли лишь нѣкоторый внѣшний лоскъ, который въ ихъ лицѣ еще больше подчеркивалъ глубокую пропасть между западною цивилизаціею и мѣстною дѣйствительною жизнью.

Очень немногіе албанскіе патриоты отдавали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что возрожденіе Албаніи, если ему суждено когда-либо осуществиться, должно итти послѣдовательными этапами, при постепенномъ измѣненіи условій жизни и приспособленіи ихъ къ новой политической обстановкѣ. По ихъ мысли, на первое время слѣдовало оставить большинство турецкихъ установленій, такъ какъ народъ свыкъся съ ними, и реформы должны заключаться лишь въ улучшеніи ихъ. Подавляющее же число албанскихъ дѣятелей думало и думаетъ, что они могутъ возродить Албанію безъ упорной и медленной работы, путемъ одной ломки всего прежняго и заимствованіемъ готовыхъ формъ государственной жизни на западѣ. Въ этомъ отношеніи они повторили, несомнѣнно, ту же ошибку, что и младотурки, стараясь сдѣлать второй шагъ раньше перваго. Это замѣтно какъ въ частной, такъ и въ государственной жизни. Въ Албани, напримѣръ, нѣтъ дорогъ, и путешествовать приходится верхомъ или пѣшкомъ, тѣмъ не менѣе многие бей выписали себѣ изъ-

за границы коляски, которыя стоятъ у нихъ безъ всякаго употребленія. Одинъ изъ нихъ, наиболѣе тщеславный, купилъ даже автомобиль, который помѣстилъ у себя въ домѣ въ одной изъ комнатъ нижняго этажа и съ гордостью показываетъ проходящимъ, какъ рѣдкую мебель. Между тѣмъ никому изъ нихъ въ голову не придетъ употребить бесполезно потраченныя деньги на сооруженіе дорогъ.

Ту же непослѣдовательность они проявляютъ и въ дѣлахъ государственнаго строительства. Какъ уже было выше отмѣчено, въ Албаніи нѣтъ никакихъ судовъ, тѣмъ не менѣе албанскій министръ юстиціи рѣшается ввести, по западно-европейскому образцу, суды присяжныхъ. Были разосланы соотвѣтствующіе циркуляры, предписывающіе набирать присяжныхъ принудительно, если не найдется желающихъ. Въ результатѣ оказалось, что во всѣхъ образованныхъ такимъ образомъ судахъ въ присяжные на двѣ трети попали разбойники и ускользнувшіе отъ наказанія убійцы и другіе преступники. При трудности найти другіе элементы эта затѣя была оставлена.

Точно такъ же, не считаясь съ дѣйствительностью, албанскіе патріоты мечтаютъ о созданіи національнаго университета, высшихъ школъ, забывая, что у нихъ нѣтъ еще начальныхъ и среднихъ училищъ. Не менѣе серьезно они говорятъ о необходимости создать для Албаніи парламентъ и государственныя учрежденія наподобіе французскихъ и англійскихъ. Объ этомъ ведутся безконечныя споры и разговоры, а въ бесполезныхъ попыткахъ тратятся время и силы.

Главная же причина крушенія всѣхъ плановъ албанскихъ патріотовъ относительно созданія самостоятельнаго государства кроется въ томъ, что албанцы еще не доросли до національнаго самосознанія. Каждый албанецъ прежде всего чувствуетъ себя сыномъ своего рода и племени, а потомъ уже албанцемъ. Такимъ образомъ, племенные интересы идутъ у нихъ впереди національныхъ. Добравшись до власти, албанецъ въ первую голову думаетъ о томъ, какъ бы отличить тотъ родъ, къ которому онъ принадлежитъ. Онъ сейчасъ же окружить себя сородичами, постарается раздать имъ выгодныя мѣста и предоставить разныя льготы и привилегіи, хотя бы въ ущербъ государственнымъ интересамъ. Былъ такой случай, когда одинъ изъ министровъ юстиціи, происходившій изъ одного мѣстечка въ южной Албаніи, на всѣ судейскія должности назначилъ исключительно своихъ земляковъ, не задумавшись при этомъ преслѣдовать лицъ, находившихся во враждѣ съ членами его рода.

Всѣ попытки образованія правительства въ Албаніи изъ мѣстныхъ элементовъ оканчивались неудачей, такъ какъ неизмѣнно приводили къ соперничеству между родами. При этомъ контингентъ чиновниковъ набирался почти исключительно изъ южныхъ албанцевъ, какъ болѣе куль-

турныхъ; сѣверная же часть Албаніи, населенная гегами, вслѣдствіе ихъ полной непригодности, отстранялась отъ участія въ управленіи страной. При непримиримой враждѣ, существующей между сѣверными и южными албанцами, оказывалось невозможнымъ образовать правительство, которое удовлетворило бы всю страну.

При такихъ условіяхъ созданіе новаго государства и управленіе имъ могло наладиться только при широкомъ содѣйствіи иностранцевъ. Въ виду этого въ помощь албанцамъ были предоставлены два международныхъ органа: контрольная комиссія и двѣнадцать голландскихъ офицеровъ для организациі мѣстной жандармеріи. Изъ ложнаго національнаго самолюбія большинство албанскихъ патріотовъ относилось весьма недружелюбно къ идеѣ иностраннаго вмѣшательства и хотя не рѣшалось открыто противодѣйствовать ему, тѣмъ не менѣе скрытой оппозиціей парализовало всю ту пользу, которую они могли извлечь изъ совмѣстной работы съ иностранцами. Ту же ошибку повторилъ и князь, который, подъ вліяніемъ націоналистовъ, хотѣлъ обойтись мѣстными силами и при ихъ помощи устроить Албанію. Результаты, какъ мы видѣли, не заставили себя долго ждать, и страна очутилась во власти анархіи и междоусобицы.

За время своего недолгаго существованія Албанія еще не успѣла окончательно установить своихъ отношеній къ сосѣднимъ странамъ. Съ самаго начала среди албанскихъ дѣятелей обозначились два теченія: одно—имѣвшее въ виду предохранить страну отъ какихъ-либо авантуръ и подчинить ее вполне волѣ Европы, другое же—ультра-националистическое, требовавшее возстановленія Албаніи въ ея этнографическихъ границахъ. Руководящая имъ партія албанскихъ ирредентовъ стремится вернуть Албаніи всѣ земли, населенныя албанцами, нынѣ же отошедшія къ Сербіи, Черногоріи и Греціи. Не имѣя регулярнаго войска и раздраемая внутренними смутами, Албанія въ этомъ отношеніи серьезной опасности для своихъ сосѣдей не представляетъ. Правда, албанскія банды, организованныя партией крайнихъ націоналистовъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ иностранныхъ агентовъ, производятъ набѣги на территории соприкасающихся съ Албаніей государствъ, но существеннаго вреда имъ не приносятъ.

Съ отъѣздомъ князя Вида положеніе вещей въ Албаніи мало изменилось къ лучшему. Въ Дураццо снова появился Эссадъ-паша и сталъ во главѣ правительства, образованнаго повстанцами, занявшими этотъ городъ. Впрочемъ, власть пашы ограничивается небольшою территоріей, прилегающей къ Дураццо, и не распространяется далѣе Тираны. Большинство же племенъ сѣверной Албаніи отказались подчиниться этому правительству и требуютъ удаленія Эсада, обвиняя его въ измѣнѣ. Онъ выслалъ противъ нихъ отряды своихъ приверженцевъ, и стычки между

ними и противниками паши, съ переменнымъ счастьемъ, происходятъ почти ежедневно.

На югѣ Албаніи, въ виду занятія итальянцами Валоны и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей греками, положеніе относительно лучше, но въ незанятыхъ районахъ царитъ полная анархія, такъ какъ никакого единого правительства не существуетъ, а отдѣльные округа управляются представителями мѣстныхъ вліятельныхъ родовъ, враждующихъ между собою. Словомъ, передъ нами знакомая картина удѣльно-родового періода, переживаемаго Албаніей съ самаго начала ея существованія.— Эта черта національной жизни албанцевъ рѣзко бросается въ глаза при первомъ знакомствѣ съ ними. Ее хорошо подмѣтилъ историкъ и албановѣдъ Фалльмерайеръ, мѣтко охарактеризовавшій Албаню въ одномъ изъ своихъ трудовъ такими словами: „Албанія—родина невысокихъ помысловъ, сѣдалище физической силы; это—страна, легко подчиняющаяся чужой власти; въ ней легко уживаются безправіе и безначаліе“.—Этой характеристикой мы и закончимъ настоящій очеркъ.

А. Петряевъ.

Д а й - Н и п о н ъ .

Переживанія и настроенія современной Японіи.

I.

Въ мартѣ прошлаго года въ Токио, въ циркѣ національной борьбы—въ Рюгоку—японскими журналистами былъ организованъ грандіозный митингъ. Митинги, различныя манифестаціи и общественныя собранія, часто происходящія подъ открытымъ небомъ, на улицахъ или въ паркахъ,—въ современной Японіи явленіе обыденное. Даже старая, дореформенная Японія любила эту уличную жизнь. Теплое благодатное небо Японіи, самый укладъ японской жизни и даже самый характеръ японскаго жилища невольно содѣйствуютъ тому, что японецъ значительную часть своей жизни проводитъ на улицѣ. А послѣ реформъ, послѣ усиленной европеизаціи, эта уличная жизнь не только не умерла, а наоборотъ, получила еще большее развитіе. Но въ то же самое время она значительно перемѣнилась, въ нее влилось общественно-политическое начало, и скоро въ Японіи къ митингамъ такъ же привыкли, какъ раньше привыкли къ праздничнымъ шествіямъ. Однако грандіозный митингъ японскихъ журналистовъ въ Рюгоку все же выдѣлялся, онъ превратился въ крупное событіе: вѣдь онъ былъ посвященъ выясненію самыхъ серьезныхъ, злободневныхъ вопросовъ; онъ, какъ тогда говорили, превратился въ судъ надъ той политикой, тѣми людьми, наконецъ надъ тѣми событіями, которыя въ общей совокупности заставили Японію пережить „мирную Цусиму“... На этомъ митингѣ разбирались тотъ въ высшей степени служный клубокъ противорѣчій и ошибокъ, которыя со всѣхъ сторонъ опутали Японію. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ „Дай-Нипонъ“—„Великая, могущественная, державная Японія“—находится во власти этихъ ошибокъ и противорѣчій, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ въ обществѣ крѣпнутъ убѣжденія, что страна идетъ по неправильному пути!...

Митингъ былъ очень шумный. На немъ присутствовалъ весь цвѣтъ современной японской журналистики. Здѣсь говорили рѣчи такіе талант-

ливые и видные общественные дѣятели, какъ Одазаки, Симада, Куросу, Курахара, Сайто, Умехара, Ота и Кикиуци. Въ рѣчахъ ораторовъ самыхъ разнообразныхъ политическихъ взглядовъ и направленій освѣщался прежде всего вопросъ о кабинетѣ, приведшемъ страну къ такой катастрофѣ, какъ обнаружившійся скандалъ во флотѣ; о недовѣрїи къ этому кабинету и даже о преданїи его суду. Но этотъ вопросъ невозможно было выдѣлить изъ общей массы современныхъ японскихъ нуждъ и вопросовъ, онъ крѣпкими и многочисленными нитями былъ связанъ какъ съ внутренними дѣлами Японїи, такъ даже и съ направлениемъ ея внѣшней политики. А поэтому въ рѣчахъ ораторовъ полно освѣщалась и вся внутренняя жизнь маленькой островной страны, вскрывались всѣ ея язвы, всѣ ея гнойники. И этихъ язвъ оказалось такъ много, что большинство присутствующихъ на митингѣ общественныхъ дѣятелей пришло къ очень пессимистическому выводу.

— Дай-Нипонъ,—раздавалось на этомъ митингѣ,—переживаетъ упадокъ!

Рушатся старыя традиціи самураевъ. Сходятъ въ могилу одинъ за другимъ дѣятели великой и счастливой эпохи Мейдзи (Мейдзи—посмертное имя недавно умершаго японскаго императора Муцухито). Изнываетъ подъ бременемъ непосильныхъ налоговъ японскій народъ. Растетъ несоотвѣтствіе между основами японскаго быта и европеизаціей, которая попрежнему остается внѣшней, чуждой народу. Устарѣли формы общественной жизни. Растетъ нужда. Тяжело дальнѣйшее увеличеніе военныхъ расходовъ, тягостно иго милитаризма. А сосѣдняя циндаоская цитадель громко говоритъ объ общемъ международномъ ростѣ военныхъ расходовъ, она опредѣленно говоритъ о томъ, что Японїя не должна прїостанавливать развитіе своей военной мощи, что осложненїя близки...

— Такъ гдѣ же выходъ изъ этого тяжелаго положенїя?...

II.

Послѣ митинга журналистовъ на затронутые митингомъ вопросы отозвалась и печать. Съ мужественной откровенностью печать подвергла рѣзкой всесторонней критикѣ положеніе современной Японїи; печать какъ бы подводила итоги послѣдней четверти вѣка, подводила итоги дѣятельности Муцухито, при жизни котораго всякая критика его дѣятельности была невозможна, потому что на немъ лежалъ отблескъ неба... Уже одно это сразу ярко вскрывало все несоотвѣтствіе между основами японскаго быта и той европеизаціей, которая переживалась страной. Реформы и счастливая война выдвинули Японїю, измѣнили внѣшнїй обликъ ея, столкнули ее съ Европой. Вѣками запертая и огражденная отъ европейскаго вліянія, Японїя тридцать лѣтъ тому назадъ открыла свои двери

и жадно начала впитывать европейскую культуру. Но эта европеизация не вошла внутрь страны, она не пошатнула основъ японскаго быта и сама не подчинилась его влиянію. Это были двѣ различныя силы. И, съ одной стороны, улицы Токио превращались въ культурнѣйшій уголокъ Европы, появился даже парламентъ, а съ другой стороны, императоръ остался сверхъ-человѣкомъ, носителемъ божескаго начала, женщина попрежнему осталась запертой въ семьѣ, воля родителей оставалась неограниченной, крестьянское население испытывало сильную нужду пролетаріатъ оставался безправнымъ, а власть сохранилась въ рукахъ олигархій—въ рукахъ всесильнаго „генро“, партіи родовой аристократіи. И отсюда вытекали тѣ разногласія, тѣ нестроенія, которыя съ каждымъ годомъ въ странѣ все увеличивались и увеличивались.

Внѣ всякаго сомнѣнія Муцухито является однимъ изъ величайшихъ людей новой Японіи. Съ его именемъ связано много блестящихъ страницъ Японіи, его дѣятельность окажетъ громадное влияніе на ея дальнѣйшую исторію, и возможно, что этотъ императоръ превратится въ національнаго героя. При немъ, въ эпоху великаго Мейдзи, какъ говоритъ японская печать, маленькая и незамѣтная азиатская страна, всѣми забытая и раздраемая междоусобіями, быстро превратилась въ великую державу, заняла доминирующее положеніе на Дальнемъ Востокѣ и даже вложила свою долю въ сокровищницу международной культуры.

За это короткое время Японія одержала блестящую побѣду надъ Китаемъ и получила Формозу и Пескадорскіе острова, затѣмъ, послѣ войны съ Россіей, она получила часть Сахалина, потомъ аннектировала Корею и приблизилась къ Маньчжуріи. Въ самое короткое время ея территорія съ 25,000 квадратныхъ ри (1 кв. ри = 13.432 кв. вершкамъ) расширилась до 43,000 кв. ри; ея финансы за это время съ 63 мил. іенъ, возросли до 1,200 мил. іенъ; населеніе ея увеличивается въ 2 раза; до сихъ поръ замкнутая страна, теперь она открываетъ свои двери, гостепрѣмно встрѣчаетъ иностранцевъ, начинаетъ участвовать въ международной торговлѣ, и ея торговые обороты съ 26 мил. іенъ въ короткое время поднимаются почти до сказочной за такой короткій промежутокъ времени цифры—до 1,100 мил. іенъ! Такъ быстро, такъ сказочно росла за это время Дай-Нипонъ...

„Прогрессъ Японіи, — говоритъ вліятельная газета *Ници-Ници*, — какое-то мистическое чудо, какой-то рѣзкій скачокъ впередъ. Японія достигла своего современнаго развитія очень легко, безъ всякихъ задержекъ и неудачъ; она достигла этого въ то время, когда у нея еще не было ни прочнаго фундамента, ни полной подготовленности. Такую тяжелую эволюцію она пережила какъ бы шутя“...

Дѣйствительно, эта счастливая страна почти не испытала родовыхъ мукъ, и то, что другія страны получили цѣною тяжелыхъ усилий, на что

у нихъ нерѣдко уходили цѣлыя столѣтія, то Японія взяла сразу, легко и почти въ готовомъ видѣ. И въ этомъ ея сила и ея слабость, изъ этого вытекають тѣ противорѣчія и нестроенія, во власти которыхъ находится современная Японія. Она не переболѣла свою эволюцію, европеизація не затронула пока ея основныхъ устоевъ, она скользнула по японскому характеру какъ внѣшній лоскъ, она осталась чуждой японцу, и японецъ никогда не будетъ видѣть, какъ мы, въ Европѣ свое второе отечество. И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все больше накапливалось въ японскихъ прогрессивныхъ кругахъ недовольство такой показной культурой.

„Еще не такъ обидно бы было, — говорить та же *Нини-Нини*, — если бы эта европейская показная культура вводилась къ намъ безъ особыхъ затратъ, но мы за нее платили и платимъ весьма дорого. И вотъ, приобщившись за дорогую плату къ европейской культурѣ, еще окончательно не усвоивъ чуждой намъ цивилизаціи, мы уже растратили громадную часть своихъ государственныхъ силъ“...

Самая слабая сторона этого заимствования заключалась въ томъ, что оно двигалось волею и усиліями Муцухито и тѣхъ чрезвычайно талантливыхъ и энергичныхъ сотрудниковъ, которыхъ императору удалось собрать вокругъ себя. Но странѣ надо было переработать эти заимствования, надо было не останавливаться на полпути, а Муцухито старѣлъ, реформаторская дѣятельность приостановилась; ряды его сотрудниковъ быстро порѣдѣли: одни были признаны слишкомъ радикальными, а другихъ вырвала неумолимая смерть. И вотъ, вмѣсто даровитыхъ людей у власти очутились люди, которые выдвигались не личными качествами и талантами, а умѣніемъ примѣняться къ обстоятельствамъ и къ тому курсу, во власти котораго въ это время находилась Японія. И вотъ все это, по утвержденію японской прогрессивной печати, и привело страну къ тому развалу, который переживала Японія наканунѣ европейской войны.

III.

Началось все это съ русско-японской войны. Теперь и въ Японіи, какъ и у насъ, на эту войну многіе смотрять лишь какъ на ужасное недоразумѣніе, какъ на рядъ сплошныхъ ошибокъ, допущенныхъ какъ съ нашей стороны, такъ и со стороны японцевъ. Тогда Японія не разглядѣла своего дѣйствительнаго врага, и ударъ, готовый пасть на его голову, упалъ на насъ. Не задолго передъ русско-японской войной въ Берлинѣ былъ громко провозглашенъ лозунгъ:

— На Дальній Востокъ!

Этотъ лозунгъ оказалъ громадное вліяніе на политику многихъ европейскихъ государствъ; интересъ къ Дальнему Востоку чрезвычайно воз-

рость; Дальній Востокъ началъ переживать своего рода ажіотажъ, и политика нѣкоторыхъ государствъ приняла здѣсь характеръ активности. Особенно замѣтно было движеніе на Дальній Востокъ со стороны Германіи, которая въ то время чрезвычайно старалась развить свою колониальную политику. Императоръ Вильгельмъ въ то время часто и опредѣленно говорилъ, что будущее Германіи—въ ея колоніяхъ, т.-е. въ томъ, что она теперь, быть можетъ, окончательно и безповоротно потеряла... Захвативъ въ свои руки Шаньдунъ, Германія быстро развивала въ Китаѣ свое вліяніе. Она не считалась ни съ международнымъ правомъ, ни съ національнымъ самолюбіемъ Китая, и съ каждымъ днемъ ея политика здѣсь начинала носить характеръ все большей и большей нетерпимости. Но въ то же самое время Германія хорошо знала, что на пути ея къ господству въ Китаѣ на Дальнемъ Востокѣ у нея были два сильныхъ противника—Японія и Россія, готовыхъ протянуть къ тому же другъ другу руку дружбы. И она постаралась создать здѣсь такую конъюнктуру, которая исключала бы эту дружбу, разбила бы ее и обезсилила бы взаимно и Россію и Японію. Нужно ли напоминать, какъ все это случилось? Императору Вильгельму удалось широко использовать въ Японіи такихъ государственныхъ дѣятелей, какъ Катцура, Ито и Терауци, а у насъ—министра внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве, который гордился вниманіемъ къ нему императора Вильгельма и настойчиво поддерживалъ наше предпріятіе на р. Ялу, явившееся, какъ извѣстно, яблокомъ раздора. И зарождающаяся дружба Россіи съ Японіей была убита, вспыхнула вражда, въ Берлинѣ торжествовали побѣду, а на Дальнемъ Востокѣ полилась кровь... Что же касается Россіи и Японіи, то говорить о выигрышѣ или выигрышѣ въ эту войну съ чьей-либо стороны невозможно. Съ внѣшней стороны Японія побѣдила, но въ то же самое время она нанесла себѣ такую рану, которая все время продолжала сочиться кровью и обезсиливала молодую страну...

Все, что было потомъ, почти до самаго послѣдняго времени, до возникновенія европейской войны, въ русско-японскихъ отношеніяхъ, все это было ненормально и тяжело. Портсмутскій договоръ не внесъ на Дальнемъ Востокѣ успокоенія; онъ не уничтожилъ и не могъ уничтожить той подозрительности, которая здѣсь какъ бы таилась за каждымъ кустомъ, за каждой сопкой и которая вызывалась политикой той же Германіи. Здѣсь все время казалось, что это не миръ, а лишь перемиріе, за которымъ неминуемо должна возникнуть новая война. И никто твердо и опредѣленно не зналъ, кто съ кѣмъ и изъ-за чего будетъ воевать; но всѣ постоянно думали и говорили о войнѣ, всѣ видѣли, что такъ долго тянуться не можетъ, что такой миръ хуже всякой войны. Желая сгладить это тяжелое впечатлѣніе, желая укрѣпить это перемиріе, придать ему, такъ сказать, затяжной характеръ, у насъ заговорили о

русско-японскомъ соглашеніи. Задуманный немедленно послѣ войны, когда еще сочились раны и не улеглись страсти, этотъ проектъ явился преждевременнымъ и мертворожденнымъ. А берлинскіе комментаріи не только не внесли здѣсь успокоенія, а наоборотъ, лишь усилили подозрительность: все было недоговореннымъ, воздухъ былъ напитанъ зловѣщими слухами—японцы протянули намъ руку и въ то же самое время выдвинули свой знаменитый законопроектъ о созданіи новыхъ дивизій, о большой судостроительной программѣ.

Политика Японіи дѣлалась агрессивной; въ странѣ пышно расцвѣтала милитаризмъ, онъ впитывалъ всѣ живительные соки страны и все время требовалъ отъ нея все новыхъ и новыхъ жертвъ. Японія превращалась въ цитадель милитаризма и бѣднѣла; она бѣднѣла отъ каждой вновь выстроенной пушки, отъ каждаго вновь спущеннаго въ воду броненосца. Налоги стремительно повышались, и жизнь чрезвычайно дорожала.

„Жизнь чрезвычайно дорожаетъ, а заработки падаютъ“, — вотъ къ какому печальному выводу пришелъ г. Хозой-Кэй, производившій недавно по данному вопросу въ Японіи очень интересную и обширную анкету. На основаніи добытыхъ имъ точныхъ данныхъ онъ сообщаетъ, что цѣны на предметы первой необходимости за послѣднее десятилѣтіе повысились на 40%, причемъ особенно повысились—почти на 55%—цѣны на такіе важные пищевые продукты, какъ чай, рисъ, сахаръ и рыба. Затѣмъ онъ сравнивалъ заработки, и оказалось, что за это время заработки повысились только у домашней прислуги, а на заводахъ и фабрикахъ заработная плата за это время даже понизилась. Такъ, на казенныхъ заводахъ и фабрикахъ средняя плата за рабочій день такова: для мужчинъ—74 коп., женщинъ—30 коп., а есть мастерскія, какъ, напримеръ, мастерскія при управленіи бригадъ военныхъ сообщеній въ Токио, гдѣ заработная плата еще ниже, гдѣ за рабочій день платятъ даже мужчинамъ по 22 копейки! Точно такъ же низка заработная плата и на частныхъ заводахъ. Здѣсь въ среднемъ за рабочій день платятъ: мужчинамъ—52 коп., женщинамъ—25 коп., мальчикамъ—19 коп., а дѣвочкамъ даже по 14 копеекъ! Такимъ образомъ, по сравненію съ рабочими другихъ странъ, японскій рабочій обезпеченъ менѣе всего.

Въ своемъ трудѣ г. Хозой-Кэй рисуетъ мрачную картину жизни японскаго рабочаго. Здѣсь нечего говорить не только о полномъ, но даже и объ относительномъ довольствѣ. Японскій рабочій принужденъ жить впроголодь, никакого обезпеченія на черный день у него нѣтъ, кассы взаимопомощи и различныя рабочія организаціи только еще въ зачаткѣ, и поэтому даже временное лишеніе для него заработка равносильно обреченію на голодовку. И къ глубокому сожалѣнію это не фраза, а горькая истина, зафиксированная короткими хроникерскими замѣтками

большинства японскихъ газетъ. Наканунъ войны хроника японскихъ газетъ ежедневно пестрѣла сообщеніями о самоубійствахъ среди безработныхъ. Да и какъ не быть этимъ самоубійствамъ, когда наканунъ войны, по официальнымъ даннымъ, въ одномъ Осока было до 10,000 безработныхъ! И въ довершеніе къ этому надо прибавить, что японскій законъ не ограждаетъ японскаго рабочаго отъ произвола; его интересы онъ ввѣряетъ доброму чувству и справедливости хозяина, а забастовщика, прибѣгающаго даже только къ агитации, разсматриваетъ, какъ уголовнаго преступника...

IV.

За послѣднее время очень много говорилось о такъ называемой континентальной политикѣ Японіи. Молодой, быстро развивающейся странѣ душно на ея маленькихъ островахъ, она задыхается здѣсь, на одномъ километрѣ у нея живетъ въ среднемъ по 130, а мѣстами, какъ напримѣръ въ Сикоку, даже по 181 человекъ. Ей нужны внѣшніе рынки, широкая экономическія реформы или излишекъ своего населенія ей необходимо перебрасывать на западный или на восточный континентъ. Она нуждается или въ новыхъ рынкахъ, или въ новыхъ колоніяхъ.

Въ японскомъ характерѣ есть одна рѣзко бросающаяся въ глаза черта. Японецъ по природѣ—реальный политикъ. Отдаленныя мечты не имѣютъ для него никакой цѣнности; онъ стремится только къ тому, что кажется ему осуществимымъ въ ближайшемъ будущемъ, и въ этомъ своемъ стремленіи онъ не знаетъ ни преградъ, ни усталости. Сила японцевъ не въ разрѣшеніи міровыхъ проблемъ, а въ умѣломъ и широкомъ использованіи современности.

Насколько трудолюбивъ, методиченъ и, главное, остороженъ японецъ, можно видѣть хотя бы изъ того, что послѣ взятія Циндао японцы выловили изъ Кіао-Чао болѣе 1000 германскихъ минъ, и при этомъ не было ни одного несчастнаго случая. Всѣ путешественники приходятъ въ удивленіе отъ образцовой обработки японскихъ полей. Но какъ же не быть такой обработки, когда въ основу ея положенъ египетскій трудъ? Съ ранняго утра и до самаго поздняго вечера, не зная отдыха и праздниковъ, вся крестьянская семья уже въ полѣ. Всюду мелькаютъ согбенныя фигуры. Люди, не зная усталости, на колѣняхъ ползаютъ по своимъ полямъ, полютъ, подсѣваютъ, поливаютъ. И такъ изо дня въ день. Какъ же послѣ этого не быть урожаю? По своему внѣшнему виду Японія, пожалуй, самая оживленная страна во всемъ мірѣ. Поля усѣяны рабочими, внутреннія моря—рыбачьими лодками, а города невольно поражаютъ обиліемъ магазиновъ, поражаютъ своимъ оживленіемъ и той особой веселой дѣловитостью, которая является ихъ отличительной чертой.

Разговариваетъ ли съ вами японецъ, или продаетъ онъ вамъ что-

нибудь, онъ старается использовать васъ чрезвычайно широко. Онъ будетъ любезно васъ обо всемъ спрашивать, онъ получитъ отъ васъ самыя разнообразныя свѣдѣнія, которыя онъ не приметъ на вѣру, а которыя постарается сейчасъ же провѣрить разспросами у другихъ. Если онъ вамъ что-нибудь продаетъ, онъ будетъ васъ уговаривать до бесконечности, онъ вамъ будетъ до поразительности много уступать и въ концѣ-концовъ продастъ вамъ эту вещь и продастъ ее съ пользой для себя.

Японцы разсѣиваются по всему нашему Приамурью и по всей Маньчжуріи. Они ко всему присматриваются, все тщательно изучаютъ. Они знаютъ наши дальневосточныя области лучше насъ, мы нерѣдко пользуемся ихъ свѣдѣніями, наши пароходы ходятъ въ нашихъ водахъ по ихъ картамъ, и намъ приходится лишь удивляться ихъ энергіи. Былъ у насъ „проклятый Сахалинъ“. Въ продолженіе очень многихъ лѣтъ онъ былъ у насъ островомъ каторги въ полномъ и самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Затѣмъ южная, „худшая“, часть Сахалина перешла въ руки японцевъ. И вскорѣ эта „худшая“ часть стала неузнаваема: быстро возникли культурные города, прошли желѣзныя дороги, пробѣжали трамваи, засвѣтилось электричество, возникла своя мѣстная промышленность, а наша „лучшая“ часть попрежнему обрѣтается въ мирномъ покоѣ...

Однако, несмотря на эту энергію и настойчивость, въ остальныхъ японскихъ колоніяхъ пока неблагополучно. Если мы присмотримся ближе къ жизни ея колоній, то и здѣсь мы увидимъ тѣ „внутреннія язвы“, о которыхъ говорилось на митингѣ журналистовъ въ Риооку; мы увидимъ, что колониальная политика Японіи до европейской войны таила въ себѣ ферменты разложенія, что эта политика не могла ея колоніямъ обеспечить твердаго экономическаго возрожденія. А между тѣмъ съ этимъ возрожденіемъ связанъ вопросъ объ экономическомъ возрожденіи метрополи.

Первой по времени пріобрѣтенія японской колоніей является Формоза, или, какъ она теперь называется, Тайвань. Остановимся на ней. Населеніе Тайвана состоитъ изъ слѣдующихъ этнографическихъ группъ:

Туземцевъ	3.318,273	человѣкъ.
Японцевъ	125,900	„
Китайцевъ	16,103	„
Иностранцевъ	133	„
Корейцевъ	10	„
<hr/>		
Всего	3.460,439	человѣкъ.

Такимъ образомъ, населеніе Тайвана, какъ видно изъ этихъ официальныхъ данныхъ, достигаетъ внушительной цифры. Исходя изъ этого, можно бы было предположить, что Тайвань является емкимъ рынкомъ

Японіи. Однако, въ дѣйствительности этого нѣтъ: подавляющую часть населенія Тайвана составляютъ туземцы, которые такъ разорены безконечными усмиреньями, что имъ не до покупокъ, голодовки среди нихъ—постоянное явленіе. Японія владѣетъ Тайваномъ уже давно, но пока вся ея политика здѣсь сводилась лишь къ усмиреньямъ и жестокимъ расправамъ, которыя не усмиряли, а, наоборотъ, возбуждали населеніе острова противъ метрополи и приводили къ новымъ возстаніямъ. Ежегодно въ глубь острова отправляются карательныя экспедиціи, которыя всюду оставляютъ за собой зловѣщій слѣдъ.

Какъ жестоко расправляется японская администрація съ мѣстнымъ населеніемъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ официальныхъ донесеній, относящихся къ концу прошлаго года. Десять туземцевъ напали на полицейское управленіе, украли тамъ двѣ винтовки и въ борьбѣ ранили одного солдата. Немедленно былъ сформированъ карательный отрядъ, былъ оцѣпленъ солдатами сосѣдній лѣсъ, въ которомъ скрылись туземцы. Несчастныхъ поймали, привязали къ деревьямъ, а лѣсъ подожгли.. Никакихъ личныхъ и имущественныхъ правъ населеніе Тайвана не знаетъ, а налоги здѣсь выше, чѣмъ въ метрополи. Каждый туземецъ, достигшій 25 лѣтъ, обязанъ явиться въ полицейское управленіе; тамъ десятого изъ явившихся, болѣе сильнаго, возьмутъ на принудительныя работы, а остальныхъ обложатъ особымъ налогомъ по 35 коп., за наши деньги, съ человѣка въ мѣсяцъ на благоустройство острова. Но благоустройства этого не видно, а администрація зато быстро богатѣетъ. Все это подтверждаетъ и графъ Итагаки, занимающій въ Японіи видное административное положеніе и въ прошломъ году побывавшій на Тайванѣ. Но его мнѣнію, политика на Тайванѣ нуждается въ радикальномъ измѣненіи, иначе тотъ убытокъ, который Тайванъ приноситъ, никогда не прекратится. Но измѣненія колониальной политики Японіи можно ожидать послѣ измѣненія всей ея политики какъ внѣшней, такъ и внутренней; такого измѣненія можно ожидать только теперь, послѣ европейской войны, которая все здѣсь измѣнила, внесла въ жизнь страны новую струю, вызвала переоцѣнку всѣхъ цѣнностей и выдвинула передъ страной новыя задачи.

И Тайванъ не является исключеніемъ; колониальная политика Японіи вездѣ одинакова, и то, что происходитъ въ Тайванѣ, то переживаетъ и Чо-сень, бывшая Корея. Подъ командой начальника корпуса жандармовъ, генерала Вотанабэ, въ глубь страны послѣ ея аннексіи была отправлена карательная экспедиція, которая внесла здѣсь такое же разореніе, что и въ Тайванѣ. Всякій ничтожный протестъ, каждое малѣйшее сопротивленіе вызывало казни и погромы. Жестоко каралось проявленіе націонализма, не дозволялось называть страну иначе какъ Чо-сень. Корейская печать была уничтожена, цвѣтъ корейской интел-

лигенціи быть объявленъ внѣ закона, тюрьмы были переполнены. А усмиреніе не достигалось, оно затягивалось и вызывало все новые и новые расходы.

Такимъ образомъ, пока колоніи не дають Японіи большихъ благъ и даже, наоборотъ, вызываютъ у нея значительные расходы, но въ конечномъ итогѣ, конечно, онѣ принесутъ ей существенную пользу. Однако, это можетъ быть только тогда, когда измѣнится самый характеръ японскаго имперіализма, когда измѣнится какъ внѣшняя, такъ и внутренняя политика Японіи. Въ настоящее время всѣ свои силы Японія тратитъ на покрытіе военныхъ расходовъ. По вычисленіямъ, опубликованнымъ недавно японскимъ ученымъ, профессоромъ кіотоскаго университета Масао Камбэ, видно, что Японія ежегодно сводитъ свой бюджетъ съ дефицитомъ въ сумму 24 мил. іенъ. Государственные долги Японіи возрастаютъ. Ея имперіализмъ, если такъ можно выразиться, является имперіализмомъ бѣдной страны, которая не можетъ вложить капиталовъ въ свои колоніи; необходимость заставляетъ ее дѣлать какъ разъ обратное, а это невольно задерживаетъ экономическое развитіе ея колоній.

V.

Тягота жизни усиливается, горизонты темнѣютъ, военные расходы растутъ, а колоніальная политика не оправдываетъ тѣхъ надеждъ, которыя на нее возлагались. И вотъ, тогда въ Японіи чрезвычайно усилилась эмиграція въ Маньчжурію и особенно въ Америку.

Японскій эмигрантъ рѣзко отличается отъ эмигрантовъ другихъ странъ. Куда бы судьба ни закинула японца, какъ бы хорошо ему ни жилось на его второй родинѣ, онъ никогда не забудетъ своей первой родины, онъ никогда не порветъ съ ней связи и никогда не сможетъ ассимилироваться. То же самое происходитъ и въ Америкѣ. Захватывая въ свои руки худшія земли, японскіе эмигранты цѣною невѣроятнаго упорнаго труда превращали ихъ въ культурные фруктовые сады, хозяева которыхъ легко могли затѣмъ конкурировать съ своими сосѣдями - американцами. Японскіе эмигранты не считаются съ тяжелыми условіями труда и съ тѣмъ, что имъ платятъ за ихъ болѣе тяжелый трудъ меньше, чѣмъ американцамъ или даже эмигрантамъ другихъ странъ. Но въ то же самое время японскіе эмигранты ничего не дадутъ той странѣ, въ которую эмигрируютъ. Всюду они останутся истинными японцами, передъ ними всегда стоитъ образъ дорогой „Дай-Нипонъ“. На чужбинѣ японецъ будетъ жить мечтой о родинѣ, онъ будетъ покупать только японскія вещи, онъ будетъ себя во всемъ отказывать и копить, онъ будетъ жить той свособразной жизнью, которая будетъ рѣзко отличаться отъ окружающей его жизни, будетъ вносить въ нее

лишь диссонансъ. Такъ онъ можетъ прожить на чужбинѣ всю жизнь и вернется на родину настоящимъ японцемъ, не потерявшимъ ни одной характерной черты, сохранившимъ всѣ свои національныя особенности...

Громадный процентъ японскихъ эмигрантовъ, направлявшихся въ Америку, осѣдалъ въ Калифорніи, которая все время переживаетъ золотую горячку и привлекаетъ переселенцевъ со всего свѣта. Но эмигранты всѣхъ другихъ странъ здѣсь особенно быстро ассимилируются, теряютъ свое національное лицо, приобрѣтаютъ крѣпкія связи съ этой страной, если такъ можно выразиться, растворяются въ ея народной толщѣ. А японцы здѣсь особенно ярко сохраняютъ свои особенности и этимъ самымъ вызываютъ къ себѣ какое-то неприязненное, пренебрежительное отношеніе. Этимъ воспользовалось калифорнійское правительство, не желавшее принимать такихъ переселенцевъ, отъ которыхъ невозможно ждать выгоды, и въ прошломъ году калифорнійскій сенатъ вынесъ знаменитый антияпонскій законопроектъ, значительно ограничивающій права японскихъ эмигрантовъ.

Калифорнійскій законопроектъ вызвалъ въ Японіи бурю негодованія: калифорнійскій сенатъ оскорблялъ національное самолюбіе японцевъ, онъ называлъ ихъ „желтыми и недостойными равноправія съ людьми бѣлой расы“. Германія, постоянно третирующая другихъ „желтыхъ“—китайцевъ, первая выразила Японіи свое сочувствіе и лицемерно совѣтовала „своему молодому другу“ рѣшительно отвѣтить на такое оскорбленіе. Снова запахло осложненіями, опять готово было исполниться завѣтное желаніе императора Вильгельма. Но вашингтонское правительство приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы конфликтъ былъ ликвидированъ мирнымъ путемъ. Оно командировало въ Калифорнію для переговоровъ съ калифорнійскимъ сенатомъ статсъ-секретаря г. Брайна. И хотя въ Калифорніи этотъ законопроектъ и прошелъ, но распространеніе антияпонскаго движенія на остальную часть Америки удалось приостановить. Токійское правительство, вопреки совѣту Германіи, тоже проявило уступчивость, и до разрыва дѣло не дошло.

Однако, дѣло не въ калифорнійскомъ законопроектѣ; японско-американскія недоразумѣнія въ дѣйствительности гораздо глубже и ликвидировать ихъ труднѣе, чѣмъ это можетъ казаться на первый взглядъ, ликвидировать ихъ можно только теперь, когда упало Циндао, когда уничтожено германское вліяніе на Дальнемъ Востокѣ. И если бы это вліяніе не было уничтожено, то японско-американская война неизбежно была бы или въ текущемъ, или въ крайнемъ случаѣ въ будущемъ году. Объ этомъ еще давно говорилъ покойный японскій генералъ Ноги.

Генералъ Ноги былъ патриотомъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Онъ всегда чрезвычайно близко принималъ къ сердцу переживанія родины, болѣлъ ея печалями, радовался ея радостями. Во время русско-

японской войны онъ покрылъ себя неуязвимою славой, а въ день смерти Мудухито, какъ его близкій другъ, совершилъ надъ собой харакири. И вотъ вскорѣ послѣ русско-японской войны онъ первый опредѣленно и открыто заявилъ, что минувшая война—ужасное недоразумѣнiе, что у Японiи есть другой врагъ и что Японiи необходимъ крѣпкiй союзъ съ Россiей. И когда его просили назвать дѣйствительнаго врага Японiи, онъ указалъ не на Америку, а на... Циндао:

— Врагъ, дѣйствительный врагъ Японiи,—тамъ! На немъ сейчасъ личина друга, но это не живое лицо, а маска... Германiя—вотъ дѣйствительный врагъ Японiи, вотъ кто ея злой генiй!...

И если не будетъ разбита Германiя, если не будетъ уничтожено ея влиянiе, то не можетъ быть мира на Дальнемъ Востокѣ, здѣсь вѣчно тогда будутъ вспыхивать „зарницы войны“, здѣсь постоянно будутъ недоразумѣнiя, которыя въ концѣ-концовъ приведутъ къ жестокой войнѣ Японiи съ Америкой. Если не сокрушится цитадель Циндао, то задыхающаяся на своихъ островахъ Японiя должна будетъ пойти въ сторону Америки, столкновение тогда будетъ неизбежно и оно будетъ на пользу Германiи. Генералъ Ноги только надѣялся на то, что народы Европы откажутся сносить германское иго, что они раньше выступятъ противъ Германiи, безусловно сломятъ ея могущество и тѣмъ самымъ уничтожатъ возможность войны Японiи съ Америкой. Теперь оказалось, что генералъ Ноги былъ правъ. Но тогда циндаоская цитадель стояла крѣпко, германскiй орелъ побѣдно парилъ надъ всѣмъ Дальнимъ Востокомъ, къ его клетку прислушивались всѣ державы, Японiя не вѣрила въ близкое сокрушенiе германской мощи и потому усиленно готовилась къ войнѣ съ Америкой, вызывая этимъ такiя же приготовления и у своего предполагаемаго противника. Вотъ въ чемъ сущность японско-американскихъ недоразумѣнiй.

VI.

Калифорнiйскiй законопроектъ не привелъ къ войнѣ, но далъ въ руки японскихъ милитаристовъ новый козырь; онъ сдѣлался всѣмъ доказательствомъ въ защиту ихъ требованiй объ увеличенiи армiи и флота. Они доказывали, что столкновение съ Америкой неизбежно и что даже панамскiй каналъ направленъ противъ нихъ. Этимъ доказательствамъ особенно охотно внимала близкая правительству партiя „Сейю-кай“, и росло общее увлеченiе милитаризмомъ, росли военные расходы, а сообразно этому вырастали и налоги.

Пышно расцвѣли въ Японiи милитаристическiя общества. Духъ милитаризма проникалъ даже въ школу. Милитаристическiя общества быстро развивали свою дѣятельность. Самымъ крупнымъ и главнымъ, какъ бы объединяющимъ всѣ остальные подобныя общества, сдѣлалось

„общество возрожденія Азіи“. Въ всякаго сомнѣнія это общество имѣеть свои крупныя заслуги. Сначала оно намѣтило себѣ совершенно иную цѣль: духовное единеніе азіатскихъ народностей, изученіе Азіи и просвѣтительную дѣятельность среди народностей Азіи. Но теперь эти начинанія приняли совершенно иной характеръ.

Въ парламентѣ большинство принадлежало партіи „Сейю-кай“, а судьбами страны распоряжалось „генро“. Борьба партій и клановъ до чрезвычайности обострилась. Военное вѣдомство было захвачено кланомъ „Чюсиму“, а флотъ—кланомъ „Сатсума“. И все это привело къ тому скандалу, который и послужилъ поводомъ къ созыву извѣстнаго намъ митинга журналистовъ. И какая злая иронія: въ этомъ скандалѣ самую грязную, самую позорную роль сыграли германскія фирмы и даже агенты берлинскаго правительства. Нѣкто Карлъ Рихтеръ выкралъ изъ морского министерства бумаги, которыя сильно компрометировали какъ морское министерство, такъ и германскую фирму „Сименсъ-Шуккертъ“, и скрылся съ этими бумагами въ Берлинъ. Въ Японіи поднялся шумъ, и, чтобы прекратить его, берлинское правительство оповѣстило, что Карлъ Рихтеръ будетъ арестованъ и преданъ суду. Можетъ быть, шумъ бы и смолкъ, но въ это время стало извѣстно, что токійскій корреспондентъ тоже германскаго агентства „Рейтера“, г. Пулей, потребовалъ съ фирмы „Сименсъ-Шуккертъ“ 250,000 іенъ за... молчаніе! Шумъ усилился, и депутатъ „Кокуминто“, г. Симада, произнесъ въ парламентѣ свою извѣстную рѣчь о злоупотребленіяхъ въ арміи и флотѣ. Печать заговорила о хищеніяхъ и германскомъ шпионажѣ, возникли митинги, и „генро“ согласилось на разслѣдованіе.

Даже самыя первыя разслѣдованія обнаружили мрачную картину „внутреннихъ язвъ“. Капитанъ Катагири выступилъ съ своими разоблаченіями. Онъ доказывалъ, что въ морскомъ министерствѣ безъ взятокъ ничего невозможно сдѣлать; что взятки берутъ всѣ, начиная адмиралами и кончая матросами. Онъ рассказывалъ, что ему самому предлагали комиссіонныя. Но онъ отказался отъ этого, принявъ за границей суда безъ комиссіонныхъ, а когда онъ вышелъ въ море, то матросы стали требовать „своей части“ и грозили выбросить его за бортъ. Катагири былъ немедленно исключенъ со службы, но разоблаченія продолжались, аресты росли, открывались новыя злоупотребленія. Кабинетъ пробовалъ выступить съ объясненіями, но они никого не успокоили, и кабинетъ адмирала Ямамото, ставленника „генро“, вышелъ въ отставку.

VII.

Къ прежнимъ „большимъ“ вопросамъ прибавился еще одинъ—вопросъ о кабинетѣ. Сначала составить кабинетъ было поручено маркизу Кюура, который ничѣмъ не выдѣлялся, былъ человѣкомъ безпартій-

нымъ и даже политически бездѣльнымъ. Но попытки Кіоура составить коалиціонный кабинетъ потерпѣли фіаско. Вопросъ о кабинетѣ обострился, возбужденіе росло, требованія стали принимать опредѣленный характеръ; было ясно видно, что нужно найти такое лицо, въ которое бы вѣрили, которое хорошо бы знали, и тогда старѣйшій членъ „генро“, вершитель судебъ Японіи, князь Ямагата, совершенно неожиданно указалъ на графа Окума.

Это вызвало необычайную сенсацію! Какъ, виднѣйшій милитаристъ, реакціонеръ указываетъ на человѣка совершенно противоположныхъ убѣждений, поднимаетъ на свой щитъ своего виднѣйшаго политическаго противника, предсѣдателя „Хейва-Кіо-кай“—„Общества мира“?!... Но старшій князь Ямагата недаромъ слыветъ за дальновиднаго политика,— онъ хорошо понялъ, что „выручить“ страну въ данный моментъ можетъ только одинъ графъ Окума.

Репутація графа Окума сложилась уже давно. Сынъ бѣднаго самурая своимъ виднымъ общественнымъ положеніемъ обязанъ исключительно своему блестящему дарованію. Онъ принадлежалъ къ той славной плеядѣ дѣятелей, которая окружала Муцухито въ первую половину его царствования; вмѣстѣ съ Ито, Катцурой, Сайондзи, Ноги, Того, Ояма, Терауци и Ямагата онъ стремился къ созданію „Дай-Нипонъ“, и отъ политической дѣятельности онъ отказался лишь тогда, когда его нѣкоторые товарищи замѣтно повернули въ сторону реакціи и когда онъ увидалъ, что теперъ здѣсь онъ—лишній...

Жизнь графа Окума прошла очень бурно. Однимъ изъ первыхъ онъ порвалъ съ старыми традиціями и примкнулъ къ Муцухито. Съ оружіемъ въ рукахъ онъ пошелъ за нимъ завоевывать „новый строй“. А затѣмъ ему же пришлось позаботиться и объ укрѣпленіи завоеванныхъ позицій. Въ это бурное время ему пришлось взять на себя самое трудное—урегулированіе финансовъ. Затѣмъ, когда черезъ девять лѣтъ въ реформированной Японіи впервые рѣзко опредѣлились два теченія—либеральное и консервативное, тогда на гр. Окума былъ сдѣланъ натискъ консерваторовъ, и онъ, первая ихъ жертва, оставилъ портфель министра финансовъ и отдался общественной дѣятельности. Въ это время гр. Окума явился отцомъ японскихъ политическихъ партій: онъ организовалъ прогрессивную партію „Кенсей-хонто“, изъ которой затѣмъ образовалась вліятельная теперъ партія „Кокуминто“.

Затѣмъ онъ еще нѣсколько разъ былъ призываемъ къ власти: три раза былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и министромъ торговли. И всегда призывъ къ власти гр. Окума совпадалъ съ реформаторской волной, и какъ только эта волна опускалась, такъ на покой уходилъ и гр. Окума. Въ одинъ изъ такихъ періодовъ, правда, всегда непродолжительныхъ, гр. Окума выступилъ съ законопроектомъ объ уравне-

ни иностранцевъ съ правами японскихъ подданныхъ, съ реформой суда. Все это имѣло для Японіи громаднѣйшее значеніе, этимъ Японія окончательно бы порывала связь съ стариной. Однако, законопроекты гр. Окума вызвали бурю среди ревнителей старины, бомбой фанатика гр. Окума оторвало ногу, реакціонеры опять побѣдили, и гр. Окума снова удалился на покой.

Тогда со всей страстностью своей богатой натуры онъ отдался дѣлу народнаго образованія. Его трудами было открыто много народныхъ и среднихъ школъ, имъ созданъ знаменитый васедаскій университетъ. За это же время гр. Окума пріобрѣтаетъ громадную популярность, какъ лидеръ прогрессивной партіи, какъ журналистъ, и окончательно становится вождемъ японскихъ прогрессистовъ.

Вотъ на кого указалъ кн. Ямагата.

Внѣ всякаго сомнѣнія положеніе гр. Окума было очень затруднительнымъ. Онъ отлично зналъ, что на „генро“ ему опереться невозможно, тамъ себѣ союзниковъ онъ не встрѣтитъ,—вся сила его въ либеральныхъ слояхъ общества. Ему необходимо объединить прогрессивныя партіи, составить изъ нихъ большинство въ парламентѣ. Но всѣ прогрессивныя партіи и даже все прогрессивное общество направлено противъ дальнѣйшаго увлеченія милитаризмомъ, оно требуетъ сокращенія военныхъ расходовъ, сокращенія налоговъ. Онъ видѣлъ, что молодая Японія съ надеждой смотритъ на него и ждетъ, что ея „старый Окума“ и на этотъ разъ оправдаетъ ея надежды. Но какъ ихъ оправдать, когда нѣтъ союзниковъ, когда кругомъ обнаружено столько „внутреннихъ язвъ“ и когда циндаоская цитадель громко говоритъ о томъ, что общій миръ является попрежнему далекой, отвлеченной мечтой?...

VIII.

Такъ гдѣ же выходъ, куда итти? Какъ лѣчить всѣ эти „внутреннія язвы“? Какъ избѣжать этой ужасной партійности, которая вмѣсто пользы приноситъ странѣ большой вредъ? Какъ и какими мѣрами содѣйствовать экономическому развитію страны? Какъ отказаться отъ военныхъ вооруженій, когда весь воздухъ пропитанъ подозрительностью и осложнениями, когда Германія ясно говоритъ, что право давно уже замѣнено бронированнымъ кулакомъ? Гдѣ выходъ?

А выходъ есть и выходъ только единственный. Передъ Японіей—богатѣйшіе, обширные рынки Китая и Россіи. На эти рынки могутъ итти японскіе товары, а Японія оттуда можетъ получать нужное ей сырье. Развить бы широкій экспортъ, предпринять бы мѣры къ укрѣпленію дружественныхъ отношеній и начать мирную работу, являющуюся залогомъ дальнѣйшаго прогресса Дай-Нипонъ!... Отказаться бы отъ тяжелыхъ военныхъ расходовъ, обратить бы вниманіе на урегули-

рование финансовъ, покончить съ агрессивностью и колониальными усмирениями. Начать бы новый курсъ, въ основу котораго было бы заложено укрѣпленіе дальневосточнаго мира и широкое развитіе производительныхъ силъ страны. Тогда, конечно, передъ страной открылись бы новые горизонты...

Но этотъ путь закрытъ! На этомъ пути стоитъ Германія: она запираетъ выходъ для Японіи на китайскіе рынки, она создаетъ на Дальнемъ Востока такую конъюнктуру, которая исключаетъ всякую мысль о русско-японскомъ сближеніи.

Съ каждымъ годомъ политика Германіи на Дальнемъ Востока становилась все болѣе и болѣе нетерпимой. Она совершенно не хотѣла здѣсь считаться съ интересами другихъ державъ; ея политика вѣрно хранила принципы, возвѣщенные кайзеромъ:

„Солдаты! вступивъ на почву Китая,—знайте: пардона нѣтъ, враговъ въ плѣнъ не брать. Ведите войну такъ, чтобы даже черезъ тысячу лѣтъ ни одинъ китаецъ не посмѣлъ бы косо взглянуть на нѣмца“.

„Всякій, кто помѣшаетъ ему (принцу Генриху Прусскому, отправившемуся на „мирное“ завоеваніе Китая) осуществить его право, будетъ разбитъ нѣмецкимъ кулакомъ, облеченнымъ въ броню“.

Германія быстро захватывала рынки Приамурья, Маньчжуріи и Китая. Въ Германію направлялся экспортъ изъ Монголіи. Черезъ Германію шли въ Европейскую Россію японскіе товары. Совѣтники Германіи окружали президента Юань-Ши-кая, ея инструкторы реформировали китайскую армію, весь Китай былъ покрытъ ея школами. Сколько здѣсь этихъ германскихъ школъ! Въ Циндао имѣется одна высшая школа, однанадцать элементарныхъ, образцовая ремесленная и миссіонерская, въ Шанхаѣ—инженерное училище, въ Ханькоу—средняя школа и инженерное училище, въ Чанту—средняя школа, и всѣ эти школы являются лучшими проводниками германскаго вліянія, а теперь во время войны онѣ явились и очагами германской агитаціи. Германія усиленно скупала китайскія газеты. Широко была развита цѣпь шпіонажа. Воздухъ насыщался враждебностью, нервы у всѣхъ были взвинчены, а на лицѣ Германіи была та же дружеская маска!...

И вдругъ, теперь эта маска сорвана; скрытое и тайное обнаружено: какой переворотъ произвело это на всемъ Дальнемъ Востока! Для измѣренія новаго положенія потребовались новыя мѣрки, потребовалось подойти и взглянуть на дальневосточныя взаимоотношенія иными глазами, безъ старыхъ предубѣжденій, которыя выросли и окрѣпли на почвѣ, культивируемой Германіей. Раньше, до европейской войны, наше общество было подозрительно настроено къ Японіи и Китаю, а теперь оказалось, что эта подозрительность была напрасной, оказалось, что здѣсь имѣется очень благодарная почва для сближенія.

Японія первая вполне опредѣленно и ясно заговорила о новомъ курсѣ. Всякая партійность была забыта, вся страна объединилась въ одномъ порывѣ, въ одномъ желаніи—принять участіе въ войнѣ противъ германскаго милитаризма и купить себѣ такой цѣной освобожденіе отъ своихъ прежнихъ путей. И надо отмѣтить, что въ это же время въ Японіи не было ни дешеваго воинственнаго задора, ни антигерманскаго движенія. Отношенія японцевъ къ оставшимся въ Японіи германцамъ и австрійцамъ поражаютъ своей корректностью. Недавно въ Японіи праздновался традиціонный праздникъ въ честь рожденія знаменитаго германскаго бактериолога Коха, и на этомъ праздникѣ опять былъ весь цвѣтъ японской науки, здѣсь присутствовало свыше трехсотъ японскихъ ученыхъ и докторовъ. Этимъ самымъ Японія какъ бы заявила, что она борется не съ германской наукой и не съ отдѣльными представителями германскаго народа, а съ тѣмъ его началомъ, съ тою его политикой, которая ставила Германію „превыше всего“ и которая эгоистично не хотѣла считаться съ законными правами другихъ народовъ.

Какъ я уже и выше отмѣчалъ, непріязни къ намъ въ Японіи за послѣднее время не было. Недовѣріе же вытекало изъ той конъюнктуры, которая сложилась. Но вотъ эта конъюнктура измѣнилась, тѣ перегородки, которыя мѣшали сталкивающимся здѣсь народамъ просто, безъ предвзятаго мнѣнія взглянуть другъ на друга, были уничтожены, и тотчасъ же должны были измѣниться отношенія, должно было разсѣяться недовѣріе. Въ Японіи хорошо поняли, что интересы Россіи и Японіи не сталкиваются, а наоборотъ, въ извѣстной степени совмѣщаются, и поэтому у Японіи не было нерѣшительности. Въ японской печати, въ японскомъ обществѣ даже не поднимались вопросы, съ кѣмъ и за кого Японія будетъ. Это выяснилось какъ-то само собою. Какъ только въ Европѣ заговорили пушки, такъ на Дальнемъ Востокѣ можно было видѣть, что Японія вздохнула свободно и что она направитъ всѣ свои силы противъ ненавистной ей циндаоской цитадели.

И снова заколыхались японскія знамена. Опять Японія поразила міръ своей полнѣйшей освѣдомленностью и подготовленностью. Могучимъ стальнымъ кольцомъ было охвачено Циндао. И, несмотря на телеграммы кайзера, германская цитадель сдалась, германскій флагъ не только въ Шаньдунѣ, но и на всемъ Дальнемъ Востокѣ бессильно склонился передъ „Восходящимъ Солнцемъ“...

IX.

А симпатіи къ Россіи въ Японіи продолжаютъ расти. Сначала подъ яркими лучами благодатнаго японскаго солнца, по улицамъ своеобразныхъ японскихъ городовъ, прошли дружественныя Россіи манифестаціи.

Затѣмъ манифестацій становилось все больше и больше. Появились ночныя процесси. По улицамъ шла толпа съ цвѣтными бумажными фанариками. „Банзай“ и „ура“ перемѣшивались и сливались въ одинъ общій гулъ. А затѣмъ начались митинги, на которыхъ выносились резолюціи въ пользу скорѣйшаго заключенія дружескаго союза съ Россіей. Но этимъ дѣло не окончилось, и здѣсь сказался японскій характеръ, сказалась склонность японца къ практическимъ приѣмамъ. Вслѣдъ за манифестаціями и митингами въ Японіи начали возникать дружины добровольцевъ для отправки въ нашу дѣйствующую армію. Извѣстные политическіе дѣятели Хомма, Мурамацу и Казама организовали даже особое общество для вербовки добровольцевъ. Они начали раздѣзжать по провинціямъ, и всюду ихъ призывы находили живѣйшій откликъ. Трудно передать, какъ сейчасъ популярна въ Японіи идея русско-японскаго сближенія и какъ охотно во имя этой идеи люди идутъ здѣсь жертвовать своей жизнью!...

Но, конечно, не ограничиваясь проявленіемъ симпатій и дружеской помощи, японцы озаботились и относительно лучшаго использованія новой, только что слагающейся здѣсь конъюнктуры. Изъ Японіи начали отправляться къ намъ различные товары, часть которыхъ и раньше отправлялась къ намъ, но черезъ посредничество Германіи. Улучшеніе и развитіе торговыхъ сношеній—задача очень сложная. Здѣсь нужны знанія рынковъ, вкусовъ потребителя и его покупной способности, здѣсь наконецъ нужна сложная организація. И вотъ изъ Японіи ѣдутъ въ Россію вояжеры, составляются торгово-промышленныя экспедиціи, организуется выставки и дѣлаются практическія попытки къ вывозу изъ Маньчжуріи въ Японію нашего мѣстнаго сырья.

Одновременно съ этимъ японцы съ первыхъ же дней паденія Циндао обратили серьезное вниманіе и на китайскіе рынки: вѣдь въ использованіи этихъ рынковъ—залогъ дальнѣйшаго прогресса Японіи! Быстро здѣсь начали открываться японскія банкирскія конторы и товарные склады, устанавливались рейсы между главнѣйшими портами Японіи и Китая, отношенія Японіи съ Китаемъ оживились, но... тутъ мы подходимъ къ очень сложному, крайне запутанному и трудному вопросу—вопросу объ этихъ японско-китайскихъ недоразумѣніяхъ.

Въ самомъ концѣ ноября прошлаго года въ Токио было собраніе всѣхъ политическихъ партій Японіи. Оно было организовано „объединеннымъ обществомъ изученія Китая“ и цѣлью его было рѣшеніе вопроса объ японско-китайскихъ отношеніяхъ. Въ это время только что пало Циндао, Японія праздновала свою побѣду, страсти были приподняты—Японія какъ будто бы переживала великій національный праздникъ. Токійское правительство вырабатывало свою декларацію къ пекинскому правительству. Кажется, въ такой моментъ могли бы на

этомъ собраніи раздаться пожеланія агрессивнаго характера, такія пожеланія въ такой моментъ были бы даже понятны. Однако, тогда собраніе представителей политическихъ партій уклонилось отъ выраженія агрессивности и единодушно присоединилось къ формулѣ члена „Кокуминто“ г. Марія, говорившаго, что сейчасъ не время рѣшать китайскій вопросъ, что рѣшеніе этого вопроса возможно только послѣ того, какъ улягутся страсти, какъ окончится европейская война.

Дѣйствительно, рѣшеніе китайскаго вопроса или даже вопроса о японско-китайскихъ недоразумѣніяхъ невозможно, вокругъ него такъ много страстей, что объективно отнестись къ нему сейчасъ трудно. Но это еще не значитъ, что этотъ вопросъ не разрѣшимъ мирнымъ путемъ. Японская декларація, правда, вызвала въ Китаѣ взрывъ общественнаго негодованія, тамъ возникла анти-японская агитація и даже бойкотъ японскихъ товаровъ. Но это говоритъ не о неразрѣшимости даннаго вопроса, а объ общей нервозности и о неблагоприятной дѣятельности въ Китаѣ германскаго дипломатическаго корпуса, старающагося использовать японско-китайскій конфликтъ въ свою пользу.

Дѣятельность германскаго посланника въ Пекинѣ г. фонъ-Гинце уже превратилась въ колоритную картину германскихъ нравовъ; она лишній разъ говоритъ о томъ, какъ мало Германия въ лицѣ ея руководителей считается съ этическими правилами.

Фонъ-Гинце справедливо считается знатокомъ Китая. Онъ извѣздилъ весь Китай и вдоль и поперекъ. Онъ имѣетъ здѣсь большія связи и обширное знакомство: въ его домѣ бывають не только государственные и общественные дѣятели, но и главари... хунхузовъ. Европейская война захватила фонъ-Гинце въ Мексикѣ. Скоро ожидалось паденіе Циндао, роль Германіи на Дальнемъ Востокѣ сводилась на-нѣтъ, въ германскихъ концессіяхъ и колоніяхъ царило уныніе, симпатіи Китая стали открыто склоняться въ сторону Россіи и ея союзниковъ,—и вотъ на фонъ-Гинце возлагается трудная задача—поддержать падающій авторитетъ Германіи и вызвать на Дальнемъ Востокѣ осложненія, изъ которыхъ Германія могла бы извлечь выгоду. Фонъ-Гинце удалось пробраться въ Китай, куда онъ пріѣхалъ въ сопровожденіи трехъ сотрудниковъ—Вильямса, Холла и Бемэ,—все они нашему Дальнему Востоку знакомы такъ же хорошо, какъ извѣстенъ здѣсь и самъ фонъ-Гинце. Раньше они выдавали себя за коммерсантовъ, а потомъ уже окончательно было установлено, что они являются агентами германскаго правительства по снабженію провіантомъ и припасами каперскихъ германскихъ судовъ.

Наиболѣе ближайшимъ помощникомъ фонъ-Гинце сдѣлался фонъ-Воретцъ. Онъ былъ германскимъ консуломъ въ Гонконгѣ, пробовалъ организовать тамъ извѣстное возстаніе туземныхъ войскъ, но вынужденъ былъ ретироваться въ глубь Китая. Фонъ-Воретцъ имѣлъ при себѣ

паспортъ на имя шведскаго консула Нельсена. Паспортъ этотъ попалъ къ нему при очень исключительныхъ обстоятельствахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Нельсенъ, проѣзжая изъ Монголи въ Шанхай, потерялъ свой чемоданъ, въ которомъ находился и его консульскій паспортъ. Чемоданъ долго искали, но всё поиски оказались безрезультатными. А теперь находящійся въ этомъ утерянномъ чемоданѣ паспортъ оказался въ рукахъ германскаго консула фонъ-Воретца!... И вотъ, имѣя такой паспортъ, фонъ-Воретцъ свободно разъѣзжалъ по всему Китаю, оборудовалъ сигнализацию близъ Циндао, затѣмъ открывалъ всюду товарные склады, въ которыхъ теперь обнаружены запасы мѣди и оружія..

Съ самаго своего приѣзда фонъ-Гинце, при благосклонномъ участіи фонъ-Воретца, Вильямса, Холла и Бемэ, принялся за широкую агитацию. Онъ всюду разсылалъ своихъ агентовъ. Старался вызвать броженіе въ Тибетѣ, провоцировалъ сборъ въ пользу Турціи среди китайскихъ магометанъ и, наконецъ, подкупалъ газеты, при помощи которыхъ старался освѣщать текущія событія въ благоприятномъ для Германіи видѣ. Какъ разъ въ это время была предъявлена Китаю токійская декларация. Фонъ-Гинце ухватился за нее. И, съ одной стороны, онъ старался оказать влияние на президента Юань-Ши-кай, а съ другой стороны, началъ широко распространять по Китаю свѣдѣнія объ этой деклараціи, совершенно не отвѣчающія дѣйствительности. Въ подкупленныхъ имъ газетахъ сообщалось даже, что Японія, Англія и Россія собираются аннектировать Китай, и что онѣ даже какъ бы уже подѣлили его между собой. Среди южныхъ революціонныхъ обществъ его агенты распространяли слухи о томъ, что Юань-Ши-кай подкупленъ Японіей, и за обѣщаніе доставить ему императорскую корону обѣщался удовлетворить ея требованія. Наконецъ, въ Монголіи германцами, по указанію того же фонъ-Гинце, организовывались шайки всадниковъ, которые должны были бы подъ видомъ китайцевъ напасть на японцевъ и тѣмъ самымъ вызвать осложненія конфликта.

И если всё попытки фонъ-Гинце не удалось, то это можно объяснить только тѣмъ, что Китай теперь уже не тотъ, что прозорливый фонъ-Гинце ошибся въ немъ; онъ не разглядѣлъ пробужденія Китая; пока фонъ-Гинце былъ въ Мексикѣ, Китай чрезвычайно выросъ, и теперь, для руководства его общественнымъ мнѣніемъ, нужны уже другіе приемы, не такіе грубые. Что же касается китайскаго правительства, то въ его распоряженіи не было средствъ, которыми оно могло бы заставить фонъ-Гинце отказаться отъ такой дѣятельности. Что оно могло дѣлать? Заявлять протесты противъ дѣятельности германскаго посланника фонъ-Гинце? Но кому же заявлять эти протесты? Германскому же посланнику фонъ-Гинце? И оно заявляло эти протесты. Оно опредѣленно говорило, что его дѣятельность „недостойна посланника

великой державы“, что онъ нарушаетъ международное право, что онъ наноситъ громаднѣйшій вредъ странѣ. Но на эти протесты фонъ-Гинце не обращаетъ никакого вниманія...

Конечно, для хода японско-китайскихъ недоразумѣній дѣятельность германскаго посланника имѣетъ громаднѣйшее значеніе, она возбуждаетъ страсти, придаетъ этимъ недоразумѣніямъ совершенно другой характеръ. Все это невольно можетъ ввести въ заблужденіе, поэтому-то окончательное рѣшеніе японско-китайскаго вопроса сейчасъ чрезвычайно затруднительно.

Х.

Но не является ли японско-китайскій конфликтъ указаніемъ на будущую политику Японіи? Не говоритъ ли этотъ конфликтъ о томъ, что и послѣ европейской войны дальневосточный миръ не будетъ прочнымъ и что причина этого кроется въ агрессивности Японіи? Нѣтъ ли, дѣйствительно, у нея стремленія аннектировать весь Китай, какъ то говорятъ фонъ-Гинце и его сотрудники? Въ настоящій моментъ такого пессимистическаго вывода изъ японско-китайскаго конфликта, думается, сдѣлать нельзя. У Японіи слишкомъ много насущныхъ внутреннихъ задачъ, она чрезвычайно устала отъ милитаристическаго напряженія—ей нужны внутреннія реформы, экономическій прогрессъ, ей необходимо покончить съ ежегоднымъ дефицитомъ ея бюджета, она желаетъ союза съ Россіей и Англійей, а все это совершенно исключаетъ возможность агрессивныхъ стремленій. Но кромѣ того, общественное мнѣніе Японіи чрезвычайно настроено противъ агрессивной политики, или, какъ ее здѣсь называютъ, „политики территоріальныхъ захватовъ“; въ Японіи хотятъ лишь широкаго экономическаго использованія тѣхъ рынковъ, которые теперь открываются передъ страной. Такое настроеніе страны особенно ярко сказалось въ концѣ прошлаго года, когда нѣкоторые кланы сдѣлали очень слабую попытку заговорить о дальнѣйшемъ увеличеніи арміи и флота. Это всколыхнуло всю страну; въ протестъ противъ подобныхъ губельныхъ для страны попытокъ объединились всѣ политическія прогрессивныя партіи. Маркизь Сайондзи, бывший премьеръ либеральнаго кабинета и издатель газеты *Таію-Дію-Симбунъ—Восточная Воля*,—явился въ рабочіе кварталы Асіо и Беси, организовалъ здѣсь грандіозные анти-милитаристическіе митинги. Это движеніе сказалось такъ мощно, что оно могло бы разбить даже прочно сложившуюся репутацію „старога Окумы“, если бы только онъ вздумалъ защищать желанія воинственныхъ клановъ. Но гр. Окума далекъ отъ подобныхъ стремленій, и онъ первый тогда подаль мысль объ организаци „Общества народной дипломатіи“, могущаго изучить и намѣтить пути къ мирному рѣшенію послѣ европейской войны всѣхъ дальневосточныхъ вопросовъ.

А затѣмъ въ Японіи также хорошо знаютъ, что аннексія Китая не по силамъ этой странѣ. Въ этой аннексіи—ея политическая смерть, конецъ ея полптического самоопредѣленія. Китай—безконечно самобытенъ. Какъ гранитныя скалы выдерживаютъ удары морскихъ волнъ, такъ онъ выдерживаетъ натискъ различныхъ культуръ и не поддается ихъ влиянію. Во всей своей массѣ, какъ и каждый китаецъ въ отдѣльности, онъ сохранилъ всѣ свои особенности. Тысячелѣтія пережилъ онъ, за свою длинную исторію онъ принялъ въ себя очень многія народности, очень многія культурныя теченія. А гдѣ онъ, остался ли отъ нихъ какой-нибудь слѣдъ? Онъ умерли, онъ потонули въ его народной толщѣ, растворились въ ней, поддались его могучему влиянію, и отъ нихъ ничего, ничего не осталось. Волны пришли, глухо рокотали, грозили разбить грозную скалу, но буря утихла, волны безильно упали, море сдѣлалось спокойнымъ, вотъ оно снова ласкается къ этой скалѣ, а на ней и даже слѣдовъ не осталось отъ временныхъ пришлецовъ... То же самое сдѣлалъ бы Китай и съ Японіей. Если бы Японія и захотѣла аннектировать Китай, она все равно не могла бы этого сдѣлать, потому что тогда ея не стало бы, Китай тогда въ своей массѣ похоронилъ бы еще одну своеобразную культуру. Слѣдовательно, вопросъ не только объ аннексіи всего Китая, но даже о раздѣлѣ Китая является большимъ и беспочвеннымъ вопросомъ!...

Нѣтъ, мечты и стремленія современной Японіи, какъ это видно въ настоящій моментъ, лежатъ въ другой плоскости. Современная Японія стремится къ созданію могучаго и нѣсколько своеобразнаго союза съ Россіей и Китаемъ, она стремится использовать открывающіеся передъ нею рынки, она надѣется покончить съ военнымъ шумомъ. Довольно его! Эта постоянная угроза политическихъ осложненій наскучила молодой странѣ, теперь эта угроза отпадаетъ, роль Германіи сведена на нѣтъ, злой геній Японіи почти уничтоженъ. И Японія теперь получить возможность залѣчить свои „внутреннія язвы“, она получить возможность широко развить свою экономическую мощь и превратиться дѣйствительно въ „Дай-Нипонъ“!...

„Непобѣдимый германскій орелъ“ побѣжденъ, онъ распустилъ свои когти и выпустилъ свою добычу; онъ пересталъ служить на Дальнемъ Востокѣ эмблемой „бронированнаго кулака“, и къ тому, чтобы эта эмблема снова въ какомъ-либо видѣ не ожила, должны быть направлены усилія всѣхъ тѣхъ державъ, которыя вели тяжелую войну противъ войны...

Вал. Сѣверовскій.

Константинопольскіе проливы.

Историко-политическій очеркъ. ¹⁾

ГЛАВА IV.

Нейтрализация Чернаго моря.

Значеніе Россіи на Востокъ въ области религіозной.—Состояніе Европы послѣ 1848 г.—Миссія кп. Меньшикова. — Объявленіе Турціей войны Россіи. — Вѣнскія конференціи (1855 г.).—Парижскій конгрессъ 1856 года и его постановленія относительно Чернаго моря и проливовъ.

Съ подписаніемъ лондонской конвенціи 1841 г. Россія потеряла свое преобладающее положеніе въ Турціи, положеніе, — которое дается тому, кого въ данную минуту Турція боится. Турки попросту перестали насъ бояться, потому что независимость и цѣлость Оттоманской имперіи были поставлены подъ совокупную охрану Европы. Въ одной только области обаяніе Россіи не могло такъ сразу упасть. У миллионovъ нашихъ единовѣрцевъ, турецкихъ подданныхъ, хотя и ослабѣла надежда на насъ послѣ того, какъ мы обязались дѣйствовать въ Турціи не иначе, какъ сообща съ прочими, мало въ ихъ пользу расположенными державами, но самая идея объ „исторической миссіи“ Россіи, освобожденія православныхъ христіанъ изъ-подъ мусульманскаго ига, заложенная еще Петромъ, не перестала жить въ ихъ сердцахъ. Послѣ адрианопольскаго мира 1829 г. русская дипломатія, правда, дѣлала все, чтобы идея эта, представляющая собой безусловно громадную реальную силу въ нашемъ стремленіи на югъ, заглохла у нашихъ единовѣрцевъ. Теперь, когда политическое обаяніе Россіи на Востокъ было уничтожено, обаяніе религіозное продолжало все же жить. За него и ухватился императоръ Николай въ послѣдніе годы царствованія. Предлогъ не замедлил представиться.

Взглянемъ теперь на положеніе Европы того времени. 1848 г. былъ

¹⁾ Окончаніе. См. *Русская Мысль* 1915 г., кн. IV.

годомъ сильныхъ потрясеній въ большинствѣ государствъ. Во Франціи іюльская монархія смѣнилась республикой; событія въ Пруссіи сильно потрясли ея государственный организмъ; мадьярская революція готовила полное распаденіе монархіи Габсбурговъ, если бы вооруженная рука императора Николая I не поддержала ея въ критическую минуту. Одна Россія осталась нетронутой революціоннымъ пожаромъ, охватившимъ въ то время Европу. Моментъ казался императору Николаю подходящимъ, чтобы попробовать возстановить бывшее значеніе Россіи на Востокѣ: теперь онъ не предвидѣлъ возможности прежняго противодѣйствія Европы. Случай, какъ было замѣчено, представился.

Въ 1853 г. возникъ споръ между православными и католиками изъ-за Святыхъ Мѣстъ. Въ Константинополь былъ командированъ кн. Меншиковъ, который долженъ былъ получить полное удовлетвореніе нашимъ требованіямъ въ этомъ вопросѣ. Кромѣ того, у него было тайное порученіе потребовать отъ Порты подписанія конвенціи, въ которой бы точно и опредѣленно подтверждались традиціонныя права Россіи—вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи, именно въ отношенія ея къ христіанскимъ подданнымъ. Давъ намъ полное удовлетвореніе по первому вопросу, турецкіе министры, по совѣту французскаго и англійскаго пословъ, которымъ они не преминули сообщить наше тайное требованіе, отказали въ немъ кн. Меншикову. Въ отвѣтъ на отказъ кн. Меншиковъ послалъ Портѣ ультиматумъ, въ которомъ въ теченіе 5 дней требовалъ отъ нея подписанія конвенціи. Порта отказала. 22 мая 1853 г. кн. Меншиковъ со всѣми членами русскаго посольства покинулъ Константинополь. Черезъ мѣсяць наши войска заняли дунайскія княжества, а англійская и французская эскадра вошли въ Мраморное море.

Проходъ англо-французской эскадры черезъ Дарданеллы, какъ отвѣтъ на занятіе нами дунайскихъ княжествъ, былъ нарушеніемъ конвенціи 1841 г. Война Турціи формально объявлена не была, поэтому проливы были закрыты. Высказываемая англичанами точка зрѣнія, что конвенція 1841 г. содержитъ обязательство охранять неприкосновенность Оттоманской имперіи и что занятіе княжествъ нашими войсками именно и угрожало таковой, опровергается тѣмъ, что формально такого обязательства въ конвенціи нѣтъ, а въ предисловіи лишь высказано *желаніе* сохраненія неприкосновенности Турціи. Нашъ уполномоченный на лондонской конференціи настоялъ на исключеніи *обязательства* въ этомъ смыслѣ. Какъ бы то ни было, Европа была еще достаточно сильна и цѣльна, чтобы продолжать оставаться нашимъ вѣковымъ врагомъ на Востокѣ. Нашъ образъ дѣйствій въ 1853 г. внушилъ ей увѣренность, что мы теперь не только намѣрены вернуть себѣ все потерянное, но хотимъ итти гораздо дальше. Тонкія юридическія соображенія, конечно, не могли удержать ея отъ наиболѣе нѣлесообразныхъ мѣръ противо-

дѣйствія. Къ Англии, Франціи и Пруссіи примкнула и Австрія, несмотря на то, что Габсбургская монархія въ 1849 г. была спасена вооруженными силами Россіи. Занятие дунайскихъ княжествъ русскими войсками слишкомъ угрожало ея будущности. „Нѣтъ такой высшей морали—не безъ ироніи пишетъ г. Клячко—которая среди обязанностей благодарности поставила бы самоубійство“. ¹⁾

4 октября 1853 г. Турція объявила намъ войну. Императоръ Николай издалъ манифестъ, призывающій русскій народъ встать на защиту православной вѣры. Одновременно графъ Нессельроде циркулярной депешей заявилъ европейскимъ кабинетамъ о готовности Россіи принять участие въ мирныхъ переговорахъ. Несмотря на два столь противорѣчивыхъ дѣйствія русскаго правительства, западныя державы съ радостью ухватились за эту мысль, не столько движимыя желаніемъ мира, сколько видя въ этомъ возможность ясно и опредѣленно заявить Россіи, что въ данномъ случаѣ она имѣетъ дѣло не съ одной Турціей и что знаменитое „европейское равновѣсіе“ не допускаетъ никакихъ измѣненій въ положеніи послѣдней, несмотря ни на какія возможныя побѣды Россіи въ этой войнѣ.

Собравшись въ Вѣнѣ, уполномоченные Англии, Франціи и Австріи выработали мѣры предотвращенія европейской войны. Протоколъ, подписанный 5 декабря 1853 г., былъ именно выраженіемъ такого отношенія державъ къ Россіи. Этотъ протоколъ и былъ отосланъ въ Петербургъ. Но событія не дали возможности приступить къ мирнымъ переговорамъ и обострили все положеніе. Послѣ того какъ въ ноябрѣ 1853 г. адмиралъ Нахимовъ уничтожилъ турецкій флотъ при Синопѣ, союзной англо-французской эскадрѣ было приказано войти въ Черное море. У союзныхъ адмираловъ была инструкція, которая была сообщена русскому правительству, въ силу которой они должны были всякое русское военное судно, встрѣченное въ морѣ, пригласить немедленно вернуться въ ближайшій портъ и въ случаѣ нужды принудить его къ тому силой. На такія, уже открыто враждебныя, дѣйствія мы не могли отвѣтить иначе, какъ отозваніемъ нашихъ лондонскаго и парижскаго пословъ. Война была объявлена. Россія теперь открыто имѣла противъ себя Европу.

Будучи еще первымъ другомъ султана, Николай Павловичъ предвидѣлъ возможность европейской коалиціи противъ себя и избѣгъ ея, пожертвовавъ всѣми выгодами, которыя эта дружба давала. Теперь, ставши первымъ врагомъ султана, онъ эту коалицію увидѣлъ только тогда, когда она стала совершившимся фактомъ. Къ сожалѣнію, Россія оказалась неподготовленной къ войнѣ.

¹⁾ Цитировано у Р. Mischef, p. 455.

Разсмотрѣніе исторіи Крымской войны не входитъ въ нашу задачу. Замѣтимъ только, что въ первый годъ войны императоръ Николай не терялъ надежды кончить ее дипломатическимъ путемъ, безъ ущерба для достоинства Россіи. Онъ согласился на участіе русскаго уполномоченнаго на конференціи въ Вѣнѣ, бывшей продолженіемъ совѣщанія 1853 г. и имѣвшей теперь задачей выработать основанія мира. Конференціи этой не суждено было прийти къ какому-либо результату. Николай Павловичъ и послѣ его смерти (февраль 1855 г.) императоръ Александръ II не могли согласиться на одно условіе, поставленное Россіи: на ограниченіе русскихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ. Условіе это явно нарушало суверенную власть Россіи распоряжаться въ вопросахъ собственной обороны. По остальнымъ тремъ вопросамъ, не менѣе важнымъ, но не столь унизительнымъ, дано было наше согласіе. Условія эти были: 1) совмѣстное покровительство державъ надъ христіанскимъ населеніемъ Турціи, т.-е. то, противъ чего мы боролись со временъ Петра, 2) совмѣстное покровительство державъ надъ дунайскими княжествами и ихъ эвакуація и 3) свобода плаванія по Дунаю. Западныя державы не удовольствовались этими уступками. Имъ нужно было уничтоженіе русской силы въ Черномъ морѣ, чтобы обезпечить себя отъ возможности возрожденія русскаго могущества на Востокѣ.

Какъ говорилъ Друэнъ-де-Луисъ, уполномоченный Франціи на вѣнскихъ совѣщаніяхъ, „цѣль (европейскій миръ) будетъ вѣрнѣе достигнута въ тотъ день, когда не нужно будетъ думать о защитѣ, такъ какъ нападеніе сдѣлается невозможнымъ“. Онъ не принялъ во вниманіе только то, что оскорбленіе, нанесенное великой державѣ, не можетъ служить залогомъ спокойствія въ будущемъ.

Однако то, что для Россіи и ея царя въ 1855 г. казалось чудовищнымъ и невозможнымъ, стало фактомъ въ 1856 году. 18/30 марта 1856 г. въ Парижѣ русскими уполномоченными гр. А. Орловымъ и бар. Брунновымъ, совмѣстно съ уполномоченными Франціи, Австріи, Англіи, Пруссіи, Сардиніи и Турціи, былъ подписанъ мирный трактатъ вмѣстѣ съ конвенціями о проливахъ и объ Аландскихъ островахъ. ¹⁾ Въ предисловіи къ трактату сказано, что императоръ всероссійскій, императоръ французовъ, королева Великобританіи и Ирландіи, король сардинскій и императоръ Оттоманской имперіи „рѣшили войти въ соглашеніе съ его величествомъ императоромъ австрійскимъ касательно основаній для возстановленія и утвержденія мира съ обезпеченіемъ цѣлости и независимости имперіи Оттоманской взаимнымъ дѣйствительнымъ ручательствомъ“. Это ручательство за цѣлость и независимость Порты ставится тутъ прямо цѣлью договора. Предисловіе заканчивается приглашеніемъ къ участію въ договорѣ короля прусскаго, какъ подпи-

¹⁾ См. Noradounghian, op. cit., т. III, №№ 682, 683, 684.

савшаго конвенцію 1841 г. Послѣ признанія въ ст. VII Порты участвующею отнынѣ въ „концертѣ державъ“, ст. VIII постановляетъ, что если между одной изъ державъ и Портой возникнетъ несогласіе, то онѣ, не прибѣгая къ силѣ, „имѣютъ доставить другимъ договаривающимся сторонамъ возможность предупредить всякое дальнѣйшее столкновение черезъ свое посредничество“. Въ слѣдующей же статьѣ IX, послѣ сообщенія султаномъ державамъ изданнаго имъ „по собственному его побужденію“ фирмана, улучшающаго участь его христіанскихъ подданныхъ, говорится, что державы „признаютъ высокую важность сего сообщенія, разумѣя при томъ, что оно ни въ какомъ случаѣ не даетъ симъ державамъ права вмѣшиваться совокупно или раздѣльно въ отношеніе его величества султана къ его подданнымъ и во внутреннее управление имперіи его“. Цѣлью этой статьи было пресѣчь осуществленіе „исторической миссіи Россіи“—покровительства турецкимъ христіанамъ.

Относительно Чернаго моря говорятъ стт. XI, XII, XIII и XIV. Ограниченіе русскихъ морскихъ силъ было облечено въ форму нейтрализаціи Чернаго моря, съ общимъ правиломъ, что „входъ въ порты и воды онаго формально и навсегда воспрещается военнымъ судамъ какъ прибрежныхъ, такъ и всѣхъ прочихъ державъ“, съ исключеніями, указанными въ стт. XIV и XIX.

Первое исключеніе ст. XIV сдѣлано въ пользу Россіи и Турціи, которая постановляетъ: „Ихъ величествами императоромъ всероссійскимъ и султаномъ заключена особая конвенція, опредѣляющая число и силу легкихъ судовъ, которыя они предоставляютъ себѣ содержать въ Черномъ морѣ для нужныхъ по прибрежію распоряженій. Сія конвенція прилагается къ настоящему трактату и будетъ имѣть такую же силу и дѣйствіе, какъ если бы она составляла не отдѣльную его часть. *Она не можетъ быть ни уничтожена, ни измѣнена безъ согласія державъ, заключившихъ настоящий трактатъ*“.

Такимъ образомъ внѣшній „decoim“ былъ соблюденъ: ограниченіе нашихъ суверенныхъ правъ было облечено въ форму свободнаго договора Россіи съ Турціей. Но суть отъ этого, конечно, не измѣнялась.

Второе исключеніе сдѣлано въ ст. XIX въ пользу другихъ державъ, изъ коихъ каждая могла содержать у устьевъ Дуная 2 легкихъ морскихъ судна.

Статья XII говоритъ о свободѣ торговли въ Черномъ морѣ.

Статья XIII воспрещаетъ Россіи и Турціи содержаніе по берегамъ Чернаго моря военно-морскихъ арсеналовъ. Сохраненіе для насъ Николаева, какъ не лежащаго на берегу Чернаго моря, съ большимъ трудомъ удалось отстоять гр. Орлову. ¹⁾

¹⁾ 19 марта 1856 г. былъ изданъ манифестъ о заключеніи мира. Въ немъ встрѣчаются слова, ярко характеризующія взгляды русскаго правительства на русскую внѣш-

Специально относительно проливовъ Дарданеллъ и Босфора, какъ выше упомянуто, къ трактату приложена особая конвенція, въ сущности дословно повторяющая лондонскую конвенцію 1841 г., съ единственнымъ дополненіемъ, вытекающимъ изъ ст. XIX главнаго трактата и выраженномъ въ ст. III конвенціи; это дополненіе гласитъ, что то же право, которое предоставлено султану—выдавать фирманы для пропуска черезъ проливы посольскихъ стационаровъ, распространяется и на военные суда у устьевъ Дуная. Вновь подтверждается, что проливы закрыты, только покуда Порта находится въ мирѣ.

Итакъ, всѣ невыгоды, вытекающія для насъ изъ Лондонской конвенціи 1841 г., остались въ силѣ и теперь, съ тѣмъ только прибавленіемъ, что, не имѣя флота, мы въ случаѣ войны съ Турціей не могли уже защищать нашихъ береговъ отъ нападенія иностранныхъ судовъ въ какомъ бы то ни было числѣ.

Оскорбленная въ своемъ достоинствѣ Россія не могла долго нести на себѣ ига унижительныхъ постановленій парижскаго трактата. Всѣ усилія императора Александра II были направлены на то, чтобы отъ нихъ освободиться. Онъ достигъ этого черезъ 15 лѣтъ.

ГЛАВА V.

Лондонская конвенція 1871 г.

Возрожденіе Россіи послѣ севастопольскаго погрома.—„La Russie ne boude pas, mais se gescueille“.—Франко-прусская война 1870—1871 гг. и состояніе Европы въ это время.—Циркулярная депеша кн. Горчакова 19/31 октября 1870 г.—Отношеніе къ ней державъ.—Лондонская конференція 1870 г.—Вопросъ объ эквивалентѣ.—Трактатъ 1/13 марта 1871 г.—Различныя его толкованія.—Заявленія Россіи и Англіи на Берлинскомъ конгрессѣ въ 1878 г. и другіе случаи различныхъ толкованій договора 1871 года.

Крымская война и послѣдствіе ея, парижскій трактатъ, столь унижившій достоинство Россіи, показали не только Европѣ, но, главное, намъ самимъ всю слабость и неподготовленность нашего отечества „Le Colosse du Nord“ сталъ для Европы колоссомъ на глиняныхъ ногахъ. Императоръ Александръ II, сознавая все униженіе, къ которому привела Россію политика его отца, понялъ, что фактъ этотъ не случайный, даже не результатъ только неправильнаго направленія внѣшней политики: онъ понялъ, что причины его надо искать во внутреннихъ недугахъ Россіи.—Россія послѣ тяжелаго внѣшняго пораженія принялась за

новую политику: „Чтобы ускорить заключеніе мирныхъ условій,—говорится въ манифестѣ,—и отвратитъ даже въ будущемъ самую мысль о какихъ-либо съ нашей стороны видахъ честолюбія и завоеванія, мы дали согласіе на установленіе нѣкоторыхъ слабыхъ предосторожностей противъ столкновения нашихъ вооруженныхъ судовъ съ турецкими въ Черномъ морѣ“...

внутреннюю созидательную работу. Великія реформы 60-хъ годовъ, произвели коренное преобразование всего уклада русской жизни. Внутреннее возрожденіе Россіи не могло не сказаться и на внѣшнемъ ея положеніи.

Въ 1863 г. императоръ Александръ сказалъ на одномъ засѣданіи высочайшаго совѣта: „Il y a sept ans à cette table, j'ai fait un acte que je puis qualifier, puisque c'est moi qui l'ai accompli—j'ai signé le traité de Paris et c'était une lâcheté“. ¹⁾

Не трусостью это было, а подчиненіемъ обстоятельствамъ, въ которыя Александръ II попалъ вслѣдствіе ошибокъ своего отца. Но когда слышавшіе слова государя воскликнули отъ изумленія и онъ, сильно ударивъ по столу, сказалъ: „C'était une lâcheté et certes je ne la ferai plus!“, онъ уже чувствовалъ, что освободится отъ постыдныхъ обязательствъ 1856 г.

Въ лицѣ кн. А. М. Горчакова Александръ II нашелъ блестящаго выразителя своихъ стремленій, человѣка, отлично понимавшаго положеніе и сумѣвшаго съ успѣхомъ выйти изъ затрудненій. „La Russie ne boude pas, elle se recueille“—знаменитыя его слова, вѣрно характеризовавшія эпоху и выразившія глубокое пониманіе момента. Зорко слѣдя за положеніемъ Европы, Горчаковъ съ радостью наблюдалъ, какъ коалиція державъ, столь быстро образовавшаяся на почвѣ восточнаго вопроса, начинаетъ распадаться. Столкновенія западныхъ державъ между собой въ десятилѣтіе 1860—1870 гг. дали Россіи возможность, не втягиваясь во внѣшнія авантюры, спокойно продолжать внутреннюю созидательную работу, и руководителю ея внѣшней политики оставалось только ждать благоприятнаго момента для того, чтобы сбросить съ нея позорныя узы парижскаго трактата. Тѣмъ не менѣе нужно было много работы, чтобы приготовить этотъ шагъ. Нашимъ дипломатическимъ представителямъ канцлеромъ было вмѣнено въ обязанность зорко наблюдать за настроеніемъ страны, въ которой они пребывали, и путемъ осторожныхъ сношеній съ государственными людьми способствовать всѣми силами достиженію одной цѣли,—отмѣны ограничительныхъ постановленій парижскаго трактата. Отмѣна означенныхъ ограниченій не разъ предлагалась намъ то той, то другой отдѣльной державой, какъ вознагражденіе за помощь Россіи въ предстоящей для нихъ войнѣ. Такъ, Наполеонъ III передъ войной съ Австріей въ 1858 г., Австрія послѣ этой войны и въ 1867 г. послѣ пораженія, нанесеннаго ей Пруссіей, заискивали передъ императоромъ Александромъ, суля ему осуществленіе его завѣтной мечты, взаимныя военной помощи, которой отъ него ждали. Взглядъ на Россію, какъ на державу, привыкшую воевать въ чужомъ интересѣ, былъ твердо установленъ въ Европѣ. Но на этотъ разъ онъ оказался неправильнымъ.

¹⁾ Горяиновъ, стр. 129, письмо бар. Жомини къ бар. Бруннову.
книга V, 1915 г.

Военныя авантюры, даже съ расчетомъ заручиться въ будущемъ дипломатической поддержкой одной изъ державъ - поручительницъ по парижскому трактату, не соблазнили императора Александра и его канцлера. Другая возможность—предложение, исходящее отъ России, созвать международную конференцію для пересмотра парижскаго трактата, могло бы потерпѣть неудачу въ видѣ отказа одной какой-либо державы отъ участія въ конференціи. Въ данномъ случаѣ такой державой являлась Англія, стоявшая какъ бы въ сторонѣ отъ международныхъ конфликтовъ другихъ западныхъ державъ и бывшая одной изъ главныхъ сторонницъ ограниченія нашихъ силъ въ Черномъ морѣ. Въ этомъ случаѣ наше положеніе было бы поколеблено отказомъ, который повлекъ бы за собой подтвержденіе всего договора 1856 г. и признаніе невозможности достичь его пересмотра мирнымъ путемъ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній кн. Горчаковъ рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно. Моментъ былъ избранъ подходящий. Была осень 1870 г. Борьба между Франціей и Пруссіей продолжалась. Прусскія войска подходили къ Парижу. Императоръ французовъ, создавшій идею нейтрализаціи Чернаго моря, былъ взятъ въ плѣнъ. Франція переживала катастрофу. Австрія послѣ пораженія 1867 г. стояла въ сторонѣ отъ своей союзницы 1856 г., боясь нашего вмѣшательства. Съ ея стороны нельзя было ожидать сильнаго сопротивленія, тѣмъ болѣе, что всего 3 года назадъ австрійскій канцлеръ гр. Бейстъ самъ предлагалъ намъ свое содѣйствіе для отмены постановленій 1856 г., находя ихъ унижительными и несправедливыми. Пруссія, только косвенно участвовавшая въ подписаніи парижскаго трактата, была вполне на нашей сторонѣ. Король ея, связанный родствомъ и дружбой съ государемъ, какъ и его канцлеръ, Бисмаркъ, скорѣе нуждались въ нашемъ содѣйствіи для окончанія войны съ Франціей. Депеша Бисмарка къ кн. Рейссу, прусскому послу въ Петербургѣ, ¹⁾ въ которой Бисмаркъ прямо заявляетъ, что король находитъ справедливыми желанія Россіи измѣнить постановленія 1856 г. и будетъ ей въ этомъ способствовать, ясно говоритъ о такомъ отношеніи.

Италія, только что поправшая международный актъ и занявшая самовольно Римъ, не могла въ то время считаться опаснымъ противникомъ. Оставалась одна Англія. Но вооруженное сопротивленіе ея, теперь стоявшей одиноко, было маловѣроятно. Конечно, нужно было итти на рискъ, и кн. Горчаковъ это отлично сознавалъ. Онъ предвидѣлъ возможность неудачи и готовъ былъ пожертвовать собой, своей карьерой. Но выше всего онъ поставилъ честь своего отечества,—„чувство, которое имѣетъ откликъ въ Россіи“, какъ онъ однажды замѣтилъ въ разговорѣ. ²⁾

¹⁾ Приведена у Горькина, стр. 135.

²⁾ Разговоръ кн. Горчакова съ бар. Жюмиви въ письмѣ послѣдняго къ бар. Брунову 10 мая 1871 г. у Горькина, стр. 138.

Циркулярной депешей отъ 19/31 октября 1870 г. на имя кабинетовъ державъ, подписавшихъ парижскій договоръ, кн. Горчаковъ отъ имени Россіи заявилъ, что она, находя невозможнымъ для себя дальнѣйшее исполненіе постановленій парижскаго договора, поскольку они касаются ограниченія ея верховныхъ правъ въ Черномъ морѣ, одностороннимъ заявленіемъ отъ дальнѣйшаго ихъ исполненія отказывается. Аргументировалъ онъ слѣдующимъ образомъ: „Въ самомъ дѣлѣ,—говорилось въ депешѣ,—пока Россія, разоруженная въ Черномъ морѣ и даже посредствомъ деклараціи, включенной въ протоколы конференціи, прямодушно запрещала самой себѣ принятіе дѣйствительныхъ мѣръ морской обороны въ прилегающихъ моряхъ и портахъ, Турція сохраняла право содержать въ Архипелагѣ и въ проливахъ морскія силы въ неограниченномъ размѣрѣ; Франція и Англія могли попрежнему сосредоточить свои эскадры въ Средиземномъ морѣ. Кромѣ того, въ силу договора, входъ въ Черное море формально и навсегда закрытъ для военныхъ судовъ какъ прибрежныхъ, такъ и всѣхъ прочихъ государствъ; но, благодаря такъ называемой конвенціи о проливахъ, проходъ черезъ эти проливы закрытъ только въ мирное время“.

„Изъ этого противорѣчія выходитъ, что берега Россійской имперіи открыты для нападенія, даже со стороны державъ, менѣе могущественныхъ, если онѣ располагаютъ только морскими силами, противъ которыхъ Россія могла бы выставить лишь нѣсколько судовъ небольшого размѣра“. Упомянувъ дальше о случаяхъ нарушенія парижскаго договора, происшедшихъ за это время при молчаливомъ согласіи державъ какъ относительно Чернаго моря и проливовъ, такъ и другихъ его частей, и говоря о томъ, что обстоятельства, вызвавшія парижскій договоръ, теперь совершенно измѣнились, кн. Горчаковъ заключаетъ объявленіемъ отъ имени государя, что: 1) онъ не можетъ далѣе считать себя связаннымъ обязательствами сего договора, насколько они ограничиваютъ его верховныя права въ Черномъ морѣ, 2) что онъ считаетъ своимъ правомъ и своей обязанностью заявить султану о прекращеніи силы отдѣльной и дополнительной къ сему договору конвенціи, опредѣляющей число и вмѣстимость военныхъ судовъ, которыя обѣ прибрежныя державы предоставили себѣ держать въ Черномъ морѣ, 3) что онъ прямодушно увѣдомляетъ о томъ державы, подписавшія и обезпечившія общій договоръ, существенную часть котораго составляетъ эта конвенція, и 4) возвращаетъ въ этомъ отношеніи султану права во всей полнотѣ, точно такъ же, какъ возстановляетъ свои собственные. ¹⁾ Одновременно съ этимъ кн. Горчаковъ вмѣнилъ въ обя-

¹⁾ Полный текстъ циркулярной депеши кн. Горчакова приведенъ въ т. III, стр. 83 и слѣд. „Записокъ кн. Д. А. Оболенскаго“.

занность нашимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ удосто-
вѣрить, что государь движимъ однимъ желаніемъ лучше обезпечить
европейскій миръ, такъ какъ теперь онъ будетъ опираться на основа-
ніяхъ болѣе справедливыхъ и прочныхъ.

Циркулярная депеша кн. Горчакова произвела большой переполохъ
не только въ Европѣ, но и въ Россіи. Нѣкоторые круги, желавше,
чтобы Россія во что бы то ни стало избѣгала внѣшнихъ столкновений,
не скрывали своего негодованія на кн. Горчакова, рѣшившагося на та-
кой шагъ. Они полагали, что Россію снова увлекаютъ на путь военныхъ
авантюръ, уже такъ дорого ей стоившихъ.

Юридически кн. Горчаковъ былъ безусловно неправъ. Нельзя, какъ
онъ это сдѣлалъ, становиться на точку зрѣнія, что договоръ имѣетъ
силу только „*rebus sic stantibus*“, что съ измѣненіемъ обстоятельствъ,
его вызвавшихъ, сторона можетъ одностороннимъ заявленіемъ отка-
заться отъ его исполненія. Хотя Блунчли и говорить, что государство
имѣетъ право освобождаться отъ всякаго обязательства, мѣшающаго
его свободному развитію, ¹⁾ хотя многими и признается, что каждый
международный договоръ имѣетъ молчаливую оговорку—„*rebus sic stan-
tibus*“, съ этимъ согласиться нельзя, если стоять на точкѣ зрѣнія чи-
сто-юридической. Кромѣ того, кн. Горчаковъ нарушилъ вторую часть
ст. XIV парижскаго трактата, прямо постановлявшей, что конвенція ме-
жду Россіей и Турціей, опредѣлявшая ограниченіе морскихъ силъ въ
Черномъ морѣ, не можетъ быть ни уничтожена, ни измѣнена безъ со-
гласія державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ. Тутъ можно гово-
рить о фактической возможности, а не о юридическомъ основаніи, опи-
рающемся на право. И въ сущности это было равносильно заявленію
того, какъ говорить Сорель, ²⁾ „что международное право существуетъ
только для наивныхъ политиковъ, что дипломатическіе договоры обя-
зываютъ только государства, которые слишкомъ слабы, чтобы ихъ ра-
зорвать, и покровительствуютъ только тѣмъ государствамъ, которые до-
статочно сильны, чтобы ихъ защищать“.

Кн. Горчаковъ, не становясь на точку зрѣнія права, просто доказалъ,
что Россія достаточно сильна до того, чтобы разорвать позорный для нея
договоръ, а Европа недостаточно сильна и цѣльна, чтобы его защитить.

Въ такихъ случаяхъ правъ тотъ, кому это удастся. Въ нашемъ
случаѣ кн. Горчаковъ оказался правъ, и русскіе люди, такъ сначала
на него возставшіе, не замедлили въ этомъ сознаться и принести ему
повинную. ³⁾

¹⁾ *Blunschli*. „Le droit international codifié“, 1886, §§ 415 et 416.

²⁾ *Sorel*. „Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande“, v. II, p. 91.

³⁾ Объ отношеніи русскаго общества къ циркулярной депешѣ кн. Горчакова см.
въ „Запискахъ кн. Оболенскаго“ въ т. III (стр. 151 и слѣд., напр.).

Общественное мнѣніе Европы было сильно взволновано русскимъ сообщеніемъ. Какъ и нужно было ожидать, главное сопротивленіе шло изъ Лондона. Либеральное министерство Гладстона, уже и до того неоднократно слышавшее обвиненіе въ трусости, сильно боялось парламента и общественнаго мнѣнія и сначала заняло было очень воинственную позицію. Баронъ Брунновъ, русскій посолъ при сень-джемскомъ дворѣ, даже предполагалъ сразу принять мѣры для обезпеченія русскихъ суммъ, хранившихся въ англійскихъ банкахъ, отъ возможнаго ихъ ареста. Но всегдашняя осторожность англійскихъ министровъ заставила ихъ выждать выясненія отношенія остальной Европы къ русскому „международному *coop d'état*“. Послѣ того какъ стало ясно, что Россія можетъ рассчитывать на помощь Пруссіи, и Англии въ случаѣ войны придется одной представлять „коллективную волю“ Европы, которой теперъ въ ея прежнемъ видѣ больше не существовало, лондонскій кабинетъ рѣшилъ вести дѣло, не доводя его до разрыва. Главой *Foreign-Office'a*, лордомъ Гранвилемъ, черезъ посла въ Петербургѣ сэра Бьюканана былъ переданъ отвѣтъ англійскаго кабинета кн. Горчакову. Возраженія направлялись исключительно противъ формы; доказывалась ненарушимость международныхъ договоровъ вообще и ненарушимость ихъ одной стороною безъ участія другихъ въ частности. Это была скорѣе диссертация по международному праву, какъ выразился кн. Горчаковъ, чѣмъ настоящій протестъ. Въ заключеніе ея, однако, имѣлось мѣсто, дававшее возможность кн. Горчакову получить отъ Англии то, чего онъ давно хотѣлъ. Тамъ говорилось, что великобританское правительство, принявъ съ сожалѣніемъ русское сообщеніе, заявляло, что если бы Россія обратилась къ Англии и другимъ державамъ съ просьбой подвергнуть совмѣстно пересмотру парижскій договоръ, то правительство королевы не отказалось бы разсмотрѣть вмѣстѣ съ остальными державами вопросъ, возбужденный Россіей.

Князю Горчакову осталось только отвѣтить, что для Англии не было препятствій и теперъ обсудить наше заявленіе съ остальными кабинетами, подписавшими парижскій договоръ. Онъ прибавилъ, что Россія не отвергаетъ другихъ постановленій парижскаго трактата, не касающихся ограниченій ея въ Черномъ морѣ, и готова примкнуть къ переговорамъ для ихъ подтвержденія или измѣненія. „*Nous ouvrons la porte à une entente,—писалъ русскій канцлеръ барону Бруннову,—nous l'ouvrons même à deux battants. Seulement nous ne pouvons y passer qu' à la condition de ne point courber la tête*“. Кромѣ того, русскій канцлеръ напомнилъ о той настойчивости, съ которой при каждомъ предполагаемомъ созваніи конференціи англійскіе министры требовали, чтобы восточный вопросъ отнюдь не подвергался обсужденію, почему Россія и

осталось прибѣгнуть для разрѣшенія вопроса, затрогивавшаго ея честь и достоинство, только къ такому способу, который ею и примѣненъ.

Устройство самаго соглашенія, его форму и всѣ подробности кн. Горчаковъ предоставлялъ Англи. Гранвиллю осталось только согласиться на созывъ конференціи, которую сначала, по предложенію графа Бисмарка, предполагали собрать въ Петербургѣ, но потомъ, чтобы угодить самолюбію англичанъ, рѣшили созвать въ Лондонѣ. Такимъ образомъ, опасность со стороны Англи, откуда ее больше всего можно было ожидать, была обойдена.

Съ другими державами, со стороны которыхъ реальная опасность не угрожала, но отъ которыхъ не замедлили поступать протесты, направленные, главнымъ образомъ, на форму нашего сообщенія, кн. Горчаковъ вступилъ въ тонкую дипломатическую полемику, на которую онъ былъ такимъ блестящимъ мастеромъ. Онъ все дѣло старался свести, какъ онъ писалъ нашему посланнику въ Флоренціи, „à un malentendu grammatical: nous avons voulu rompre la glace, ils se sont imaginé que nous voulions casser les vitres“. ¹⁾

Такъ, итальянскому правительству заявлялось, что русский императоръ только желаетъ мира и нисколько не отрекается отъ тѣхъ постановленій парижскаго трактата, которыя не затрогиваютъ его чести, и что само итальянское правительство слишкомъ ясно сознаетъ свое собственное достоинство, чтобы не понять обязанности, которыя наша совѣсть налагала на насъ.

Французскому правительству національной обороны просто дано было понять, что къ нему обратились больше изъ вѣжливости, чѣмъ изъ политической необходимости.

Австріи напоминались предложенія, исходящія отъ нея же нѣсколько лѣтъ назадъ, о пересмотрѣ парижскаго трактата въ желательномъ для насъ духѣ.

Генераль-адъютанту Игнатьеву, русскому послу въ Константинополь, удалось доказать Портѣ, что русское сообщеніе столь же выгодно Турціи, какъ и Россіи, такъ какъ оно отмѣняетъ постановленія парижскаго трактата, ограничивающія одинаково верховныя права обоихъ государствъ. Хотя турецкіе министры и казались удовлетворенными, въ доказательство чего они воздержались отъ всякаго возраженія и протеста на наше сообщеніе, но мысль о компенсаціи въ виду возможнаго теперь вооруженія Россіи въ Черномъ морѣ, внушенная имъ западными дипломатами, твердо у нихъ засѣла. Съ пей намъ пришлось посчитаться уже на самой конференціи.

Такимъ образомъ, удалось получить согласіе всѣхъ державъ, под-

¹⁾ У Горянинова, о. с., стр. 162.

писавшихъ парижскій трактатъ, принять участіе въ конференціи, созываемой въ Лондонѣ, предѣлы которой должны были быть строго ограничены постановленіями этого трактата, отмѣны которыхъ требовала Россія. Это послѣднее условіе было поставлено Бисмаркомъ, опасавшимся вмѣшательства державъ въ его переговоры о мирѣ съ Франціей. Кн. Горчаковъ обѣщаль ему строго соблюдать это условіе, за что получилъ дѣятельную поддержку желѣзнаго канцлера, безъ которой ему едва ли удалось бы добиться санкціи другихъ державъ, и въ особенности Англии, на нашъ односторонній отказъ.

Лордъ Гранвиль все же не терялъ надежды уже путемъ самой конференціи и съ помощью другихъ державъ заставить Россію отказаться отъ своего рѣшенія. Его намѣренія, поддержанныя Австріей, были, однако, парализованы кн. Горчаковымъ и нашимъ уполномоченнымъ на конференціи барономъ Брунновымъ.

Такъ, Гранвилемъ было прочитано барону Бруннову предполагаемое приглашеніе отъ англійскаго министерства на конференцію, адресованное державамъ. Оно устанавливало въ видѣ безусловнаго начала для конференціи, что мы принимаемъ на себя обязательство ничего не мѣнять въ существующемъ положеніи вещей впредь до изъявленія на то общаго согласія державъ.

Брунновъ на это заявилъ, что онъ не явится на конференцію, если такое приглашеніе ему будетъ послано, такъ какъ рѣшеніе государя, изложенное въ сообщеніи отъ 19 октября 1870 г., уже получило силу закона. Гранвилю пришлось согласиться на простое пригласительное письмо. Тогда онъ рѣшился начать конференцію съ того, что особымъ протоколомъ, подписаннымъ всѣми державами, заклеимъ поведеніе Россіи въ данномъ случаѣ торжественнымъ заявленіемъ о недопустимости односторонняго отказа отъ исполненія коллективнаго международнаго договора. Баронъ Брунновъ согласился подписать такой протоколъ, оговоривъ сначала, что высокія принципы права, въ немъ упомянутыя, не будутъ имѣть обратнаго дѣйствія. „Passez nous le fond, nous vous passerons la forme“, такова была линія, которой держался русскій уполномоченный. На первомъ засѣданіи конференціи 5/17 января 1871 г. протоколъ, составленный въ этомъ смыслѣ, былъ подписанъ. На томъ же засѣданіи было выслушано заявленіе бар. Бруннова о волѣ государя измѣнить унизительныя для насъ постановленія парижскаго трактата и объ основаніяхъ, его къ тому побудившихъ. Это заявленіе, поддержанное прусскимъ уполномоченнымъ гр. Бернсторфомъ, было молча выслушано.

Такимъ образомъ, рѣшеніе Россіи отказаться отъ ограничительныхъ постановленій договора 1856 г. было молча санкціонировано державами.

Теперь намъ нужно упомянуть о возникшемъ на второмъ засѣда-

ни конференции вопросъ объ эквивалентѣ въ пользу Турціи въ виду возможности отнынѣ для Россіи имѣть любое количество судовъ въ Черномъ морѣ и тѣмъ угрожать Турціи. Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что служить ключомъ къ толкованію договора 1871 г., опредѣляющаго до сихъ поръ юридическое положеніе проливовъ. Требованіе такого эквивалента было предъявлено турецкимъ уполномоченнымъ въ Лондонѣ, Муссуромъ-пашой, и было поддержано представителями западныхъ державъ. Оно вылилось въ форму проекта статьи договора, выработаннаго всѣми уполномоченными въ частномъ совѣщаніи послѣ второго засѣданія конференции. Въ этомъ проектѣ статьи говорилось о возможности для султана въ силу его верховныхъ правъ надъ проливами открывать ихъ въ мирное время „въ видѣ исключительной мѣры въ единственномъ случаѣ, когда безопасность его имперіи заставила бы его *признать необходимымъ присутствіе военныхъ судовъ державъ неприбрежныхъ*“. По мысли составителей проекта, Турція могла открывать проливы, когда она это признаетъ для себя нужнымъ, всѣмъ державамъ, кромѣ Россіи. Для подтвержденія этого изъ-за возникшихъ недоразумѣній, что слово „неприбрежныя“ относится только къ проливамъ, а не ко всему Черному морю, и что, слѣдовательно, Россія не исключается, было принято прибавленіе къ проекту словъ: „къ Черному морю“. И Россія на это согласилась, видя въ этомъ необходимымъ эквивалентъ за полученныя ею права. Возникло неожиданное препятствіе со стороны Турціи, которая усмотрѣла въ означенной редакціи ограниченіе своихъ правъ призывать любую державу къ себѣ на помощь, въ томъ числѣ и Россію. Былъ даже любопытный моментъ, когда русская дипломатія уговаривала турецкую принять ограничительную для Россіи мѣру. Въ концѣ-концовъ къ соглашенію пришли, кореннымъ образомъ измѣнивъ проектъ статьи второй конвенціи и принявъ совершенно неясную редакцію, предложенную Италіей.

Въ ней говорится о нравѣ султана открывать проливы въ мирное время судамъ союзныхъ и дружественныхъ державъ, когда онъ найдетъ это необходимымъ для обезпеченія исполненія постановленій парижскаго трактата.

Статья 8 договора 1871 г. возобновляетъ и подтверждаетъ конвенцію о проливахъ 1856 г. Эта конвенція, какъ выше было сказано, дѣлаетъ проливы закрытыми, пока Порта находится въ мирѣ, и ставитъ это закрытіе подъ совокупное ручательство державъ, подписавшихъ конвенцію. Совокупное и нераздѣльное обязательство державъ соблюдать начало закрытія, обязательство какъ передъ Султаномъ, такъ и другъ передъ другомъ, не можетъ быть, слѣдовательно, нарушено безъ согласія всѣхъ державъ, подписавшихъ конвенцію 1856 г. Два исключенія сдѣланы только въ стт. 2 и 3 этой конвенціи для посольскихъ

стаціонеровъ и для военныхъ судовъ, охраняющихъ дунайскія устья. Договоръ 1/13 марта 1871 г., подтверждая всѣ постановленія конвенціи 1856 г., а въ первой части ст. 2 даже оставляя принципъ закрытія „въ томъ же видѣ“, какъ былъ установленъ этой конвенціей, во второй части той же статьи 2 дѣлаетъ изъ него исключеніе, предоставляя султану право открытія проливовъ въ мирное время, въ сущности, когда ему заблагоразсудится, такъ какъ по точному тексту этой статьи, хотя и обусловлено это открытіе „обезпеченіемъ исполненія постановленій парижскаго договора“, но сужденіе о необходимости такого обезпеченія предоставлено одному султану.

Изъ переговоровъ на конференціи, бывшихъ въ моментъ появленія итальянской редакціи, дѣлается выводъ, что, упомянувъ о договорѣ 1856 г., стороны имѣли въ виду ст. 7 этого договора, т.-е. что призывъ судовъ дружественныхъ и союзныхъ державъ обусловливался случаемъ нарушенія независимости и неприкосновенности Оттоманской имперіи, соблюденія которыхъ всѣ 6 державъ обязались подъ своимъ совокупнымъ ручательствомъ. „Турція приняла итальянскую версію,—говоритъ С. М. Горяиновъ,—съ принятіемъ ея она отказалась отъ самостоятельнаго распоряженія проливами, подчинившись солидарному обязательству всѣхъ договаривающихся державъ признавать проливы закрытыми, за извѣстными, строго опредѣленными исключеніями. Россія совмѣстно съ остальными державами, согласившись на итальянскую версію, вошла съ ними въ солидарное обязательство признавать начало закрытія проливовъ, отвѣчая каждая за всѣхъ и всѣ за каждую въ случаѣ его нарушенія“. „Изъ всего предыдущаго, — заключаетъ С. М. Горяиновъ, — вытекаетъ солидарное свойство обязательства, заключающагося во 2-й статьѣ лондонскаго договора и неотмѣненной имъ конвенціи о проливахъ 30 марта 1856 г.“.

Изъ самаго текста ст. 2 лондонскаго договора совершенно не видно, чтобы державы одинаково поставили договоръ 1856 г. подъ свою общую охрану; наоборотъ, въ ней прямо сказано, что сужденіе о наличности нарушенія этого договора предоставлено Портѣ и только ей. Также совершенно не упоминается, что нарушеніе должно касаться опредѣленной части, именно ст. 7 парижскаго трактата. С. М. Горяиновъ дѣлаетъ свой выводъ изъ намѣренія сторонъ въ моментъ появленія итальянской версіи статьи 2; если признать, что такое намѣреніе было, нельзя не согласиться съ г. Горяиновымъ. Но намъ извѣстно намѣреніе сторонъ, бывшее съ самаго начала переговоровъ, именно желаніе дать султану эквивалентъ въ видѣ возможности призывать иностранные суда въ проливы, въ противовѣсъ увеличенію русской силы въ Черномъ морѣ. Слѣдовательно, если статья 2-я есть эквивалентъ, то она направлена исключительно противъ Россіи, а тогда нельзя говорить о солидарности и не-

раздѣльности обязательства султана передъ всѣми державами—держать проливы закрытыми и открывать ихъ только съ общаго согласія подписавшихся державъ. Если, слѣдовательно, толковать договоръ по намѣренію сторонъ, бывшему съ самаго начала переговоровъ о 2-й статьѣ, и признать, что оговоркой объ обезпеченіи договора 1856 г. это намѣреніе не измѣнилось (т.-е. что обезпечивалась цѣлость и неприкосновенность Турціи всѣми державами противъ нападенія одной Россіи), то нужно сказать, что договоръ 1871 г. совершенно уничтожаетъ солидарность и нераздѣльность обязательства закрытія проливовъ, выраженнаго въ конвенціяхъ 1841 и 1856 гг. Тогда выходитъ, что начало закрытія есть обязательство султана передъ каждой отдѣльной державой и каждой отдѣльной державы передъ султаномъ и что, слѣдовательно, добившись отъ султана согласія на открытіе проливовъ, любая держава можетъ проводить черезъ нихъ свои военные суда. Но въ томъ-то и дѣло, что толкованіе международныхъ договоровъ по намѣренію сторонъ, часто очень неясно выраженному, является занятіемъ совершенно бесплоднымъ. Въ международномъ правѣ нѣтъ высшей инстанціи, призванной толковать международные договоры, и каждое государство является само такимъ толкователемъ, т.-е. судьей въ собственномъ дѣлѣ. Очевидно, что оно толкуетъ договоръ такъ, какъ ему въ данную минуту выгодноѣ.

Когда черезъ семь лѣтъ послѣ подписанія лондонскаго договора во всемъ его объемѣ былъ поднятъ восточный вопросъ, государства именно такъ и отнеслись къ этому, столь неясно составленному юридическому документу.

На берлинскомъ конгрессѣ 1878 г. эти два противоположныхъ толкованія обязательства закрытія проливовъ получили даже офиціальную формулировку.

11 іюля 1878 г. англійскій уполномоченный на этомъ конгрессѣ, маркизь Сольсбюри, сдѣлалъ слѣдующее заявленіе, прося его внести въ протоколъ: „Въ виду того, что берлинскій договоръ производитъ измѣненія въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ парижскаго договора 1856 г., имѣющихъ большое значеніе, и что толкованіе ст. 2 лондонскаго договора, находящейся въ связи съ парижскимъ, можетъ быть, такимъ образомъ, предметомъ разногласій, я заявляю отъ имени Англии, что обязательства, принятые ея величествомъ королевою Великобританіи по предмету закрытія проливовъ, сводятся исключительно къ обязательству по отношенію къ султану уважать въ виду сего его самостоятельную рѣшенія, соотвѣтствующія существующимъ договорамъ“.

На слѣдующемъ же засѣданіи конгресса 12 іюля, русскій уполномоченный, графъ Шуваловъ, просилъ занести въ протоколъ свое заявленіе по тому же предмету: „Уполномоченные Россіи, не будучи въ состояніи отдать себѣ яснаго отчета въ предложеніи маркиза Сольсбюри

относительно проливовъ, ограничиваются просьбой съ своей стороны о занесеніи въ протоколъ замѣчанія, что, по ихъ мнѣнію, начало закрытія проливовъ есть начало европейское и что постановленія, состоявшія по сему предмету въ 1841, 1856 и 1871 гг., нынѣ подтвержденныя берлинскимъ договоромъ, обязательны для всѣхъ державъ, согласно съ духомъ и буквою существующихъ договоровъ не только передъ султаномъ, но и передъ всѣми державами, подписавшими ихъ“.

С. М. Горяиновъ находитъ совершенно неправильнымъ толкованіе лондонскаго договора 1871 г., сдѣланное маркизомъ Сольсбюри; онъ даже доказываетъ нѣсколько выше, что „отдѣльная сдѣлка, заключенная между султаномъ и одной изъ 6 державъ, предоставляющая послѣдней особое право пользованія проливами, будетъ заключена въ нарушение международныхъ актовъ 1856 и 1871 гг. и не возымѣвъ никакой юридической силы, какъ незаконная въ самомъ корнѣ, можетъ повлечь за собой требованіе державъ, которыхъ права нарушены, обращенное къ державамъ, ихъ нарушившимъ, о возстановленіи ихъ правъ“. Дальше, г. Горяиновъ говоритъ, что все же такая сдѣлка была бы законной, если бы всѣ державы, подписавшія договоры 1856 и 1871 гг., признали бы ее таковой. Но вѣдь всего за 6 мѣсяцевъ до заявленія русскаго и англійскаго уполномоченныхъ, именно 19 (31) января 1878 г., Россія подписала вмѣстѣ съ Турціей въ Адрианополѣ перемиріе и условія, составлявшія основанія будущаго мира, въ которыхъ говорится, что султанъ войдетъ въ соглашеніе съ русскимъ Императоромъ „для охраненія правъ и интересовъ Россіи въ проливахъ Босфорскомъ и Дарданельскомъ“.

Эта „охрана правъ и интересовъ Россіи“ въ проливахъ должна была состоять въ открытіи ихъ для однихъ русскихъ судовъ, т.-е. въ прямомъ нарушеніи договора 1871 г. И никто не оспаривалъ законности этой сдѣлки. Просто Россія тогда стояла на англійской точкѣ зрѣнія. Къ сожалѣнію, она ее тогда очень слабо поддержала. Англія же, стоя на точкѣ зрѣнія русской, проводила ее съ большою энергіей. Наша дипломатія испугалась и сдалась. Она стала всячески завѣрять Англию, что положеніе проливовъ можетъ быть измѣнено только съ общаго согласія державъ и, въ противорѣчій съ собой, во вредъ русскимъ интересамъ, перешла на точку зрѣнія солидарности и нераздѣльности обязательствъ 1871 г. Когда же Англія добилась отъ Россіи черезъ общее вмѣшательство державъ подтвержденія въ статьѣ 63 берлинскаго договора *status quo ante* относительно проливовъ, она не преминула, находя это теперь для себя болѣе выгоднымъ, перемѣнить свою точку зрѣнія на характеръ обязательствъ 1856 и 1871 гг.

Прошло 20 лѣтъ. Въ 1898 г. въ англійской печати былъ поднятъ шумъ по поводу прохода черезъ проливы судовъ Добровольнаго флота, перевозившихъ солдатъ изъ Одессы въ Владивостокъ. Подъ вліяніемъ

новыхъ условий роли перемѣнились. Россія стала отстаивать точку зрѣнія Англии въ 1878 г., Англія—русскую.

Позднѣе, въ 1902 г., русское правительство испросило разрѣшеніе у султана на пропускъ черезъ проливы четырехъ миноносцевъ балтійской эскадры для слѣдованія въ Крымъ, гдѣ государь желалъ сдѣлать имъ смотръ. Разрѣшеніе было дано подъ условіемъ, что миноносцы пройдутъ подъ торговымъ флагомъ въ извѣстныя промежутки и безъ боевого вооруженія. Черезъ 3 мѣсяца послѣ этого Англія заявила протестъ Портѣ противъ нарушенія ею международныхъ договоровъ, присовокупивъ, что оставляетъ за собой право отнынѣ требовать разрѣшенія на пропускъ своихъ судовъ.

Всѣмъ еще памятенъ тотъ шумъ, который поднялся въ англійской печати въ 1904 г., когда наши пароходы Добровольнаго флота „Петербургъ“ и „Смоленскъ“, пройдя черезъ проливы и превратившись въ военные крейсера, арестовали англійскій пароходъ „Маллака“. Подкладкой тутъ былъ не этотъ арестъ, а то, что мы, находясь въ войнѣ съ Японіей, союзницей Англии, могли измѣнить соотношеніе силъ на Дальнемъ Востокѣ, проведя суда черноморской эскадры на Дальній Востокъ. Изъ всѣхъ этихъ случаевъ можно вывести, что толкованіе договора 1871 года, этого основнаго закона, дѣйствующаго о проливахъ, производилось каждымъ государствомъ по-своему, исключительно сообразно своей выгодѣ. Юридически непоколебимые и обязательные для всѣхъ принципы изъ него вывести поэтому было весьма трудно. И, конечно, такіе принципы, хотя бы разъ выведенные, ни въ чемъ не могутъ измѣнять отношенія къ договору каждаго государства, соблюдающаго свои интересы.

З а к л ю ч е н і е .

Краткій обзоръ восточной политики Россіи послѣ 1871—1877—1878 года. — Критика русской восточной политики и ея задачи. — Вопросъ о нейтрализаціи проливовъ. — Международная организація Константинополя и проливовъ. — Проливы должны принадлежать Россіи.

Русская восточная политика послѣ лондонскаго конгресса продолжала итти по старому пути соглашеній съ западными державами. Къ Пруссіи съ Австріей въ 1872 г. примыкала Россія. Образовалось если не союзъ, то соглашеніе трехъ сѣверныхъ державъ. Со стороны Россіи оно означало признаніе за Австріей извѣстныхъ правъ въ славянскихъ земляхъ Турціи, именно въ Босніи и Герцеговинѣ. Этимъ Россія какъ бы отказывалась отъ своихъ исключительныхъ правъ въ отношеніи турецкихъ славянъ, до тѣхъ поръ столь ревниво ею оберегавшихся. Лѣтомъ 1875 года вспыхнуло возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ, грозившее отпаденіемъ этихъ областей отъ Турціи и присоединеніемъ Герцеговины къ одно-

племенной Черногоріи, а Босніи—къ Сербіи. Въ общественномъ мнѣніи Россіи возсташе встрѣтило горячее сочувствіе къ угнетеннымъ славянскимъ братьямъ. Въ слѣдующемъ же, 1876 году, примѣру Босніи и Герцеговины послѣдовала Болгарія. Жестокая расправа Турціи съ повстанцами вызвала негодованіе всей Европы. Сначала рѣшено было оказать давленіе на Порту, чтобы она произвела необходимыя внутреннія реформы, и въ этомъ смыслѣ была составлена декларация трехъ союзныхъ императорскихъ дворовъ (такъ называемый берлинскій меморандумъ, мартъ 1876 г.), къ которой примкнули Франція и Италия. Англія отказалась отъ присоединенія къ ней. Глава англійскаго правительства Дизраэли, слѣдуя традиціонной политикѣ своей страны, противодействовалъ всѣмъ планамъ Россіи, касающимся Востока. Турція, видя могущественную поддержку Англіи, не согласилась на европейскія требованія. Важнымъ факторомъ тутъ было также то, что бывшее, по видимости, тѣснымъ единеніемъ Россіи съ Австріей на самомъ дѣлѣ было только кажущимся. Слишкомъ велико было различіе во взглядахъ и интересахъ Россіи и Австріи на Востокѣ. Исключительно преслѣдуя свои корыстныя цѣли, Австрія, такъ же какъ и вся остальная Европа, боялась, что съ эмансипаціей славянъ возродится прежнее вліяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Россія, какъ и всегда раньше, несмотря ни на какія соглашенія съ европейскими дворами, стояла, въ сущности, одиноко. Это не замедлило сказаться, когда дѣло дошло до открытаго разрыва съ Турціей.

Ходъ событій на Балканскомъ полуостровѣ принялъ такое направленіе, что сдѣлалъ совершенно невозможною безучастность по отношенію къ нимъ западно-европейскихъ державъ. Присоединеніе къ возстанію Сербіи и Черногоріи, кровавое усмиреніе болгаръ, опасность подобнаго же образа дѣйствій въ Сербіи и, наконецъ, тревога европейскихъ кредиторовъ Турціи, которая больше не могла аккуратно оплачивать процентовъ по займамъ, все это вынуждало европейскіе правительства дѣйствовать болѣе рѣшительно. За берлинскимъ меморандумомъ послѣдовали новые шаги. Конференція пословъ великихъ державъ въ Константинополѣ выработала въ концѣ 1876 г. проектъ реформъ для Турціи, который турецкое правительство отвергло. Въ концѣ марта 1877 г. представителями державъ былъ подписанъ въ Лондонѣ протоколъ, который долженъ былъ служить послѣднимъ предостереженіемъ Портѣ. Въ немъ было сказано, что если реформы не будутъ введены и положеніе христіанъ въ Турціи не будетъ улучшено настолько, чтобы предупредить повтореніе смутъ, то державы найдутъ такой порядокъ вещей несогласнымъ съ интересами Европы и оставятъ за собой право принять мѣры, какія онѣ признаютъ нужными для достиженія своихъ цѣлей. Порты опять отвергла всѣ предложенія державъ. Несмотря на это, державы отнюдь не желали итти

на открытый разрывъ съ Турціей, которая это отлично сознавала. Онѣ видѣли, что Россія была готова вести общее дѣло одна, и нашли для себя болѣе выгоднымъ предоставить ей одной добиваться отъ Турціи вооруженной рукой идеальной цѣли освобожденія своихъ единоплеменниковъ. Самъ европейскій концертъ рѣшилъ только зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы не дать возможности Россіи получить какія-либо реальныя выгоды отъ возможныхъ ея успѣховъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Война 1877—1878 г., послѣ того какъ мы стояли у самыхъ воротъ Константинополя, закончилась берлинскимъ трактатомъ, по которому Россія за всѣ свои огромныя жертвы кровью и деньгами получила ничтожный клочокъ земли въ Европѣ (10 т. кв. верстъ въ Бессарабіи) и города Батумъ и Карсъ въ Азій. Въ этой войнѣ, какъ и на берлинскомъ конгрессѣ, наиболѣе ярко сказалось то отношеніе державъ къ Россіи въ восточномъ вопросѣ, которое красной нитью проходитъ черезъ всю исторію этого вопроса. Особенно опредѣленную и ярко враждебную позицію по отношенію къ Россіи заняла Англія. Хотя на этотъ разъ она и допустила, вмѣстѣ съ остальной Европой, Россію вести самостоятельное дѣло на Востокѣ, такъ какъ видѣла въ борьбѣ Россіи противъ турецкихъ неурядковъ удовлетвореніе отчасти и своихъ собственныхъ интересовъ, но поспѣшила въ моментъ объявленія нами войны ясно и опредѣленно заявить, въ чемъ заключаются настоящіе англійскіе интересы на Востокѣ, нарушенія коихъ она не допуститъ, несмотря ни на какіе возможные наши успѣхи. Лордъ Дерби, въ нотѣ отъ 6 мая 1877 г. (война была объявлена 12 апрѣля), заявилъ, что хотя Англія и провозгласила себя нейтральной въ войнѣ между Россіей и Турціей, но она сочтетъ себя вынужденной выйти изъ нейтральнаго положенія: 1) если будетъ нарушена безопасность судоходства по Суэцкому каналу, 2) если Россіей будетъ произведено нападеніе на Египетъ, 3) если Константинополю будетъ угрожать опасность перехода въ инныя руки, „кромѣ тѣхъ, въ которыхъ находится въ настоящее время эта столица, имѣющая столь важное значеніе“. „Освященный санкціей Европы,—говорится далѣе въ нотѣ,—порядокъ судоходства черезъ Босфоръ и Дарданеллы кажется правительству королевы здравымъ и полезнымъ, и, по его мнѣнію, существовали бы важныя препятствія къ измѣненію его въ существенной части“. Какъ мы видимъ, Англія предупредила Россію, что не допуститъ ея произвести какое-либо измѣненіе въ положеніи проливовъ въ свою пользу, т.-е. прямо пригласила Россію напередъ отказаться отъ той основной выгоды, которую она могла получить въ случаѣ побѣдоносной войны. Русское правительство, боясь разрыва съ Англійей и слѣдуя своему традиционному „безкорыстію“ въ восточномъ вопросѣ, имѣя одну высоконравственную цѣль—„освобожденіе угнетенныхъ братьевъ славянъ“, черезъ своего посла въ Лондонѣ, графа Шувалова, отвѣтило на

англійскую ноту, что Россія не намѣрена ни препятствовать судоходству по Суэцскому каналу, ни вступать въ Египетъ, ни занимать Константинополя, судьба котораго, по мнѣнію русскаго правительства, представляется вопросомъ общаго интереса державъ, при чемъ обладаніе имъ не можетъ быть допущено въ пользу какого-либо государства Европы. Специально о проливахъ говорилось, что вопросъ о нихъ долженъ быть разрѣшенъ по общему соглашенію, „основанному на справедливости и на дѣйствительныхъ гарантіяхъ“, такъ какъ въ немъ заинтересованы всѣ государства. Какъ видно, о русскихъ интересахъ не упоминалось, да вѣдь они и стояли на второмъ планѣ. Когда русскія войска перешли черезъ Балканы и стали угрожать Константинополю и Дарданелламъ, англичанами снова овладѣли опасенія, чтобы это не привело къ фактическому захвату нами проливовъ. Они не могли повѣрить въ наше безкорыстіе, несмотря ни на какія наши завѣренія. Кромѣ того, они опасались, что намъ удастся самостоятельно заключить миръ съ Турціей и выговорить себѣ особыя выгоды относительно проливовъ. Къ тому же такія предложенія со стороны Россіи къ Турціи все же послѣдовали. (Извѣстно, напримѣръ, предложеніе А. И. Нелидова о включеніи въ предполагаемыя условія мира статьи, выговаривавшей пропускъ нашихъ военныхъ судовъ черезъ проливы поодиночкѣ и оставлявшей для другихъ державъ проливы попрежнему закрытыми.) Въ декабрѣ 1877 г., мы обѣщали англичанамъ не занимать Галлиполи, со взятіемъ котораго мы командовали бы Дарданеллами. Черезъ мѣсяць послѣ этого, именно 19 (31) января 1878 г., было заключено перемиріе въ Адрианополѣ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, „что султанъ войдетъ въ соглашеніе съ Русскимъ Императоромъ для охраненія правъ и интересовъ Россіи въ проливахъ Босфорскомъ и Дарданелльскомъ“. Въ отвѣтъ на это англійскій флотъ прошелъ Дарданеллы и сталъ у Принцевыхъ острововъ, въ Мраморномъ морѣ. Этимъ Англія достигла сразу двухъ цѣлей: она помѣшала намъ заключить выгодный миръ съ Турціей и добила нашего согласія на то, чтобы на конгрессѣ державъ, имѣющемъ собраться въ Берлинѣ, были пересмотрѣны всѣ постановленія нашего прелиминарнаго договора съ Турціей. Заранѣе обезпечивалось вмѣшательство концерта державъ въ возможное съ нашей стороны измѣненіе порядка вещей въ проливахъ.

19/п — 3/ш 1878 году въ Санъ-Стефано былъ заключенъ прелиминарный мирный договоръ между Россіей и Турціей. О плаваніи черезъ проливы говоритъ одна статья 24. Она гласитъ: „Босфоръ и Дарданеллы останутся открытыми въ мирное и военное время для торговыхъ судовъ нейтральныхъ государствъ, идущихъ какъ изъ русскихъ портовъ, такъ и направляющихся въ эти порты. Высокая Порта поэтому обязуется впредь не устанавливать фиктивной блокады Чернаго и Азовскаго морей,

которая противорѣчила бы духу деклараціи, подписанной въ Парижѣ 4 (16) апрѣля 1856 г.⁴. О военномъ судоходствѣ черезъ проливы въ договорѣ не говорится ничего. На берлинскомъ конгрессѣ эта статья была отмѣнена и замѣнена статьей 63 берлинскаго трактата, которая просто оставляетъ въ силѣ всѣ постановленія о проливахъ договоровъ 1856 и 71 гт.

О толкованіяхъ этого послѣдняго договора на берлинскомъ конгрессѣ со стороны русскаго и англійскаго уполномоченныхъ мы уже говорили въ предыдущей главѣ.

Итакъ, послѣ берлинскаго трактата юридическое положеніе проливовъ осталось то же, что было до него. Такимъ оно остается и до настоящаго времени. Такимъ образомъ, дѣйствующею теперь является конвенція о проливахъ 1856 г. съ измѣненіями, внесенными въ нее ст. 2 конвенціи 1871 г.

Послѣ берлинскаго конгресса восточный вопросъ во всемъ его объемѣ до балканскихъ войнъ 1912—1913 годовъ не поднимался. Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія русская политика, какъ бы разувѣрившись въ возможности его разрѣшенія, перемѣстила центръ тяжести съ Ближняго Востока на Востокъ Дальній. Неудачи, постигшія насъ на этой далекой окраинѣ, заставили насъ снова обратиться къ Ближнему Востоку. Въ этомъ поворотѣ въ старое историческое русло лежитъ для Россіи трагическая польза несчастной японской войны. Россія, повидимому, признала, что только на Ближнемъ Востокѣ лежитъ ея будущее.

Балканская война 1912 г., казалось, должна была разрѣшить восточный вопросъ. Побѣдоносный союзъ балканскихъ народовъ уже подходилъ къ Константинополю. Но тутъ-то и обнаружилось, что задача эта не по плечу балканскимъ народамъ и ихъ союзу, что онъ ни физически, ни нравственно не достаточно силенъ, чтобы владѣть Царьградомъ. Задача эта—задача Россіи. Это—цѣль всей ея исторіи. Происходящая великая война съ самаго начала для Россіи имѣетъ именно эту цѣль. Для Россіи побѣда надъ Германіей есть только средство разрѣшенія восточнаго вопроса. При возникновеніи войны это, къ сожалѣнію, только чувствовалось въ Россіи, но зато сознавалось въ Германіи. Недаромъ первымъ дѣломъ Германіи было усилить Турцію, давъ ей перевѣсъ въ Черномъ морѣ. При измѣнившейся политической конъюнктурѣ, когда вѣковой врагъ нашего проникновенія къ проливамъ—Англія, находясь съ нами въ союзѣ, повидимому, кореннымъ образомъ измѣнила свою точку зрѣнія на вопросъ, Германія увидѣла, что если Россія завладѣетъ проливами, цѣль русской политики будетъ достигнута, и Россіи останется, соединивъ всѣ силы свои съ союзниками, только укрѣпить за собой уже достигнутое.

Теперь, въ моментъ величайшихъ міровыхъ событій, русская дипло-

матія должна проникнуться простымъ и яснымъ сознаниемъ, что интересы Россіи въ проливахъ дѣйствительно велики, не стараться это скрывать и прямо итти къ намѣченной цѣли. Вѣдь до сихъ поръ цѣлью нашей политики на Ближнемъ Востокѣ ставилось освобожденіе славянъ, безкорыстное и идеальное; главная же цѣль всякой политики—удовлетвореніе культурныхъ и экономическихъ интересовъ своей страны, прямо забывалась нашей дипломатіей. Ея даже стыдились, не переставая завѣрять всѣхъ въ нашемъ „безкорыстїи“. Европа же въ это наше безкорыстїе не вѣрила никогда, такъ какъ не могла себѣ представить, чтобы великая держава въ своей внѣшней политикѣ могла руководствоваться одними высшими соображеніями нравственнаго порядка и не желать достиженія практической для себя пользы. Она видѣла въ этомъ простую хитрость и скрываніе настоящей цѣли. Недаромъ г. P. Mischef говоритъ объ „утилитарной политикѣ Россіи, получившей прозвище исторической мисси русскаго народа“. ¹⁾

Плоды такой политики налицо: положеніе наше на Ближнемъ Востокѣ за послѣднія сто лѣтъ, несмотря на огромныя жертвы русской кровью и русскими деньгами, нужно признать, скорѣе ухудшилось. Даже въ славянскихъ земляхъ, гдѣ на успѣхъ русскаго имени послѣ 1878 года мы, казалось бы, могли рассчитывать, русское вліяніе упало. Основной грѣхъ русской внѣшней политики состоялъ въ систематическомъ игнорированіи своихъ національныхъ интересовъ, которое особенно проявилось въ восточномъ вопросѣ.

Обладаніе черноморскими проливами должно быть поставлено какъ конечная и основная задача политики Россіи. Порты Чернаго и Азовскаго морей по интенсивности отпускной торговли занимаютъ первое мѣсто въ имперіи. Черезъ Дарданеллы идетъ 43% по цѣнности общаго вывоза Россіи и 74% всего хлѣбнаго экспорта нашей родины. ²⁾ Хлѣбный экспортъ въ значительной мѣрѣ является основой всего нашего экономического и финансоваго положенія. Неудобство нахожденія проливовъ въ чужихъ рукахъ въ этомъ уже чисто-хозяйственномъ смыслѣ особенно ярко обнаруживалось въ послѣдніе годы, когда Турція, находясь въ войнѣ съ Италіей, а потомъ съ союзомъ балканскихъ государствъ неоднократно закрывала проливы для плаванія торговыхъ судовъ. Вѣдь до сихъ поръ Россія является не только единственной великой державой, но и почти единственнымъ государствомъ на земномъ шарѣ, не имѣющимъ постоянного выхода въ открытое море. Черезъ Черное же море идетъ вывозъ изъ наиболѣе по природѣ богатой полосы Европы—нашего черноземнаго юга. Поэтому именно тутъ намъ нуженъ этотъ выходъ. И только

¹⁾ P. Mischef, op., стр. 72.

²⁾ *Журналъ Промышленности и Торговли*, 1912 г., № 8; статья „Закрытие Дарданеллъ“.

полное и безраздѣльное господство надъ Константинополемъ и проливами обезпечить Россіи свободу ея внѣшней торговли.

Остановимся вкратцѣ и на часто предлагаемыхъ двухъ иныхъ рѣшеніяхъ вопроса. Это—1) нейтрализація проливовъ, находящихся во владѣніи Россіи, и 2) подчиненіе Константинополя съ территоріей проливовъ международному управленію. Неприемлемость перваго рѣшенія съ русской точки зрѣнія явствуетъ изъ слѣдующаго. При владѣніи нами проливами нейтрализація, являясь ограниченіемъ суверенитета Россіи надъ частью русской территоріи, уже тѣмъ самымъ несовмѣстима съ ея достоинствомъ. Изъ примѣровъ исторіи мы знаемъ, насколько опаснымъ и безцѣльнымъ бываетъ подобное умаленіе суверенныхъ правъ великой державы. Съ другой стороны, съ точки зрѣнія русскихъ жизненныхъ интересовъ, всякая система нейтрализаціи, связанная съ запретомъ Россіи укрѣплять проливы, лишила бы ее возможности активно оборонять въ нихъ свободу плаванія, т.-е. то, что для Россіи наиболѣе важно. Тогда въ случаѣ войны непріятельская эскадра въ весьма короткій промежутокъ времени легко могла бы забросать минами Босфоръ и Дарданеллы безъ того, чтобы мы могли этому воспрепятствовать.

Въ еще большей мѣрѣ все сказанное относится ко второму рѣшенію, т.-е. къ введенію международного управленія въ Константинополѣ и на всей территоріи проливовъ въ случаѣ, если они не будутъ входить въ составъ Россійской имперіи. Тогда, кромѣ того, намъ пришлось бы считаться съ составомъ правительства международного города, въ которомъ всегда могли бы возобладать наши враги. При такой комбинаціи дѣло по существу не разнилось бы отъ бывшаго до сихъ поръ положенія, и борьба интересовъ государствъ въ средѣ международного управленія Константинополя продолжалась бы въ той же мѣрѣ и, вѣроятно, даже въ тѣхъ же формахъ, какъ и до сихъ поръ, при туркахъ.

Россіи нужна гарантія свободы ея выхода въ открытое море, и такую гарантію можетъ дать только фактическая возможность защиты свободы плаванія въ проливахъ. Поэтому Россія, владѣя проливами, должна имѣть право ихъ укрѣплять.

Россія никогда не примирится съ другимъ рѣшеніемъ восточнаго вопроса, кромѣ рѣшенія, предоставляющаго ей полное и безраздѣльное господство надъ Константинополемъ и проливами. Рано или поздно, такъ будетъ. Всякое другое рѣшеніе будетъ полумѣрой и не дастъ прочнаго мира Европѣ.

Русскій народъ, напрягающій нынѣ всѣ свои силы и приносящій неисчерпаемыя жертвы, ждетъ достойнаго воздаянія.

Такимъ воздаяніемъ будетъ полученіе имъ ключей отъ своего дома.

Князь Сергѣй Гагаринъ.

Далькрозъ и эстетика.

Споры, возбуждаемые системой ритмической гимнастики Ж.-Далькроза, объясняются, на мой взглядъ, въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что система эта не заключаетъ въ себѣ отчетливо продуманнаго строя мыслей. Ни у самого Ж.-Далькроза, ни у его послѣдователей нельзя найти точнаго опредѣленія задачъ, преслѣдуемыхъ системой.

Этому не приходится особенно удивляться. Основатель новой системы—скромный женеvскій композиторъ и музыкальный педагогъ—по собственнымъ признаніямъ, какъ бы ошупью набрелъ на основную свою идею,—идею музыкальнаго воспитанія съ помощью ритмической гимнастики. Своей предшествующей дѣятельностью онъ былъ мало подготовленъ къ роли революонера обще-педагогическаго дѣла или хотя бы къ роли реформатора художественнаго образованія.

Между тѣмъ успѣхъ первыхъ опытовъ Далькроза выдвинулъ его настолько изъ числа рядовыхъ педагоговъ, что онъ оказался почти вынужденнымъ къ чрезвычайному расширенію своихъ первоначальныхъ замысловъ. Въ результатъ на нашихъ глазахъ возникло крупное практическое предпріятіе—институтъ ритмической гимнастики въ Хеллерау. Своеобразность этого предпріятія заключается въ томъ, что оно базой своей имѣетъ не научно разработанную теорію, а почти исключительно практику, и притомъ практику очень ограниченнаго числа лицъ, по существу же даже одного лица—самого Ж.-Далькроза.

Теоретическія статьи Ж.-Далькроза и въ особенности его приверженцевъ не отличаются дисциплинированностью мысли. Кажется, будто не они владѣютъ цѣнной идеей, а идея владѣетъ ими, они „одержимы“ ею. Трудные и спорные педагогическіе и психологическіе вопросы рѣшаются ими съ удивительной легкостью. Въмѣсто того чтобы позаботиться о болѣе солидномъ обоснованіи системы, они разбрасываются всячески вширь и занимаются мало убѣдительнымъ подсчетомъ благъ, связанныхъ съ практическимъ примѣненіемъ системы. Привожу краткій реестръ выгодъ, которыя сулить, по ихъ мнѣнію, система: она дифереп-

цирует двигательные центры и вообще воспитывает двигательную способность, влияет воспитательно на волю, внимание, задерживательную способность, развивает в людях чувство свободы и жизнерадостности; представляет из себя „средство против всякаго кокетства, жеманности и пустоватости“, она благотворно дѣйствует на половую сферу, вырабатывает обще-человѣческую впечатлительность и способность выраженія, облегчаетъ возвратъ людей къ естественнымъ побужденіямъ, даетъ бессознательному въ человѣкѣ новыя возможности выраженія и гармоническаго проявленія. Занятія ритмической гимнастикой должны являться подготовкой ко всѣмъ искусствамъ, такъ какъ ритмъ является основой всѣхъ искусствъ. Въ частности, ритмическая гимнастика развиваетъ музыкальныя задатки въ человѣкѣ, его чувство ритма и составляетъ основу новой формы воссоединенія искусствъ—оркестрики и т. д., и т. д.

Въ настоящей статьѣ я не намѣренъ касаться вопроса объ общей педагогической цѣнности ритмической гимнастики. Я имѣю въ виду тему иного порядка,—порядка эстетическаго. Ритмическая гимнастика, какъ это можно усмотрѣть изъ только что сдѣланнаго перечня, *является въ глазахъ ея изобрѣтателя не только важнымъ педагогическимъ средствомъ, но и основаніемъ для новой формы синтеза искусствъ—„оркестрики“.*

„Когда мы изобрѣли нани ритмическія игры въ цѣляхъ воспитанія тѣла и духа,—говоритъ Ж.-Далькрозь,—намъ стало ясно, что мы нашли настоящій кладъ, что мы открыли зародышъ искусства такъ называемой оркестрики... Мы пришли къ заключенію, что внѣшнія проявленія въ ритмическихъ жестахъ имѣютъ неизмѣримое значеніе и что нашему поколѣнію предстоитъ осуществить воссоединеніе различныхъ искусствъ, что наши мысли и наши чувства найдутъ свое выраженіе въ будущихъ произведеніяхъ соединенной полифоніи и полиритміи“¹⁾.

Для меня съ самаго перваго знакомства съ ритмической гимнастикой представлялось загадочнымъ, какимъ образомъ вспомогательное средство музыкальнаго воспитанія можетъ превратиться въ основу синтетическаго искусства „оркестрики“. Какъ можетъ новая форма искусства родиться отъ педагогіи? Вѣдь педагогія для успѣшнаго развитія чувства ритма и выработки устойчивой привычки къ расчлененнымъ движеніямъ *нуждается не болѣе, какъ въ условной и эстетически безразличной системѣ точно установленныхъ отношеній между музыкальными знаками и движеніями тѣла.* Система даетъ общія правила пластическаго сопровожденія музыкальныхъ воспріятій, а школа возводитъ эти правила въ привычку. „Превращеніе“ музыки въ пластику

¹⁾ Ж.-Далькрозь: „Ритм“, 6 лекцій, пер. Гяѣсиной, стр. 107.

покоится, такимъ образомъ, на *приученіи организма къ условнымъ двигательнымъ реакціямъ въ отвѣтъ на музыкальныя впечатлѣнія*. Реакціи эти, разумѣется, относятся къ разряду волевыхъ, а отнюдь не рефлекторныхъ или инстинктивныхъ. Музыка и, въ частности, ея ритмическій моментъ могутъ явиться поводомъ для двигательныхъ проявленій. Но нелѣпо было бы приписывать этимъ поводамъ значеніе механическихъ или физиологическихъ причинъ движеній тѣла. Импульсивная энергія музыки не можетъ основываться на непосредственномъ механическо-физиологическомъ воздѣйствіи звуковъ на двигательные аппараты.

Сообразно съ этимъ музыкѣ въ системѣ отводится весьма скромная роль. „Для насъ во всѣхъ ритмическихъ упражненіяхъ, — говоритъ Ж.-Далькрозъ, — важна въ сущности не музыка“¹⁾. Она необходима потому, что „нотная система даетъ возможность совершенно точно и ясно обозначать на бумагѣ продолжительность движеній, шаговъ и жестовъ“²⁾. Съ каждой звуковой длительностью ритмическая гимнастика сочетаетъ „особое движеніе или рядъ движеній, которыя ученикъ долженъ исполнить подъ диктовку звуковъ, *выбирая изъ словаря Далькроза тотъ пластическій „терминъ“, который по условію есть буквальный переводъ даннаго звукового „термина“*“³⁾ („*terme plastique qui constitue conventionnellement la traduction littérale du terme musical entendu*“).

Эти разсужденія невольно рождаютъ вопросъ: *какимъ образомъ сопровожденіе музыки тѣлодвиженіями способно превращаться въ пластически прекрасное выраженіе ея содержанія?* Гдѣ искать ручательства въ томъ, что музыка, переставъ быть вспомогательнымъ средствомъ сложной метрической и ритмической команды и превратившись въ самое содержаніе художественнаго цѣлаго, найдетъ себѣ достойное и полное отраженіе въ сопровождающихъ ее гимнастическихъ упражненіяхъ?

Въ изображеніи Далькроза и его приверженцевъ *эстетическій результатъ примѣненія ритмической гимнастики* является своего рода *gratia irresistibilis*. Въ ритмической гимнастикѣ, заявляетъ кн. Волконскій, красота, какъ таковая, не преслѣдуется, она не есть цѣль⁴⁾: у насъ преслѣдуется только точность соответствія движенія со звукомъ, а что *точность эта приводитъ къ красотѣ, это уже безсознательное послѣдствіе, а не сознательное стремленіе*⁵⁾. (Курсивъ мой.)

¹⁾ „Ритмъ“. Ежегодникъ института Жакъ-Далькроза, т. I. Бесѣда Далькроза съ учениками, стр. 33.

²⁾ Ibid., стр. 33.

³⁾ Ж. д'Удинъ: „Искусство и жестъ“, пер. кн. Волконскаго, изд. „Аполлона“, 1911 г. *Jean d'Udine: „L'art et le geste“*. Paris. Alcap. Курсивъ мой.

⁴⁾ Докторъ Дорнъ въ рѣчи, произнесенной по поводу закладки зданія института въ Хеллерау, заявилъ: „Здѣсь не собираются культивировать эстетическія чувства и тому подобное безплодное времяпрепровожденіе“.

⁵⁾ „Листки курсовъ ритмической гимнастики“, № 2, мартъ, Спб., 1913 г., стр. 15.

Нельзя не подивиться той наивности, съ которою *точность* возводится здѣсь въ творческое начало. И къ довершенію всего эта точность оказывается *точностью „буквального по условію“ перевода.*

Самъ Далькрозъ (въ своей бесѣдѣ съ ученицами и учениками нормального курса) также призналъ, что у него сначала вовсе не было намѣренія добиваться художественнаго исполненія физическихъ упражненій; „я разсматривалъ ихъ,—говоритъ онъ,—только съ психо-физиологической точки зрѣнія. Но скоро мнѣ стало понятно, что *не можетъ быть совершенныхъ и легкихъ по формѣ движеній безъ того, чтобы они не удовлетворяли требованіямъ естественной гармоніи и красоты. Движенія, исполненные безъ легкости, безобразны. Воплощенный ритмъ долженъ непременно представлять красивое зрѣлище*“¹⁾. (Курсивъ мой.) Что иное можно видѣть въ этихъ словахъ, какъ не робкую попытку принять въ лонс)системы, подъ покровомъ quasi-точного термина „совершенныхъ и легкихъ по формѣ тѣлодвиженій“, нѣкій канонъ пластической красоты?

„Тѣлесныя формы,—говорится тутъ же,—конечно, должны создать прекрасное зрѣлище, потому что все въ нихъ полно выразительности и мѣры,—движеніе въ пространствѣ соразмѣрно съ движеніемъ во времени, а движеніе во времени чувственно переживается, какъ движеніе въ пространствѣ“²⁾.

Эта „соразмѣрность“—лишь иное названіе для „точности“, о которой говоритъ кн. Волконскій. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о безотносительной „соразмѣрности“, — соразмѣрности въ научномъ смыслѣ— между движеніемъ въ пространствѣ и движеніемъ во времени. *Соразмѣрность эта—условно предустановленная волею „учителя“, и поэтому эстетическая цѣнность вытекающей изъ нея пластики должна прямо зависеть отъ эстетической же цѣнности принциповъ, положенныхъ въ основу приученія.*

Но не одна красота, по убѣжденію Далькроза, составляетъ механическое слѣдствіе системы. Такимъ же слѣдствіемъ является и *выразительность* пластики. „Переживаніе, являющееся такимъ существеннымъ факторомъ въ приготовленіи драматической роли, здѣсь можетъ быть разсматриваемо лишь какъ результатъ, а отнюдь не какъ диктующая сила, разъ диктуетъ музыка“. „И будьте увѣрены, что когда будетъ осуществлено точное совпаденіе тѣлодвиженій съ движеніемъ музыки, т.-е. когда напряженность, тяжесть и скорость тѣлодвиженій совпадутъ съ напряженностью, тяжестью и скоростью звука, *тогда картина нужнаго*

1) Ежегодникъ „Ритмъ“, т. I, стр. 40.

2) Ibid., стр. 40.

но *пѣсь чувства выйдетъ сама собою*,—она явится неизбѣжнымъ произвольнымъ результатомъ ритмичности ¹⁾).

Говоря о выразительности рукъ и печалуясь на молчаливое бездѣйствіе ихъ въ „классическомъ балетѣ“, кн. Волконскій попутно вскрываетъ одинъ изъ важныхъ принциповъ далькросовской „орхестики“. Въ основу движенія рукъ Далькрозъ *положилъ* движеніе дирижера, отбивающаго „четыре четверти“; движенія эти не только въ физическомъ смыслѣ удачны, такъ какъ осуществляютъ направленіе внизъ (1), къ себѣ (2), отъ себя (3) и вверхъ (4), но они и философски содержательны: земля (1), „я“ (2), „все, кромѣ меня, вселенная“ (3) и „небо“ (4). Полагаю, что всякій легко оцѣнитъ происходящую отсюда *психологическую* содержательность этихъ движеній“ ²⁾. Пусть такъ. Подаримъ кн. Волконскому эту дешевую символику. *Но въ какое же отношеніе должна стать въ такомъ случаѣ пластическая символика къ музыкальной символики?* И какимъ образомъ сама собою должна получиться при переложеніи „музыки на пластику картина нужнаго по пѣсѣ чувства“, *если движенія, сопровождающія музыку, обладаютъ автономной выразительностью?* Откуда взяться увѣренности, что это „я“, „небо“, „вселенная“ и т. д., привнесенные въ пластическую картину, не породятъ несноснаго диссонанса между музыкальной и пластической символикой?

Итакъ, я утверждаю, что попытка создать пластику, отмѣченную печатью красоты и выразительности, на пути „механическаго“ переложенія музыки на языкъ условныхъ, подсказываемыхъ не художественной вѣрой, а педагогическими соображеніями тѣлодвиженій, есть *nonsens*. Построить орхестикку на почвѣ рабской зависимости пластики отъ музыки, на основѣ „слѣпого послушанія“ ея ритмамъ, на *объективной базѣ* школьныхъ предписаній—задача, совершенно неосуществимая. Если на практикѣ въ своихъ опытахъ орхестики и инсценировки музыкальныхъ и музыкально-драматическихъ произведеній Далькрозъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ его восторженныхъ приверженцевъ, достигаетъ *цѣнныхъ въ эстетическомъ отношеніи результатовъ*, то этимъ онъ обязанъ вовсе не „объективной базѣ“ своей педагогической системы, а собственному *художественному* вкусу и пластическому таланту своихъ учениковъ. *Далькрозъ и его послѣдователи, наивно считая эстетические результаты системы какой-то благодатью, на самомъ дѣлѣ безпатентно промышляютъ искусствомъ пластики.* Впрочемъ, тому есть и документальное доказательство. Въ своей, уже цитированной, бесѣдѣ

¹⁾ Кн. Волконскій: „Художественные отклики“, изд. „Аполлона“, Спб., 1912 г. стр. 177.

²⁾ Кн. Волконскій: „Человѣкъ на сценѣ“, изд. „Аполлона“, Спб., 1912 г., стр. 156.

Далькрозь, между прочимъ, сдѣлалъ такое замѣчаніе: „Пожалуй, вы можете упрекнуть меня, что я заставляю васъ иногда продѣлывать чисто пластическія упражненія, преслѣдующія единственную цѣль—красоту движеній. Совершенно вѣрно! Отъ времени до времени необходимо испробовать нашъ инструментъ точно такъ же, какъ настройщикъ фортепiano прерываетъ на время свою работу для импровизаціи или играетъ нѣсколько тактовъ изъ какой-нибудь пьесы. Онъ долженъ попробовать, достаточно ли хорошо звучитъ инструментъ, чтобы на немъ играть, не оскорбляя слуха. Но вѣдь это только проба; настройщикъ не собирается давать концерта. Точно такъ же поступаю и я съ вами. Поэтому желательна, чтобы вы въ этихъ пластическихъ упражненіяхъ видѣли лишь кажущуюся эстетическую цѣль“¹⁾.

Итакъ, признавая, съ одной стороны, неизбежность самостоятельныхъ пластическихъ упражненій, преслѣдующихъ единственную цѣль—красоту, Далькрозь старается, съ другой стороны, всячески затушевать и прямо, и косвенно значеніе подобныхъ упражненій; прямо—въ выраженіяхъ, подобныхъ заключительнымъ словамъ цитаты, косвенно—путемъ сравненія своего дѣла съ ремесломъ настройщика музыкальныхъ инструментовъ. Разумѣется, настройщикъ—не художникъ, его проба инструмента—не репетиція къ концерту. Однако, вѣдь не въ настройкѣ же назначеніе инструмента; думается, что настройщикъ, прерывая работу импровизаціями и пробами, болѣе приближаетъ свой инструментъ къ его истинному назначенію, чѣмъ во время неизбежныхъ ремесленныхъ выколачиваній отдѣльныхъ звуковъ. Впрочемъ, Далькрозь и принципиально *готовъ допустить возможность совершенной эмансипаціи пластики отъ музыки*. Если, съ одной стороны, „безъ упорядочивающаго начала, которое вносить музыка, въ тѣлдвиженія царила бы полнѣйшая анархія“, и „безъ музыки наша выразительность потеряла бы содержаніе“, то, съ другой, „быть можетъ, когда-нибудь генію съ исключительнымъ пластическимъ дарованіемъ и удастся выразить свои чувства безъ помощи музыки, одними лишь тѣлдвиженіями. „Но мое воспитаніе,—говоритъ Далькрозь,—не для геніевъ“²⁾. Далькрозь какъ будто вовсе не замѣчаетъ, что онъ такими утвержденіями подрубааетъ сукъ, на которомъ самъ же сидитъ. Вѣдь изъ его словъ вытекаетъ, что, когда музыка ставитъ своей задачей выразить чувства, а пластика—отражать содержаніе музыкальной пьесы, то оправданіемъ для такого соотношенія художественныхъ факторовъ служить не положительная эстетическая и психологическая необходимость, а условіе чисто отрицательное и съ эстетической точки зрѣнія случайное, именно—наша бѣдность геніями.

¹⁾ Ежегодникъ „Ритмъ“, т. I, стр. 41. (Курсивъ мой.)

²⁾ Ibid., стр. 41.

Вся система Далькроза, съ ея завершеніемъ въ видѣ оркестрики, представляется въ результатѣ такихъ признаній не высшимъ художественнымъ достиженіемъ, а какою-то „вынужденною до поры, до времени добродѣтелью“.

Я менѣ всего хотѣлъ бы казаться придирчивымъ и готовъ охотно признать, что для существа дѣла не такъ уже важно, какъ оно рисуется уму Далькроза. Пусть Далькрозъ и его единомышленники утѣшаютъ себя мыслью, что они открыли „объективную базу“ для воссоединенія искусствъ. Мы же имѣемъ полное основаніе разсматривать ихъ дѣло, поскольку оно выходитъ изъ границъ чисто педагогическаго, лишь какъ *одну изъ возможныхъ, не болѣе объективныхъ, чѣмъ многія другія, попытокъ переложенія искусства звуковъ на языкъ пластики.*

Для того чтобы защитить такую попытку отъ упрековъ въ произволѣ и придать ритмической гимнастикѣ характеръ хотя бы *формальной* основы воссоединенія искусствъ, ея adeptамъ приходится или подчеркивать рѣшающее значеніе *ритма* въ музыкальномъ и пластическомъ искусствѣ, или придавать принципиальное художественное значеніе *гимнастическому началу.*

Изъ двухъ „птенцовъ гнѣзда Далькрозова“ одинъ—кн. Волконскій—избралъ преимущественно первый путь, утверждая своего рода примать или самодержавіе ритма въ музыкальномъ искусствѣ; другой—Жанъ д'Удинъ—пошелъ по второму пути, доказывая фундаментальное значеніе „гимнастическаго“ начала или, точнѣе, жеста въ искусствѣ. Дальнѣйшія строки ставятъ своей задачей разсмотрѣніе этихъ двухъ путей.

Характеръ музыкальнаго произведенія, по мнѣнію кн. Волконскаго, заключается въ „ритмическомъ рисункѣ мелодіи“. „Я разсматриваю,—говоритъ онъ,—элементы музыкальнаго произведенія исключительно съ точки зрѣнія музыкальнаго движенія. Вотъ почему я ограничиваюсь тактомъ и ритмомъ, не упоминая ни о мелодіи, ни о гармоніи. Мелодія потому не можетъ быть принята въ соображеніе, что та же мелодія можетъ дать безконечное разнообразіе ритмическихъ рисунковъ, гармонія же съ точки зрѣнія музыкальнаго движенія является не только безразличнымъ... но и прямо лишнимъ элементомъ“¹⁾. Въ данномъ разсужденіи *ритму, очевидно, придается значеніе безотносительной величины.* Нельзя, конечно, оспаривать того, что одна и та же послѣдовательность тоновъ въ состояніи дать „безконечное разнообразіе ритмическихъ рисунковъ“. Но вѣдь это разсужденіе имѣетъ силу и въ при-

¹⁾ Кн. Волконскій: „Художественные отклики“, изд. „Аполлона“, Спб., 1912 г., стр. 178.

мѣненіи къ ритму: въ одинъ и тотъ же ритмическій контуръ можно уложить безконечное разнообразіе мелодическихъ оборотовъ.

Всѣ элементы музыкальной фактуры, не исключая и ритма, подчиняются *закону отношенія*. Эта мысль нашла себѣ выраженіе еще въ извѣстномъ фехнеровскомъ принципѣ „взаимной эстетической поддержки или градаціи элементовъ“.

Удачное сочетаніе художественныхъ элементовъ можетъ дать эффектъ совершенно новый и неожиданный, по сравненію съ эффектами, порождаемыми тѣми же элементами порознь. Музыкальное движеніе можетъ характеризоваться эпитетами: стремительное или вялое, мощное или нѣжное, стихійное или принужденное, медленное или быстрое, тончащееся на мѣстѣ или непрерывно поступательное, движеніе вверхъ или внизъ и т. д. *Всѣ эти формы движенія являются въ такой же мѣрѣ производными ритма, какъ и производными другихъ элементовъ музыкальнаго произведенія*. Поэтому, когда кн. Волконскій объявляетъ гармонію элементомъ „прямо лишнимъ“ съ точки зрѣнія музыкальнаго движенія, то это приходится признать существенной ошибкой, такъ какъ совершенно очевидно, что *характеръ и качество движущихся звуковыхъ массъ не могутъ быть безразличными для общаго впечатлѣнія движенія*. Впечатлѣніе, рождаемое музыкой, и, въ частности, впечатлѣніе движенія есть, вообще говоря, функція далеко не одного лишь ритма, а цѣлаго ряда величинъ. Принявъ гармонію за величину постоянную, а прочіе музыкальные элементы, какъ-то ритмъ, мелодическіе обороты, темпъ, звуковую динамику и т. д., за переменныя, мы получимъ такое же множество *модусовъ* художественнаго впечатлѣнія, какъ если бы мы приняли за постоянную величину, вмѣсто гармоніи, ритмъ, а за переменныя—всѣ прочія. Не на такихъ ли произвольныхъ художественныхъ допущеніяхъ и „математическихъ“ переоцѣнкахъ основана въ значительной мѣрѣ музыкальная *форма вариаций*? Какое огромное разнообразіе впечатлѣній движенія даютъ неизмѣнные, въ существенныхъ своихъ линіяхъ, танцевальные ритмы, на примѣръ, какъ у Шопена (мазурки, полонезы и т. д.).

Музыкальные элементы, будучи различными по познавательному своему содержанию, являются вмѣстѣ съ тѣмъ не только возбудителями образнаго мышленія, но и крайне *разнообразными эмоциональными цѣнностями*. Если психологическое содержаніе музыки опредѣляется всѣми ея составными элементами: и ритмомъ, и мелодіей, и гармоніей, и т. д., то, спрашивается, *откуда же взятыя увѣренности, что приматъ ритма въ переложеніяхъ музыки на пластику приведетъ насъ, какъ то мѣрежится кн. Волконскому, именно къ картинѣ нужнаго по пьесѣ чувства*? Ко всему этому должно еще прибавить, что и самые ритмы музыки не всегда осуществимы въ пластику. Основной принципъ Далькро-

за— „каждой нотѣ соотвѣтствуетъ новое тѣлодвиженіе“, даже и по мнѣнію кн. Волконскаго—лишь теоретическое требованіе“. Всякому ясно, что быстрое чередованіе многихъ нотъ въ быстромъ темпѣ нельзя отмѣтить соотвѣтствующимъ чередованіемъ тѣлодвиженій. „Поневоля приходится произвести сляніе многихъ частыхъ, мелкихъ движеній въ нѣсколько рѣдкихъ крупныхъ“¹⁾.

Это „поневоля приходится“ кн. Волконскій склоненъ, повидимому, считать за обстоятельство третестепенной важности. Между тѣмъ, *вынужденное несовпаденіе ритмовъ пластическихъ и музыкальныхъ*, невозможность для пластики угнаться за ритмами и темпами музыки *и связанная съ этимъ неизбежность пластическаго упрощенія или уплотненія ритмическаго рисунка музыкальной пьесы обнаруживаютъ* лишь вновь и вновь *относительное значеніе ритма*, какъ художественнаго фактора, и *зависимость нашихъ впечатлѣній отъ движущагося „quale“, отъ стихій, охваченной ритмическимъ движеніемъ*. Живая плоть и міръ звуковъ, тѣлесная и звуковая стихія—явленія слишкомъ разныхъ порядковъ. И это различіе рождаетъ и разницу въ характерѣ и смыслѣ ихъ движеній, независимо отъ абстрактнаго тождества ихъ ритмическихъ структуръ. Міръ звуковъ и міръ тѣлесныхъ движеній, разсматриваемые даже совершенно независимо отъ ихъ цѣнности, какъ средствъ выраженія, не могутъ быть все же приравнены другъ къ другу не только въ отношеніи подвижности вообще, но и въ отношеніи являемаго ими богатства *оттѣнковъ движенія* въ частности. Тѣло, какъ масса,—начало, безъ сомнѣнія, болѣе инертное, чѣмъ звукъ. Если же стать на точку зрѣнія сравнительной экспрессивной цѣнности звуковъ и жестовъ, то должно съ еще большей увѣренностью *признать преимущество музыкальной символики и въ количественномъ и качественномъ отношеніи передъ пластикой*. Музыка, создавая свой особый міръ настроеній и образовъ, являющихся лишь отдаленными аналогами реальныхъ, „жизненныхъ“ чувствъ, въ силахъ раскрыть *сущность человеческой души въ какой-то необычайно углубленной, утонченной и напряженной формѣ*. Этому способствуетъ, быть можетъ, исключительное положеніе ея въ семьѣ искусствъ и въ жизни. Какъ средство выраженія, она гораздо менѣе захватана или использована жизнью, чѣмъ прочія экспрессивныя средства, и, въ частности, жестъ и движеніе. Не нужно быть послѣдователемъ Шопенгауэра, чтобы признать между музыкой и нуменальной основой человѣческой личности исключительно тѣсныя отношенія. Музыка не является ли, по сравненію съ пластикой, какъ бы нуменомъ, такъ же какъ пластика по сравненію съ музыкой— феноменомъ?

¹⁾ Ibid, стр. 180.

Мы, безспорно, имѣемъ возможность осуществлять сочетанія музыкальнаго и пластическаго движеній въ видѣ двухъ, до извѣстныхъ предѣловъ, совпадающихъ во времени рядовъ; но такое совпаденіе неизбежно будетъ носить характеръ престабилистическаго или окказионалистическаго отношенія, т.-е. одни движенія будутъ являться не столько причиной, сколько въ лучшемъ случаѣ *поводомъ* для другихъ. Одновременныя и эквиритмическія движенія звуковъ и живыхъ тѣлъ въ графическомъ изображеніи дали бы не совпадающія, а параллельныя кривыя. Параллелизмъ же есть отношеніе связанности и разъединенности одновременно, и, такимъ образомъ, *эквиритмія тѣлесныхъ и музыкальныхъ движеній, не будучи имманентно оправданною, не въ состояніи породить ощущенія взаимной органической связи между пластикой и музыкой и утѣдять въ существованіи между ними отношеній выражающаго и выражаемаго*. Эквиритмичность, какъ таковая, столь же внѣшне связуетъ, сколь внутренне разъединяетъ стихіи плоти и звука.

Объединеніе музыки и пластики въ одно синтетическое цѣлое можетъ быть поэтому осуществлено отнюдь не на основаніи абстрактнаго тождества ихъ ритмовъ, а на почвѣ *ихъ отношеній къ основному корню художественнаго творчества—душевнымъ переживаніямъ*. И музыка и пластика должны являться какъ бы двумя „аттрибутами“, обнаруживающими одну общую „сущность“—жизнь человѣческой души. *Только при общей исходной точкѣ своихъ способовъ выраженія—музыки и пластики—параллелизмъ ихъ ритмической структуры можетъ потерять характеръ холодной, разсчитанной, разъ навсегда предустановленной гармоніи*. И можно а ригорі предугадать, что такой имманентно оправданный ритмическій параллелизмъ или симметрія не будетъ „математически“ совершеннымъ.

Взгляды Ж. д'Удина представляютъ изъ себя, по сравненію со взглядами кн. Волконскаго, нѣкоторое формальное преимущество; въ нихъ дѣлается попытка доказать, что танецъ можетъ выразить всѣ элементы музыки. Основываются эти взгляды на нѣкоторой схемѣ, имѣющей, по мнѣнію д'Удина, силу для всѣхъ искусствъ. „Художественное произведеніе есть знакъ, выражающій волненіе (émotion) художника, знакъ, способный сообщить волненіе другимъ лицамъ“. Художникъ и любитель суть перевоплотители. Всякое переложеніе душевнаго волненія на языкъ ощущеній и языка ощущеній на языкъ эмоцій нуждается въ посредникѣ, одинаково близко стоящемъ и къ ощущеніямъ, и къ душевнымъ волненіямъ. Таковымъ посредникомъ должно признать, по мнѣнію Ж. д'Удина, движеніе, позу, жестъ. Два ощущенія, такъ же какъ ощущеніе и душевное волненіе, синѣстетичны, когда они внушаютъ тому, кто ощущаетъ эту синѣстезію, одинаковую позу—движеніе.

Можно, разумѣется, съ чисто логической стороны возразить многое противъ этой схемы, разлагающей акты художественнаго творчества и воспріятія на три *произвольно обратимыхъ стадіи*: волненія—эмоціи, позы—движенія и знака—ощущенія. Но психологическій смыслъ схемы въ цѣломъ, равно какъ и смыслъ входящихъ въ ея составъ понятій жеста и волненія настолько неопредѣленны, что, въ сущности, схема при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается почти вовсе лишенной содержания. Впрочемъ, для меня, въ данномъ случаѣ, интересъ сосредоточивается не на общей схемѣ, а на приложеніи ея къ проблемамъ музыкальной эстетики. Переложеніе музыки на пластику является, съ точки зрѣнія Ж. д'Удина, какъ бы возвращеніемъ къ промежуточному звену, связующему въ актахъ творчества и воспріятія эмотивныя переживанія съ музыкально-акустическими впечатлѣніями. Къ сожалѣнію, вмѣсто прямыхъ доказательствъ роли жеста-движеній въ музыкѣ, доказательства, которыя должны были бы заключаться въ психологическомъ анализѣ музыкальнаго творчества и воспріятія, Ж. д'Удинъ то строитъ общія схемы-гипотезы, то сбивается съ психологической плоскости въ сторону вопроса объ историческомъ генезисѣ музыки, то приводитъ въ качествѣ доказательства „дансаантности“ музыки примѣры изъ дѣтской жизни или даже изъ душевнаго быта дикарей. Психологія же музыкальнаго творчества затрогивается имъ совсѣмъ бѣгло. Мы не можемъ въ самомъ дѣлѣ считать сколько-нибудь вѣскимъ доказательствомъ участія жеста въ процессѣ музыкальнаго сочиненія цитируемое д'Удиномъ свидѣтельство Мегюля. Согласно разсказу послѣдняго, онъ, при первомъ своемъ посѣщеніи Глюка, засталъ этого композитора за страннымъ упражненіемъ: „стулья, разставленные вокругъ комнаты, изображали въ глазахъ автора „Ифигеніи“ — дѣйствующихъ лицъ и хористовъ. Онъ подвергалъ ихъ разнымъ эволюціямъ, перемѣщалъ ихъ и исполнялъ между ними танцы и прогулки, которые *позволяли ему потомъ находить на клавинодахъ соответствующія музыкальныя формы*“ (курсивъ мой). Было бы очень наивнымъ искать въ мелодическомъ творествѣ Глюка прямыхъ отголосковъ его пластическихъ упражненій со стульями. Въ сложномъ процессѣ музыкальнаго творчества, подчиняющагося совершенно специфическимъ законамъ, мысли композитора должны настолько *перерождаться*, что ихъ первоначальное пластическое происхожденіе, если даже допускать таковое, не можетъ не потерять значенія гарантіи ихъ „переводимости“ на языкъ пластики.

Ж. д'Удинъ гораздо подробнѣе останавливается на разсмотрѣніи пластическихъ реакцій, сопутствующихъ музыкальному воспріятію. Синэстезія звукъ-движеніе, по его мнѣнію, самая простая и полная изъ всѣхъ. „Музыка естественнымъ образомъ вызываетъ пляску... и звуковые ритмы, не только ритмы макроскопическіе, но и ритмы вибраторные,

гораздо болѣе быстрые, родоначальники мелодии и тембра,—всѣ переводимы на танцы, тѣлодвиженія“. ¹⁾

Если мы уклоняемся отъ нашихъ собственныхъ вождельнй и не танцуемъ, когда слышимъ музыку, то причина тому—въ „печальномъ излишествѣ мозговой культуры“ ²⁾.

Для меня гораздо существеннѣе то обстоятельство, что *теорія Ж., д'Удина, по его же собственнымъ признаніямъ, оказывается несостоятельной передъ лицомъ дѣйствительнаго, а не воображаемаго искусства.* „Начиная съ Бетховена,—говоритъ онъ,—чистая музыка...переходитъ изъ области матеріальной ритмики въ область болѣе „внутреннюю“ и уже рѣже вызываетъ макроскопическія движенія. И дальше: „по мѣрѣ того, какъ музыка переходитъ изъ области явнаго движенія въ область внутренняго, перестаетъ выражать сегментарныя тѣлодвиженія, чтобы стать выразительницей нашихъ микроскопическихъ движеній внутреннихъ, такъ называемыхъ „душевныхъ состояній...“, наступаетъ моментъ, когда *движенія рукъ и ногъ становятся уже слишкомъ грубымъ средствомъ, чтобы отвѣчать тонкости музыкальнаго рисунка.* Но вѣдь въ движеніяхъ нашихъ есть и другія, кромѣ движеній этихъ четырехъ

¹⁾ Ibid, стр. 64.

²⁾ Ibid, стр. 67. Я совершенно не въ состояніи, не выходя изъ предѣловъ журнальной статьи, познакомить читателя со всѣми мало убѣдительными по своей искусственности и голословности доказательствами, которыми пользуется Ж. д'Удинъ при отстаиваніи мысли о переводимости всѣхъ музыкальныхъ элементовъ на языкъ пластики. Порою Ж. д'Удинъ готовъ стать на точку зрѣнія чистаго субъективизма. Позы человѣческаго тѣла могутъ, по его мнѣнію, дѣйствительно, „хотя и не объективно“, имитировать всѣ особенности данной музыки. Имитация, по принимаемому имъ опредѣленію, заключается „въ согласіи воспринимаемаго образа внѣшняго явленія съ тѣмъ образомъ исполняемаго нами жеста, который пробуждается въ насъ пластическимъ самосознаніемъ“. „Если я слышу музыку и дѣлаю жестъ, чтобы выразить то, что я при этомъ ощущаю, то я имѣю право сказать, что для меня *субъективно* этотъ жестъ есть пластическое представленіе слышимой гармоніи“ (стр. 76). Такому „субъективизму“ открыты всѣ пути произвола. Но бѣда его — въ томъ, что онъ дѣлаетъ излишними попытки доказательствъ, которыми далѣе изобилуетъ книга Ж. д'Удина.

Основываясь, далѣе, на двухъ-трехъ примѣрахъ, Ж. д'Удинъ желаетъ *установить и въ принципѣ*, что „каждому слуховому ощущенію какого бы то ни было порядка соответствуетъ движеніе, которое для того, кто его исполняетъ, и для всѣхъ, кто чувствуетъ, что сами они, слыша эту же музыку, исполнили бы приблизительно тотъ же жестъ, есть переводъ, пересказъ этой звуковой формулы“ (стр. 77). Но вѣдь понятія „перевода“ и „соответствія“, *съ субъективной точки зрѣнія*, являются синонимами, и потому и весь принципъ сводится къ простой тавтологіи: для всѣхъ, кто переводитъ музыку на движенія, эти движенія являются переводомъ музыки на движенія. А дальше мы узнаемъ, что не нужно вовсе, чтобы жестъ былъ непременно исполняемъ: художественная эмоція и безъ этого рождается. Жестъ можетъ оставаться и въ состояніи мыслимости“ (стр. 77). Спрашивается, что же мы выигрываемъ, въ такомъ случаѣ, отъ перевода музыки на жесты не только воображаемые, но и дѣйствительные?

конечностей; выраженіе лица, напริมѣръ, подѣ управленіемъ болѣе тонкаго ритма можетъ вполне соответствовать болѣе нѣжнымъ очертаніямъ мечтательной музыки. Наше дыханіе, сердцебіеніе, трепетаніе нашей кожи—и тѣ мѣняются подѣ вліаніемъ созвучностей, лишенныхъ, казалось бы, всякой силы осязательнаго воздѣйствія... Конечно, было бы ошибкой танцовать макроскопически, руками и ногами, музыку мелкаго ритмическаго дѣленія, но не меньшей ошибкой было бы думать, что мы наслаждаемся этой музыкой, какъ чистые духи, одаренные всего лишь однимъ матеріальнымъ органомъ, органомъ слуха“ ¹⁾).

Если оставить въ сторонѣ весьма нефилософичное смѣшеніе „такъ называемыхъ душевныхъ движеній“ съ движеніями тѣлесными, то въ словахъ Ж. д'Удина нельзя не видѣть знаменательнаго для этого писателя признанія: *не всякая музыка можетъ быть пластически выражена движеніями рукъ и ногъ, т.-е. танцами*. Правда, Ж. д'Удинъ пробуетъ съ мимикой лица прийти на помощь неспѣвающимъ за музыкой рукамъ и ногамъ. Но это существенной поправки въ дѣло не вноситъ. Ибо всѣ прочія многочисленныя, имѣя самими отмѣченныя физиологическія явленія (какъ-то: измѣненія дыханія, сердцебіенія, трепетанія кожи и т. п.) остаются лишенными всякой цѣны съ пластической точки зрѣнія. Въ конечномъ итогѣ отъ прежнихъ широкихъ обобщеній остается въ силѣ лишь слѣдующая скромная мысль: *мы не наслаждаемся музыкой, какъ чистые духи*. Да кто же станетъ противъ этого спорить?

Однако въ устахъ Ж. д'Удина это скромное утвержденіе приобретаетъ характеръ признанія *настоящаго банкротства его собственной теории*. Начавъ съ утвержденія, что танцевальныя движенія, позы человѣческаго тѣла могутъ имитировать *всѣ особенности данной музыки*, Ж. д'Удинъ, въ концѣ-концовъ, долженъ былъ признать, что есть образцы музыкальныхъ произведеній (не болѣе и не менѣе, какъ музыка со времени Бетховена!), танцовать которыя „макроскопически, руками и ногами, было бы „ошибкою“...

Итакъ, обѣ попытки эстетической апологіи ритмической гимнастики—провозглашеніе примата ритма въ музыкальномъ искусствѣ и примата „гимнастическаго начала“, т.-е. жеста въ искусствѣ вообще—приходится признать или просто ошибочными, или, въ лучшемъ случаѣ, бездоказательными и невыдерживающими практической пробы. Ритмическая гимнастика, задуманная первоначально лишь какъ педагогическій приемъ, превратилась съ легкой руки самого ея „изобрѣтателя“ и его адептовъ не только въ универсальное средство эстетическаго и общаго

¹⁾ Ibid, стр. 106—107.

воспитанія, но и въ „объективную базу“ для вновь нарождающагося искусства „орхестики“. Мы видѣли однако, что даже при самомъ распространительномъ толкованіи значенія ритма и „жеста“ въ искусствѣ, ритмическую гимнастику все же невозможно признать объективной и исчерпывающей базой для воссоединенія искусства музыки и пластики. *Ритмическая гимнастика въ формахъ, выработанныхъ и примѣняемыхъ ея творцомъ, есть недифференцированная смѣсь лишенныхъ всякаго прямого эстетическаго значенія, но въ педагогическомъ отношеніи объективно цѣнныхъ, школьныхъ предписаній, съ одной стороны, и не вылившихся въ систему, полусознательно примѣняемыхъ „субъективныхъ“ эстетическихъ нормъ, съ другой стороны. Нельзя не пожелать скорѣйшаго разслоенія столь различныхъ по своей цѣнности пластовъ.*

Ритмическая гимнастика, какъ чисто педагогическій приемъ, не можетъ создать, разумѣется, новой формы искусства. Произведенія искусства не возникаютъ путемъ „самопроизвольнаго“ зарожденія на почвѣ, чуждой искусству. Тѣмъ не менѣе ритмическая гимнастика и какъ педагогическій приемъ можетъ *косвенно* сыграть извѣстную роль въ судьбахъ искусства,—именно роль общей для пластика и музыканта *элементарной школы*. Развивая одновременно и пластическое, и ритмическое сознаніе, приучая къ болѣе свободному и дифференцированному владѣнію членами и корпусомъ сообразно съ указаниями педагога-специалиста, возвѣщаемыми черезъ музыку, ритмическая гимнастика, думается, можетъ явиться элементарной школьной основой будущаго мело-пластическаго творчества. Задача ритмической гимнастики должна заключаться не въ томъ, чтобы внѣдрить въ организмъ путемъ длительной тренировки готовый канонъ музыкально-гимнастическихъ правилъ. Задача ея будетъ состоять зкорѣе *въ формальномъ развитіи пластическаго сознанія, параллельно съ развитіемъ музыкальности вообще и ритмическаго чувства въ частности*. Музыкантъ и балетмейстеръ, прошедшіе на-ряду съ другими классами и классъ ритмической гимнастики, будутъ имѣть преимущество болѣе правильной *ремесленной подготовки* къ творчеству.

Музыкальное и пластическое творчество, несомнѣнно, нуждаются во взаимной поддержкѣ и полюбовномъ соглашеніи вездѣ, гдѣ по основному художественному замыслу должно осуществляться мирное ихъ сожительство. Если ритмическая гимнастика будетъ этому способствовать, то это уже явится большой услугой для искусства. Вопросъ о совмѣстномъ *modus'ѣ vivendi* музыки и пластики можетъ быть прочно рѣшенъ лишь при участіи обѣихъ сторонъ. Несчаствіе специально балетной музыки заключалось до сихъ поръ по большей части въ томъ, что сочинители музыки или вовсе не считались съ пластическими задачами или если и считались, то лишь *въ формахъ и образахъ, подсказываемыхъ*

техники классическаго балета, т. - е. танца, полнаго виртуозныхъ измешствъ и условностей. Съ другой стороны, въ современныхъ опытахъ соединенія чистой симфонической музыки съ мимикой и пляскою новаторы балетнаго искусства не разъ обнаруживали слишкомъ мало уваженія къ чисто музыкальной цѣнности произведеній. *Пластическая изобрѣтательность не желаетъ считаться съ музыкальнымъ смысломъ, архитектуроникой и съ самодовольствующей музыкальною полнотою содержанія произведеній искусства.*

Музыку не спрашиваютъ о томъ, заключаетъ ли она въ своемъ цѣломъ поводъ для пластическаго истолкованія, изобилуетъ ли она элементами, свидѣтельствующими о пластическомъ характерѣ воображенія и замысловъ ея создателя. Для балетмейстера достаточно, если въ пьесѣ есть хоть нѣсколько отдѣльныхъ моментовъ пластически-танцевальнаго характера, чтобы безъ колебаній рѣшиться подсунуть подъ *композицію, взятую въ ея цѣломъ*, какой-либо занимательный въ хореографическомъ отношеніи сюжетъ. Такое обращеніе съ музыкальными произведеніями не заслуживаетъ иного названія, какъ „культурнаго варварства“. Очевидно, что прочный, *органический союзъ музыки и пластики возможенъ только на почвѣ взаимнаго приспособленія двухъ искусствъ.* Можетъ стать, такое приспособленіе потребуетъ отъ обоихъ искусствъ нѣкоторыхъ жертвъ и взаимныхъ уступокъ. Можетъ быть, будущій балетъ или оркестрическое зрѣлище явятъ собою рядъ формъ съ перевѣсомъ то въ сторону пластики, то въ сторону музыки. Но ясно, что формы подобнаго синтеза могутъ возникнуть лишь мало-по-малу, а именно *цѣною перехода самого творчества* въ области балета, музыкальной пантомимы и танца на новые пути. Нужно, чтобы музыкантъ пошелъ въ ученіе къ пластику, а пластикъ—къ музыканту. Думается, что эта задача и можетъ быть осуществлена въ значительной мѣрѣ *съ помощью классовъ ритмической гимнастики.*

А. Римскій-Корсаковъ,

Младотурецкая держава. ¹⁾

I.

Наслѣдство Абдула-Хамида.

10 и 11 июля 1908 г. молодые турецкіе офицеры македонской арміи почти безъ кровопролитія положили конецъ одному изъ самыхъ мрачныхъ периодовъ турецкой исторіи. Въ Реснѣ, Охридѣ, Монастырѣ, Салоникахъ, Ускюбѣ гремѣли пушечные выстрѣлы въ честь восстановленной конституціи. Сербскіе, болгарскіе и греческіе четники торжественно вступали въ македонскіе города и братались съ турками, а въ Константинополь Абдуль-Хамидъ—Красный Султанъ—дрожащими руками прикладывалъ свою печать (тугру) къ предъявленному ему указу о созывѣ парламента, въ которомъ признавалась необходимость уступить народному движенію во избѣжаніе кровопролитія и иностраннаго вмѣшательства.

Какое же наслѣдство оставилъ Абдуль-Хамидъ поднявшейся молодой Турціи?

Внутри страна представляла изъ себя приходящую въ полное разореніе вотчину одного изъ величайшихъ деспотовъ, которыхъ когда-либо зналъ Востокъ. Съ 1876 г., т.-е. съ тѣхъ поръ какъ Абдуль-Хамидъ отослалъ домой депутатовъ перваго турецкаго парламента, всякая общественная и частная инициатива подавлялась съ величайшей жестокостью. Вслѣдъ за авторомъ злополучной конституціи Мидхатомъ-пашой тысячи турокъ, въ особенности молодыхъ офицеровъ, поплатились жизнью за приписываемыя имъ либеральныя убѣжденія. Другія тысячи гнили въ тюрьмахъ или томились въ ссылкѣ, притомъ въ большинствѣ случаевъ по ложнымъ доносамъ. Шпіонство (хафіелькъ) сдѣлалось государственнымъ институтомъ, на поддержаніе котораго султанъ не жалѣлъ никакихъ тратъ,—институтомъ, который Абдуль-Хамидъ долженъ былъ по

¹⁾ Авторъ статьи—бывшій первый драгоманъ нашего Посольства въ Константинополь.

возстановленіи конституціи отмѣнить особымъ указомъ (отъ 17 юля 1908 г.). Опаснѣйшій нравственный ядъ капля за каплей проникалъ въ народный мозгъ и медленно, но вѣрно отравлялъ его. Можно смѣло сказать, что слово „*журналъ*“ (доносъ) стало символомъ абдуль-хамидовской эры.

Всѣ благодѣтельныя реформы Абдула-Азиза были сведены на-нѣтъ. Городское и провинціальное самоуправленія существовали только по имени. Не велось правильного государственнаго хозяйства: бюджетъ не публиковался вовсе. Абдуль-Хамидъ, не стѣсняясь, безпрестанно требовалъ отъ валіевъ (генераль-губернаторовъ) крупныхъ взносовъ въ султанскую казну, а валіи въ свою очередь облагали незаконными поборами населеніе. Ежегодный дефицитъ этого чисто-хищническаго хозяйства достигалъ 2 милліоновъ лиръ; онъ пополнялся займами и сокращеніемъ самыхъ необходимыхъ расходовъ. Солдаты голодали. Чиновники и офицеры получали содержаніе крайне неисправно, иногда только за нѣсколько мѣсяцевъ въ году; поэтому они уступали обыкновенно право на полученіе жалованья ростовщикамъ за 50, иногда за 30, даже за 15%. Въ связи съ этимъ взяточничество развилось до чудовищныхъ размѣровъ, особенно въ судѣ. Этотъ продажный судъ находился, кромѣ того, въ тѣсной зависимости отъ дворца и администраціи, въ особенности, конечно, въ политическихъ дѣлахъ. Турецкая пресса изнемогала подъ ярмомъ самой беспощадной предварительной цензуры и совершенно не могла касаться ни внутренней, ни внѣшней политики правительства; ей предоставлялось только въ самыхъ униженныхъ выраженіяхъ пресмыкаться передъ Султаномъ и рассказывать о посѣщеніи имъ селамлика. Дѣло народнаго просвѣщенія было сосредоточено въ самыхъ невѣжественныхъ рукахъ, и изъ преподаванія въ высшихъ и низшихъ школахъ беспощадно изгонялось всякое проявленіе истинно-научнаго духа; даже нѣкоторыя священныя мусульманскія книги конфисковались по приказанію Султана за содержащіяся въ нихъ „вольныя“ мысли объ обязанностяхъ халифа по отношенію къ народу.

Что касается, въ частности, *христіанскихъ подданныхъ* Султана, то церковныя, школьныя, юридическія (въ области брака и завѣщаній) привилегіи, издревле принадлежащія патріархатамъ, формально у нихъ не были отняты, хотя часто нарушались. Правительство Абдула-Хамида не отрицало даже права патріарховъ дѣлать ему представленія. Но хотя протесты патріархатовъ противъ нарушенія привилегій, особенно когда они сопровождались закрытіемъ церквей, иногда и имѣли нѣкоторые результаты,—они никогда не достигали цѣли, когда Султанъ считалъ почему-либо нужнымъ посягнуть не на привилегіи, а на самую жизнь своихъ христіанскихъ подданныхъ. Сотни тысячъ несчастныхъ армянъ, зарѣзанныхъ въ концѣ 90-хъ годовъ по личному приказанію Аб-

дула-Хаида, десятки тысяч македонцев, погибших от рук мучителей, действовавших по его же указу и наущению, свидетельствуют перед историей об истинном отношении Абдула-Хаида к своим христианским подданным.

Одни иностранцы находились вне пределов досягаемости султанской власти. Вполне понятно, что чем тяжелее и ужаснее становился турецкий режим, тем ревнивей иностранные державы оберегали права своих подданных, обеспеченных старинными *капитуляциями*, и даже по возможности стремились к их расширению. Как известно, в силу капитуляционного права каждый иностранец в Турции *внѣземельнъ*; в его дом не может войти без согласия его консульства турецкая полиция; без этого же согласия он не может быть арестованъ. Все дѣла между иностранцами подсудны не турецкимъ, а консульскимъ судамъ. Смѣшанные дѣла между турками и иностранцами разбираются в турецкихъ судахъ, но рѣшенія по нимъ недействительны, если не утверждены присутствующимъ на нихъ консульскимъ представителемъ. Предварительное заключеніе и наказаніе иностранецъ долженъ отбывать не в турецкихъ, а в консульскихъ тюрьмахъ.

Эти такъ называемыя *юридическія капитуляціи* далеко не исчерпываютъ собою привилегій иностранныхъ подданныхъ в Оттоманской Имперіи. По договорамъ, иностранцамъ обеспечена полная *свобода торговли* в предѣлахъ Турции, и вывозныя пошлины опредѣлены в 8% *ad valorem*; только в 1907 г. Порты добила отъ державъ повышенія пошлинъ до 11%, и то лишь подъ условіемъ употребленія излишка поступленій на македонскія реформы. Никакіе *налоги* не могутъ взиматься съ иностранцевъ безъ согласія ихъ правительствъ; такъ, напримѣръ, они уплачиваютъ поземельный налогъ только вслѣдствіе принятія державами турецкаго закона 1867 г. о недвижимостяхъ. Экономическая зависимость Порты отъ державъ усиливается еще тѣмъ, что правительство не имѣетъ права учрежденія *монополій*. Наконецъ, какъ известно, обанкротившаяся послѣ послѣдней войны съ нами Турція должна была допустить декретомъ 28 мухарема 1299 (20 декабря 1881 г.) учрежденіе в Константинополѣ особой комиссіи для погашенія *оттоманскаго публичнаго долга* (*Dette Publique Ottomane*), состоящей изъ представителей иностранныхъ кредиторовъ Порты. Этому учрежденію были отданы доходы съ шести государственныхъ налоговъ (на табакъ, соль, рыбныя промыслы, шелководство, спиртъ, а также гербовый сборъ), причемъ администрація *Dette Publique* собираетъ эти доходы черезъ посредство своихъ собственныхъ органовъ.

Низкій уровень турецкой государственности вполне естественно привелъ къ европейскому вмѣшательству и в другія области оттоманскаго управленія. Такимъ образомъ, на турецкой территоріи в концѣ XVIII в.

возникли иностранныя *почтовые* учреждения, молчаливо признанныя Портой. Въ 1840 г. въ Константинополь образованъ *международный санитарный советъ* изъ иностранныхъ и турецкихъ членовъ, имѣющій цѣлью защиту Турціи, а черезъ нее и Европы, отъ эпидемическихъ болѣзней; советъ облагаетъ торговое мореплаваніе особымъ сборомъ въ свою пользу и имѣетъ въ своемъ распоряженіи многочисленный санитарный персоналъ во всей Имперіи. Имѣется также *международная коммисія маяковъ* и *международная коммисія спасанія на водахъ*.

Указанныя мною *ограниченія турецкаго суверенитета* распространились на всю Имперію. Помимо того, особенно возмутительное хозяйничаніе Абдула-Хамида и его клеветовъ въ той или другой области приводило къ европейскому вмѣшательству въ управленіе данной частью Имперіи. Такъ, армянская рѣзня 1895 г. привела къ вмѣшательству Россіи, Франціи и Англіи и принятію султаномъ *декрета объ армянскихъ реформахъ 20 октября 1895 г.*, который остался, впрочемъ, мертвой буквой. Положеніе дѣлъ на *Критѣ* заставило державы выработать особый регламентъ, по которому управленіе передавалось христіанскому генералъ-губернатору, назначаемому Султаномъ съ согласія державъ. Султанъ принялъ регламентъ 27 августа 1896 г. Съ тѣхъ поръ четыре державы (Россія, Франція, Англія и Италія) взяли автономію Крита подъ свое покровительство; въ 1898 г. онѣ заставили Турцію вывести свои войска, а въ 1899 г. участвовали въ выработкѣ критской конституціи. Режимъ притѣсненія христіанъ въ *Македоніи* привелъ сначала къ возстанію 1903 года, затѣмъ къ учрежденію *руско-австрійскаго контроля* путемъ придачи гражданскихъ агентовъ турецкому генералъ-инспектору (въ 1903 г.), а впоследствии къ учрежденію въ Македоніи международной жандармеріи и международной финансовой коммисіи.

Такимъ образомъ, подводя итоги *хамидовскому режиму*, можно сказать, что онъ развилъ до крайней степени всѣ отрицательныя черты, вообще свойственныя турецкой государственности: *деспотизмъ* по отношенію ко всѣмъ подданнымъ; особенно жестокое притѣсненіе, а иногда и избиеніе христіанъ; поддержаніе въ народѣ *невежества* и *религознаго фанатизма*. Такой режимъ вполнѣ естественно привелъ къ усиленію европейской охраны правъ иностранцевъ во всей Турецкой имперіи и къ установленію международного контроля надъ управленіемъ нѣкоторыми областями.

Но помимо этого общеевропейскаго вмѣшательства, осуществляемаго во имя интересовъ права и цивилизаціи, Абдуль-Хамидъ допустилъ и другое вліяніе, уже вполнѣ эгоистичное, и отъ развитія коего суждено погибнуть его имперіи. Это—*вліяніе Германіи*.

При Абдуль-Хамидѣ были призваны нѣмецкіе военные инструкторы.

При немъ императоръ Вильгельмъ дважды посѣтилъ Турцію и объявилъ себя другомъ всѣхъ мусульманъ. При немъ германскому обществу была выдана концессія на багдадскую желѣзную дорогу. При немъ волна нѣмецкихъ колонистовъ нахлынула на Азію. Не кто иной, какъ *онъ*, открылъ нѣмцамъ первыя, *наружныя* ворота турецкаго дома. Младотурки открыли вторыя—внутреннія. Въ глазахъ мусульманскаго міра тотъ же великій позоръ падаетъ и на стараго Султана, и на молодую Турцію. Не менѣе младотурокъ Абдуль-Хамидъ виновенъ въ томъ, что нѣмцы не только проникли въ ветхій теремъ султаната, но и вынесли оттуда въ своихъ воровскихъ рукахъ зеленое знамя халифовъ.

II.

Младотурецкій режимъ.

I. Внутренняя политика младотурокъ.

Первый періодъ.

(10 іюля 1908 г.—13 апрѣля 1909 г.)

Младотурецкая революція разразилась не въ Константинополь, а въ провинціи—въ Македоніи. Это явленіе далеко не случайное, а логически вытекавшее изъ условій хамидовскаго режима. Съ одной стороны, султанъ безпрестанно ссылалъ всѣ сколько-нибудь подозрительные ему элементы въ провинцію, которая въ концѣ-концовъ кишѣла недовольными; съ другой стороны, Македонія изобиловала разительными примѣрами отстаиванія поруганныхъ правъ силою. Охотясь въ теченіе многихъ лѣтъ за четниками, сражаясь съ бандами, молодые турецкіе офицеры многому научились у своихъ славянскихъ и греческихъ противниковъ. Отъ самыхъ видныхъ младотурецкихъ дѣятелей мнѣ приходилось слышать, что первоначальный уставъ тайнаго общества „Единенія и прогресса“ и вся его организація заимствована не у кого иного, какъ у смертельнаго врага турецкаго владычества—македонской *внутренней организаціи*.

Младотурки-эмигранты, такъ называемые „Jeunes Turcs“, пребывавшіе обыкновенно во Франціи и наводнявшіе оттуда свое отечество революціонными брошюрами, конечно, тоже содѣйствовали успѣху освободительнаго движенія; въ особенности велики въ этомъ отношеніи заслуги *Ахмеда-Ризы*, ¹⁾ издателя парижскаго „Мешверета“, очень распространеннаго въ Турціи. Я долженъ, однако, указать, что Абдулу-Хамиду часто удавалось склонять путемъ подкупа многихъ изъ эмигрантовъ къ возвращенію въ Константинополь. Такъ, въ концѣ-концовъ

¹⁾ Впослѣдствіи предсѣдателя палаты депутатовъ.

не устоялъ противъ соблазна даже кумиръ турецкой либеральной молодежи, издатель „Мизана“ *Мурадъ-бей*. Такимъ образомъ, если турецкая эмиграция и сыграла роль въ освобожденіи Турціи отъ Абдула-Хамида, то, во всякомъ случаѣ, роль не руководящую.

Молодые офицеры оттоманской арміи, вышедшіе изъ константинопольскаго военнаго училища, представляли изъ себя, несомнѣнно, самый передовой элементъ Турціи. Училище это было единственнымъ учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ Султанъ въ силу необходимости допускалъ преподаваніе европейскихъ наукъ; офицеры обладали поэтому извѣстнымъ образованіемъ. Съ другой стороны, условия жизни въ училищѣ наполняли ихъ сердца глубочайшей ненавистью къ Султану, который мирился съ этими образованными юношами лишь какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, слѣдилъ черезъ своихъ шпионовъ за каждымъ ихъ шагомъ и изъ cadaго выпуска выдѣлялъ извѣстную часть неблагонадежныхъ, которая или ссылалась въ глубь Африки, или даже подвергалась казни. Такимъ образомъ, уцѣлѣвшее молодое турецкое офицерство вполне естественно считало себя предназначеннымъ для освобожденія родины отъ хамидовскаго режима.

У македонскаго офицерства къ этимъ чувствамъ присоединилось, начиная съ 1903 г., другое. Видя, какъ съ введеніемъ реформъ Македонія постепенно подпадала подъ иностранный контроль, какъ за гражданскими агентами появились иностранные жандармскіе офицеры и иностранная финансовая комиссія, турецкіе офицеры, какъ горячіе патриоты, не могли, конечно, не чувствовать себя глубоко оскорбленными. Имъ казалось, что Султанъ продаетъ родину иностранцамъ. А когда состоялось *ревельское свиданіе* и распространились слухи о довершеніи реформъ въ Македоніи путемъ назначенія христіанскаго генераль-губернатора съ обширными полномочіями, чаша терпѣнія турецкихъ офицеровъ и другихъ участниковъ тайной партіи „Единенія и прогресса“ была переполнена. „Герои свободы“ *Энверъ* и *Ниязи* подняли знамя возстанія, движеніе охватило въ теченіе нѣсколькихъ дней всю Македонію, и Абдуль-Хамидъ, всегда устремлявшій свое вниманіе на столицу и проглядѣвшій волненіе умовъ въ провинціи, счелъ осторожнѣе временно затаить свою злобу и уступить. Революція 1908 г. обошлась странѣ въ нѣсколько только жизней.

Существуетъ мнѣніе, по которому младотурецкая революція есть, главнымъ образомъ, дѣло рукъ *масоновъ*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что масонскія ложи въ Салоникахъ сильно помогли младотуркамъ, многіе изъ коихъ записались въ члены этихъ ложъ. Но этому участию масоновъ не слѣдуетъ приписывать преувеличеннаго значенія. Указанныхъ мною причинъ было вполне достаточно для созданія движенія, а масонская, главнымъ образомъ, денежная помощь могла только ускорить взрывъ.

Сдѣлавшись настоящими властителями Турціи, младотурки не рѣшились, однако, открыто вступить въ управленіе страню. На первыхъ порахъ они предпочли роль *тайныхъ контролеровъ государственной власти*. Султана Абдула-Хамида они оставили на престолѣ, но заточили наиболѣе ненавистныхъ имъ его приближенныхъ и ввели въ его дворъ преданныхъ имъ людей. Точно такъ же они провели на постъ великаго везира престарѣлаго *Кямиля-пашу*, бывшаго неоднократно везиремъ Абдула-Хамида, и ограничились предоставленіемъ только нѣсколькихъ портфелей своимъ сторонникамъ, вродѣ *Хакки-бея* и *Мантасси-Заде-Рефика-бея*. И въ провинціи всѣ яркіе представители хамидовскаго режима были смѣнены, но должности ихъ поручены не дѣятелямъ переворота, а лицамъ, перешедшимъ на ихъ сторону уже послѣ революціи.

Такой осторожный образъ дѣйствія младотурокъ объясняется, на мой взглядъ, малочисленностью ихъ кадровъ и сознаниемъ своей полной неподготовленности къ серьезной государственной дѣятельности. Всѣ эти молодые офицеры, учителя народныхъ школъ, начинающіе адвокаты, телеграфные и почтовые чиновники, всѣ эти *Энверы*, *Джавиды*, *Халилы* и *Талааты* одинаково были въ это время воодушевлены и патріотическими идеалами, и жаждою власти. Но свой переходъ изъ македонскихъ подполь въ здание Блистательной Порты они рѣшили совершить не сразу, а послѣдовательными этапами.

Во главѣ партіи „Единенія и прогресса“ (Иттихадъ-вэ-Тераккы) остался *тайный салоникскій центральный комитетъ*, дававшій директивы отдѣламъ или клубамъ партіи, которыми вскорѣ покрылась вся провинція. Но хотя имена членовъ центральнаго комитета не были опубликованы, они вскорѣ стали общеизвѣстными, благодаря ихъ публичнымъ выступленіямъ. Ни для кого не составляло также *тайны*, что представители комитета въ Константинополѣ каждый день „совѣщались“ съ членами правительства, т.-е. диктовали имъ свою волю. Члены провинціальныхъ клубовъ совершенно открыто вмѣшивались въ дѣла администраціи, требовали отъ валиевъ смѣщенія неугодныхъ имъ чиновниковъ и добивались черезъ центральный комитетъ увольненія непокорныхъ валиевъ. Преобладающую роль въ клубахъ играли офицеры.

Въ сентябрѣ 1908 года центральный комитетъ партіи „Единенія и прогресса“ опубликовалъ свою *политическую программу*, сводящуюся къ измѣненію въ болѣе либеральномъ духѣ конституціи 1876 г.; такъ, выставлялись требованія министерской отвѣтственности, предоставленія палатамъ законодательной инициативы, избранія $\frac{2}{3}$ сената народомъ, всеобщее право голосованія; провозглашалось полное равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ безъ различія расы или вѣроисповѣданія; признавалась свобода союзовъ, свобода преподаванія; всеобщая воинская по-

винность распространялась на *немусульманъ*. Программа содержала также положенія социального характера, указывая на необходимость усилить крестьянское землевладѣніе и упорядочить отношенія между работодателями и рабочими. Словомъ, младотурки заявляли, что они стремятся къ превращенію *деспотической турецкой мусульманской теократіи* въ *либеральное оттоманское правовое государство*, управляемое на началахъ парламентаризма.

Нѣтъ сомнѣній, что вожди младотурецкаго движенія въ первое время были искренно преданы своей программѣ и вѣрили въ возможность ея осуществленія. Повѣрила имъ и въ нихъ вся Европа, отказавшись отъ контроля надъ македонскими реформами, отозвавъ гражданскихъ агентовъ, жандармскихъ офицеровъ и финансовую комиссію. Но младотуркамъ пришлось встрѣтиться на своемъ пути съ огромными трудностями, оказавшимися не подъ силу этимъ среднимъ людямъ и вскорѣ бывшими ихъ изъ колеи.

Провозглашеніе независимости Болгаріи и аннексія Боснии и Герцеговины Австрію прежде всего омрачили зарю молодой Турціи и создали ей немало *внѣшнихъ* затрудненій. Но и *внутри* страны, и, главнымъ образомъ, въ столицѣ уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ восторговъ, сопровождавшихъ провозглашеніе конституціи, началось сильное броженіе.

Первыя дѣйствія младотурокъ не могли, конечно, не задѣть многихъ интересовъ, связанныхъ съ прежнимъ режимомъ. Уволенные чиновники, павшіе царедворцы, огромная армія прогнанныхъ шпионовъ— все это объединилось ненавистью къ младотуркамъ. Во главѣ недовольныхъ стали люди вродѣ *Мурада*, не принятые, въ виду ихъ темнаго прошлаго, въ члены партіи „Единенія и прогресса“. Походъ противъ младотурокъ былъ начатъ въ газетѣ Мурада *Мизанг*, принявшей обвинять младотурокъ въ измѣнѣ *шеріату* (мусульманскому священному праву); вскорѣ послѣ этого была устроена манифестанція софть передъ дворцомъ Султана; провокаторы вызвали убійство черню грека и его сожительницы-мусульманки; въ нѣкоторыхъ кварталахъ имамы стали врываться въ кофейни и театры и требовать прекращенія противныхъ якобы шеріату представленій; словомъ, сторонники стараго режима всячески разжигали въ мусульманской толпѣ фанатизмъ. Младотурки приняли рѣшительныя мѣры, арестовали зачинщиковъ, доказывали въ газетахъ свою безусловную вѣрность исламу, но цѣль реакціонеровъ была все же достигнута. Мусульманской толпѣ была внушена мысль, что новый режимъ противенъ духу ислама.

Другимъ, идейнымъ, противникомъ младотурокъ выступилъ вернувшійся изъ Франціи эмигрантъ принцъ *Сабахъ-Эд-Динъ*, родственникъ Абдула-Хамида со стороны матери. Принцъ выставялъ себя прежде всего со-

пальнымъ реформаторомъ, желающимъ разбудить турецкій народъ отъ вѣковой спячки и развить въ немъ частную инициативу; помимо того, Сабахъ-Эд-Динъ являлся горячимъ сторонникомъ политической децентрализации (адэми-меркезietъ). Другими словами, принцъ поставилъ ребромъ самый щекотливый и опасный для молодой Турціи вопросъ о самоуправленіи, обойденный молчаніемъ въ младотурецкой программѣ, которая только общала „расширеніе компетенцій“ провинціальныхъ властей (тевси-мезунietъ), уже предусмотрѣнное конституціей 1876 г., т.-е. административную децентрализацію. Основанная принцемъ лига „Частной инициативы и децентрализаціи“ вызвала поэтому сильное неудовольствіе среди младотурокъ, заподозрившихъ принца, весьма популярнаго среди инородцевъ, въ покровительствѣ стремленіямъ этихъ послѣднихъ къ областнымъ автономіямъ,—стремленіямъ, несогласнымъ съ младотурецкой идеей оттоманизма. Выступленіе Сабахъ-Эд-Дина заставило младотурокъ немедленно взять болѣе опредѣленный курсъ въ этомъ вопросѣ. На принца, несомнѣннаго идеалиста, но безпочвеннаго теоретика и слабовольнаго человѣка, было произведено давленіе, и онъ заявилъ въ публичной лекціи о своемъ присоединеніи къ программѣ „Единенія и прогресса“, такъ какъ его „децентрализація“ покрывается де понятіемъ „расширенія компетенцій“. Примиреніе было, конечно, только наружнымъ, однако, Сабахъ-Эд-Динъ потерялъ большую часть своей популярности. Такимъ образомъ, младотурки одержали побѣду, но цѣною раскрытія своихъ картъ въ самомъ роковомъ вопросѣ ихъ будущей политики.

Вскорѣ послѣ распадена лиги Сабахъ-Эд-Дина, въ ноябрѣ 1908 г., у „Комитета“, какъ стали повсемѣстно называть партію „Единенія и прогресса“, появился новый врагъ—союзъ *ахраровъ* (либераловъ). Въ эту партію входило очень мало турокъ, главнымъ образомъ, опять-таки изъ числа обиженныхъ „Единеніемъ и прогрессомъ“, но зато много инородцевъ, особенно грековъ и армянъ. Партія находилась въ тайныхъ сношеніяхъ съ Сабахъ-Эд-Диномъ, но, наученная его опытомъ, выставила программу, почти ничѣмъ не отличавшуюся отъ программы „Единенія и прогресса“. Однако вожди ахраровъ утверждали, что они одни проникнуты истиннымъ либеральнымъ духомъ, истинной терпимостью по отношенію къ не-мусульманамъ; младотурки же, по ихъ словамъ, стали уклоняться въ сторону узкаго турецкаго націонализма и прибѣгать ко всѣмъ приемамъ самаго нетерпимаго якобинства.

Въ этихъ обвиненіяхъ была значительная доля правды. Младотурки въ своихъ первоначальныхъ планахъ какъ будто не учли опасности, скрывающейся въ *оттоманизмѣ* для турецкой имперіи, въ которой турки составляли меньшинство. Довольно вызывающее поведеніе инородцевъ, въ особенности грековъ, во время выборовъ въ парламентъ, очень скоро

вызвало въ ихъ умахъ соответствующую реакцію. Одинъ изъ виднѣйшихъ младотурецкихъ дѣятелей, *Хуссейнъ-Джахидъ-Бей*, 25 октября выступилъ даже въ своей газетѣ *Танинъ* съ заявленіемъ, что *господствующей* въ странѣ націей (*миллетъ хакимэ*) является и останется *турецкая*. И хотя въ моментъ появленія статьи Хуссейна-Джахида многіе младотурецкіе дѣятели критиковали ее за излишнюю рѣзкость,—послѣдующія событія показали, что авторъ съ большею чуткостью угадалъ и выразилъ перемену въ настроеніи младотурокъ по отношенію къ другимъ народностямъ Имперіи.

Правда, это новое настроеніе не отразилось съ особенною силою на *предоставленіи инородцамъ мѣстъ въ парламентъ*. Нападки грековъ и армянъ на младотурокъ за совершенныя послѣдними злоупотребленія во время выборовъ кажутся преувеличенными, такъ какъ въ числѣ 275 избранныхъ въ палату депутатовъ оказалось 60 арабовъ, 25 албанцевъ, 23 грека, 12 армянъ, 3 серба, 4 болгарина, 1 куцовалахъ и 5 евреевъ; такимъ образомъ, почти *половина* палаты состояла изъ *инородцевъ*. Въ столицѣ, гдѣ у турокъ абсолютное большинство, члены партіи „Единенія и прогресса“ провели 5 турокъ, 2 грековъ, 2 армянъ и 1 еврея. Зато партія приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы депутаты-*турки* почти *всѣ* принадлежали къ ея составу; либераловъ и независимыхъ турокъ въ палатѣ оказалось не болѣе 10 человекъ. Нужно при этомъ замѣтить, что члены партіи „Единенія и прогресса“ были обязаны особой *клятвой* во всемъ подчиняться центральному комитету; выходъ же изъ партіи, какъ мнѣ въ свое время, не безъ юмора, объяснилъ одинъ изъ извѣстныхъ ея членовъ *докторъ Бехаэддинъ-бей*, сопряженъ былъ для выходящаго съ „извѣстнымъ рискомъ“. Такимъ образомъ, комитетъ партіи рассчитывалъ сохранить безусловную власть надъ членами парламентской фракціи и съ ея помощью думалъ захватить власть законодательную, какъ онъ уже овладѣлъ властью исполнительной.

Турецкій парламентъ открылся 4/17 декабря 1908 года. Начало сессіи не оправдало, однако, ожиданій партіи „Единенія и прогресса“. Несмотря на всѣ старанія, ей не удалось привлечь въ свои ряды ни арабовъ, ни армянъ, ни другихъ инородцевъ; не вступая въ блокъ между собою, они все же почти всегда голосовали противъ младотурокъ. И совершенно неожиданно многіе члены партіи стали требовать, несмотря на свою клятву, права свободнаго голосованія. Въ виду этого, походъ, давно уже начатый партіей противъ великаго везира *Кямила-паши*, не безъ основаній заподозрѣннаго въ интригахъ противъ младотурецкаго режима, кончился полнымъ фiasco; палата 31 декабря выразила Кямилю-пашѣ довѣріе.

Торжество враговъ Комитета продолжалось, впрочемъ, весьма не-

долго. Престарѣлый великій везиръ преувеличилъ значеніе своей побѣды, одержанной съ помощью инородческихъ голосовъ, и рѣшилъ, что насталь моментъ для сокрушенія ненавистной ему партіи, по непонятному недоразумѣнію ввѣрившей ему бразды правленія. Онъ попытался сперва удалить изъ Стамбула преданные Комитету салоникскіе батальоны, а когда это не удалось, самовольно устранилъ изъ министерства наиболѣе яркихъ сторонниковъ „Единенія и прогресса“—военнаго и морского министровъ.

Этотъ образъ дѣйствія Кямиля заставилъ партію собрать всѣ свои силы для того, чтобы его свергнуть. Агитація имѣла полный успѣхъ. Министры, внутреннихъ дѣлъ *Хильми-паша* и юстиціи *Рефикъ-бей*, вышли изъ кабинета, а отставленные министры обратились въ палату съ протестомъ противъ неконституционности ихъ увольненія. Флотъ заявилъ парламенту объ отказѣ повиноваться новому морскому министру. 31 января 1909 года Кямилю-пашѣ былъ предъявленъ запросъ объ его образѣ дѣйствій. Цѣлый рядъ младотурецкихъ ораторовъ, въ томъ числѣ почтенный улема *Мустафа Асимъ*, въ пламенныхъ рѣчахъ провозгласили начало подчиненія правительства парламенту. А депутатъ майоръ *Хабибъ-бей* заявилъ, что штыки турецкаго войска помѣшаютъ осуществленію замысловъ Кямиля. Присутствіе въ ложахъ и кулуарахъ большаго числа младотурецкихъ офицеровъ придадо заявленію Хабиба надлежащее значеніе, и засѣданіе 31 января кончилось полнымъ торжествомъ „Единенія и прогресса“. Кямилю-пашѣ было выражено недовѣріе 198 голосами противъ 8, и онъ подалъ въ отставку; великій везиръ перешелъ къ Хуссейну *Хильми-пашѣ*, бывшему генераль-инспектору Македоніи.

Но борьба за власть не только не прекратилась, но приняла еще болѣе ожесточенныя формы. Съ одной стороны, *ахрары* (либералы) и стоящіе за ними *инородцы* ежедневно нападали въ многочисленныхъ листкахъ на партію „Единенія и прогресса“, обвиняя ее въ подчиненіи правительства своей тайной диктатурѣ, въ якобинствѣ и преторіанствѣ; съ другой, низшее мусульманское духовенство образовало враждебный новому режиму союзъ „*Мухамеданскаго единенія*“; а софты, эти вѣчные студенты богословія, распространяли въ народѣ слухи о вѣроотступничествѣ младотурокъ, ведущихъ Турцію и исламъ къ гибели. И нити, идущія отъ этихъ антиподовъ—софтъ и ахраровъ, объединялись въ однѣхъ рукахъ—Султана Абдула-Хамида.

Теперь можно уже считать установленнымъ, что весь заговоръ противъ Комитета былъ задуманъ во дворцѣ, въ Ильдызѣ, и исполненъ подъ его руководствомъ. Конечно, какъ инородцы и либералы, желающіе децентрализаціи, такъ и фанатическіе софты, желающіе возвращенія отъ конституціи къ шеріату, стремились къ низверженію общаго

врага—партіи „Единенія и прогресса“. Но только *хамидовское золото* дало имъ возможность осуществленія этого плана. Это золото позволило софтамъ взяться за исполненіе самой опасной части заговора, т.-е. за привлеченіе солдатъ константинопольскаго гарнизона на сторону дворца; въ этомъ они успѣли, внушивъ солдатамъ, что ихъ офицеры франма-соны, употребляющіе въ пищу свинину, и подкрѣпивъ эти аргументы звонкою султанскою монетою. 31 марта 1909 года произошло событіе, называемое младотурками *Хадисси муэммие*, т.-е. *печальное происшествіе*, а противниками ихъ *инжилаби шери* — переворотъ во имя священнаго права. Рано утромъ солдаты возмутились противъ своихъ офицеровъ, перебили часть изъ нихъ и заняли площадь передъ св. Софіей, требуя отставки кабинета, изгнанія младотурецкихъ вождей и восстановленія шеріата. Что эти несчастные солдаты не отдавали себѣ ни малѣйшаго отчета въ своихъ требованіяхъ и дѣйствіяхъ, вытекаетъ уже и изъ того смѣхотворнаго факта (который мнѣ пришлось наблюдать лично), что *одновременно* съ требованіями о восстановленіи шеріата эти фанатики ислама выкрикивали подсказанныя имъ имена христіанскихъ депутатовъ—кандидатовъ въ министры!

Младотурецкіе вожди, застигнутые врасплохъ, бѣжали; парламентъ не проявилъ гражданскаго мужества и подъ выстрѣлы безчинствующихъ въ городѣ солдатъ составилъ обращеніе къ странѣ, въ которомъ заявлялъ, что принимаетъ требованія этихъ солдатъ—„дѣтей отечества“; а Султанъ амнистировалъ мятежниковъ и поручилъ старику Тевфику-пашѣ сформировать новый кабинетъ, которому предписалъ свято чтить шеріатъ.—Абдуль-Хамидъ блистательно отомстилъ младотуркамъ, сразивъ ихъ ударомъ, столь же неожиданнымъ и эффектнымъ, какъ ударъ, поразившій его самого 11 юля 1908 года.

За *девять мѣсяцевъ своего негласнаго господства* младотурки не успѣли достигъ положительныхъ результатовъ, которые могли бы оправдать оказанное имъ Европой довѣріе. Правда, просвѣщенное меньшинство палаты депутатовъ лихорадочно работало надъ созданіемъ новаго строя; палата вотировала цѣлый рядъ законовъ, касающихся самыхъ важныхъ сторонъ жизни государства и общества. Тѣмъ не менѣе въ Арменіи, Курдистанѣ, Албаніи, Сиріи, Іеменѣ и Хеджазѣ вражда между мусульманами и христіанами и даже мусульманъ между собою весьма часто переходила въ открытую междоусобицу; и даже въ Македоніи вновь появились банды.

Не слѣдуетъ, однако, забывать, что періодъ этотъ былъ въ полномъ смыслѣ *боевымъ* для младотурокъ и что они всецѣло были поглощены борьбою за власть съ противниками, лойяльность которыхъ оставляла желать весьма многого. Несомнѣнно, младотурки въ первые дни свободы думали спасти *Турцію* превращеніемъ ея въ независимое отъ Европы

оттоманское государство, гдѣ бы всѣ граждане были равны передъ закономъ; но понятно, успѣхъ этой программы не могъ прельщать ни грековъ, ни славянъ, ни армянъ, ни арабовъ, давно мечтающихъ не объ обновленіи Турціи, а о присоединеніи своемъ къ одноплеменнымъ государствамъ или даже о самостоятельности; они стремились поэтому къ *децентрализаци*, въ которой младотурки не преминули увидѣть начало своего конца. Такимъ образомъ, очень скоро отношенія между младотурками и *иностранцами* роковымъ образомъ приняли характеръ недоверія, а потомъ и враждебности.

Во-вторыхъ, младотуркамъ нужно было рѣшить другую огромную задачу: *освобожденіе турецкой правовой и социальной жизни отъ путъ ислама*. Очень характерно, что высшее духовенство — *улемы*, весьма патріотичное, было въ этомъ дѣлѣ на ихъ сторонѣ и съ готовностью согласовало новый режимъ съ весьма эластичными сурами (стихами) корана. Незадолго до переворота, Шейхъ-уль-Исламъ заявилъ, что шеріатъ не подвергается никакой опасности; да и не могла ему грозить опасность отъ парламента, въ которомъ засѣдало до 80 улемъ. — Но всѣ робкія попытки младотурокъ хоть нѣсколько ослабить тлетворное вліяніе отсталого мусульманскаго духа на жизнь вызывали немедленно броженіе среди многочисленнаго *нижняго* духовенства и особенно софты, интересы коихъ сильно задѣвались новымъ режимомъ; такъ, законопроектъ, по которому софты подлежали воинской повинности, если въ теченіе извѣстнаго количества лѣтъ не сдадутъ богословскихъ экзаменовъ, вызвалъ среди нихъ огромное волненіе, сильно повліявшее на ихъ участіе въ переворотѣ; тѣ же софты и нафанатизированная ими чернь помѣшали нѣкоторой *эмансипаци турецкихъ женщинъ*, начатой младотурками. Я самъ видѣлъ, какъ софты и чернь набрасывались на улицахъ на младотурокъ, осмѣливавшихъ показываться вмѣстѣ съ женами, дочерьми или сестрами, и избивали ихъ.

Наконецъ, *въ-третьихъ*, не слѣдуетъ упускать изъ виду *необыкновенную отсталость и невѣжество турецкаго общества*. Вожди младотурокъ и офицеры въ это время искренно желали реформъ; но большинство примкнувшихъ къ нимъ послѣ революціи искало только личныхъ выгодъ и готово было покинуть младотурокъ при первой неудачѣ: позорное поведеніе парламента послѣ переворота служить яркимъ тому примѣромъ.

Такимъ образомъ, уже въ первомъ боевомъ періодѣ младотурки оказались въ самомъ *трагическомъ* положеніи. Султанъ Абдуль-Хамидъ воспользовался имъ съ замѣчательной ловкостью. Но какъ только младотурки бѣжали изъ Новой Мекки—Стамбула—и коснулись земли своей родной Медины—Салоникъ, къ нимъ вернулась прежняя сила. Абдуль-Хамидъ не учелъ патріотизма молодыхъ провинціальныхъ офицеровъ и

степени ихъ ненависти къ нему. И не только македонскія и адрианопольскія войска оказались на сторонѣ бѣглецовъ. Многие болгарскіе, сербскіе, греческіе четники, довѣрившись новымъ обѣщаніямъ младотурокъ, опять рѣшили связать свою судьбу съ ними и пошли вмѣстѣ проливать кровь *за хурриетъ*—за свободу. Только 13 дней продолжалось торжество Абдула-Хамида. Азіатскія провинціи не сумѣли разобратся въ происшедшемъ и не пришли ему на помощь. Единственное, въ чемъ успѣли его эмиссары, это въ поднятіи мусульманъ противъ армянъ въ Аданскомъ вилайетѣ. 13 апрѣля 1909 года, послѣ упорнаго уличнаго боя, войска *Махмуда-Шефкета-паши* взяли Константинополь, и царство Краснаго Султана потонуло, наконецъ, въ потокахъ крови совращенныхъ имъ турецкихъ солдатъ и зарѣзанныхъ въ Аданѣ 30,000 армянъ. 14/27 апрѣля оправившійся отъ испуга и перекочевавшій въ Санъ-Стефано парламентъ, согласно фетвѣ Шейхъ-уль-ислама, низложилъ Абдула-Хамида и провозгласилъ султаномъ его брата *Мехмеда-Решада*.

Второй періодъ.

(13 апрѣля 1909 г.—9 июля 1912 года.)

Во время *второго* періода своей эры, начавшагося съ воцаренія султана Мухаммеда-Решада и кончившагося паденіемъ кабинета Саида-паши, младотурки вышли изъ положенія закулисныхъ контролеровъ власти и взяли на себя управленіе страной. Правда, во главѣ трехъ министерствъ этого періода стояли старые чиновники Абдула-Хамида, *Хильми*, *Хаккы* и *Саидъ-паши*. Но это объяснялось лишь неудобствомъ назначать слишкомъ молодыхъ великихъ везирей въ противность турецкимъ традиціямъ, а также желаніемъ воспользоваться опытомъ этихъ государственныхъ людей; руководящую же роль въ кабинетахъ играли входившіе въ нихъ важнѣйшіе члены партіи „Единенія и прогресса“—*Талаатъ*, *Джавидъ*, *Хаджи Адиль*, *Хамиль*, *Измаиль Хаккы*—*Бабанзадэ*. И какъ только одинъ изъ великихъ везирей—*Хильми-паша*—пересталъ быть угоднымъ партіи, онъ былъ устраненъ отъ везирата, и притомъ черезъ нѣсколько дней спустя послѣ *побѣды*, одержанной имъ въ парламентѣ по дѣлу *Линча*.

Въ первые мѣсяцы царствованія новаго султана рядомъ съ правительствомъ существовала, правда, другая власть—*главнокомандующаго Махмуда-Шефкета-паши*, спасителя новаго режима. Одно время казалось даже, что страна идетъ къ военной диктатурѣ. Но Махмудъ-Шефкетъ не сумѣлъ или не захотѣлъ использовать своего престижа, и самъ въ началѣ 1910 года вошелъ въ качествѣ военнаго министра въ кабинетъ Хаккы-паши, чѣмъ положилъ конецъ своему исключительному положенію. Поэтому въ разсматриваемомъ періодѣ младотурки, несо-

мнѣнно, *были у власти*, и исторія въ правѣ требовать отъ нихъ отчета въ пользованіи ею на благо родинѣ.

Въ области *государственнаго строительства* младотурки должны были, конечно, прежде всего опредѣлить свои отношенія къ *султану* и *парламенту*. *Пересмотръ старой конституціи* былъ возложенъ на особую комиссію еще до переворота 31 марта, завершенъ палатами въ концѣ первой сессіи и утвержденъ султаномъ 8 августа 1909 года.

Важнѣйшія различія между обѣими конституціями сводятся къ слѣдующему.

По *старой* конституціи султанъ *назначалъ и увольнялъ* всѣхъ министровъ; по новой онъ сохранилъ право *увольненія* „въ случаѣ нужды“ и „согласно правиламъ“; *назначаетъ* же онъ теперь непосредственно только великаго везира и Шейхъ-уль-Ислама; прочіе же министры избираются великимъ везиремъ и только утверждаются султаномъ (ст. 7 и ст. 27). Въ силу другого измѣненія конституціи, отнынѣ обѣ палаты собираются на обыкновенныя сессіи *безъ созыва* (ст. 43), а инициатива созыва парламента на чрезвычайную сессію и право продленія сессіи отнынѣ предоставлены не только султану, но и абсолютному большинству членовъ палаты; право же сокращенія срока сессіи совершенно уничтожено (ст. 44). Султанъ утратилъ также право выбирать председателя палаты изъ трехъ намѣченныхъ сею послѣднею кандидатовъ; обѣ избраніи председателя и его товарищей по новой конституціи султану только докладывается (ст. 77). *Законодательная инициатива* принадлежитъ по *новой* конституціи каждому министру, сенатору и депутату, тогда какъ по *старой* она была сосредоточена въ рукахъ правительства, которому палата представляла только *ходатайства* обѣ изданіи или измѣненіи законовъ (ст. 53).

Какъ по старой, такъ и по новой конституціи законопроекты, принятые обѣими палатами, получаютъ силу закона лишь по утвержденіи ихъ султаномъ. Но конституція 1909 года вводитъ *двадцатидневный срокъ*, въ теченіе котораго законопроекты должны быть либо утверждены, либо возвращены въ палату для вторичнаго разсмотрѣнія. Законопроектъ, возвращенный въ палату, считается принятымъ вторично лишь въ томъ случаѣ, если за него выскажется большинство двухъ третей членовъ. Законъ не говоритъ, однако, что произойдетъ, въ случаѣ если султанъ откажетъ *вторично* въ своей санкціи (ст. 54).

Конституція 1876 года признавала за *совѣтомъ министровъ* право издавать, во время закрытія сессіи парламента, постановленія, получающія, на основаніи султанскаго указа, временную силу закона, впредь до изданія палатой депутатовъ своихъ постановленій по сему предмету; это право совѣта министровъ обставлено было условіями крайней необходимости, недостаткомъ времени для созыва палаты и непротиворѣ-

чія конституція. *Новая конституція добавляетъ*, что „постановленія совѣта министровъ представляются палатѣ, какъ только она соберется“ (ст. 36).

Министерская отвѣтственность конституціею 1876 года формулирована въ самыхъ общихъ выраженіяхъ и притомъ безъ упоминанія о какой бы то ни было санкціи. *Конституція 1909 года* постановляетъ: министры несутъ солидарную отвѣтственность передъ палатою за общую политику правительства; по вопросамъ же, касающимся ихъ вѣдомствъ, отвѣтственны каждый въ отдѣльности (ст. 30). Выраженіе недовѣрія министру обязываетъ его одного къ подачѣ въ отставку; выраженіе же недовѣрія предсѣдателю совѣта министровъ влечетъ за собою паденіе всего кабинета (ст. 38). Такимъ образомъ, послѣдствія выраженного палатою недовѣрія, которыя на Западѣ составляютъ часть *обычнаго парламентскаго права*, въ Турціи опредѣлены въ *самомъ текстѣ конституціи*.

Наконецъ, принадлежащее султану, по конституціи 1876 года, *право роспуска палаты* въ случаѣ конфликта съ министерствомъ, — право, которое онъ могъ осуществлять неопредѣленное число разъ, — сильно сужено новой конституціей. Отнынѣ султанъ можетъ распускать палату лишь въ одномъ строго опредѣленномъ случаѣ: а именно, если министерство, вступивъ въ конфликтъ съ палатою, не пожелаетъ подчиниться рѣшенію послѣдней и подастъ въ отставку, а *новое* министерство станетъ на точку зрѣнія стараго. Только въ этой стадіи конфликта султанъ можетъ, и то лишь съ согласія сената, распустить палату, назначивъ трехмѣсячный срокъ для производства новыхъ выборовъ. Въ случаѣ же конфликта между министерствомъ и новой палатою, подчиненіе рѣшенію этой послѣдней становится обязательнымъ (ст. 35). *Эту 35 статью младотурки считали краеугольнымъ камнемъ зданія турецкаго парламентаризма*.

Установивъ радикальную конституцію, столь сильно умаляющую права султана-халифа, младотурки, наученные горькимъ опытомъ, приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы избѣжать новыхъ обвиненій въ нарушеніи священнаго шеріата. Въ текстъ конституціи была введена статья (7), возлагающая на султана охрану шеріата, и другая (118), постановляющая, что при изданіи законовъ будутъ положены въ основаніе начала этого шеріата. Но главную помощь въ дѣлѣ согласованія либерализма съ исламомъ оказало младотуркамъ сочувствующее имъ высшее духовенство. Шейхъ-уль-исламъ *Сахибъ Молла* обратился къ населенію съ воззваніемъ, объявляя, что конституціонная форма правленія *одна* согласна съ шеріатомъ.

Союзъ съ улемами, съ большимъ умѣніемъ толкующими коранъ и священныя книги въ пользу народнаго суверенитета, очень скоро пригодился младотуркамъ въ самомъ парламентѣ, а именно въ сенатѣ. Уже

въ февралѣ 1910 года сенаторъ *Дамадъ-Феридъ-паша*, повидимому, не безъ уговора съ наслѣдникомъ престола *Юсуфъ-Иззеддиномъ*, внесъ въ сенатъ проектъ измѣненія тѣхъ статей новой конституціи, которыя умаляли права султана. Указывая, что султанъ не только свѣтскій государь, но и халифъ трехсотъ милліоновъ мусульманъ, которому свойственно повелѣвать, а не повиноваться, — *Дамадъ-Феридъ-паша* находилъ ограниченіе его власти несогласнымъ съ шеріатомъ; къ тому же, по мнѣнію паша, теорія народнаго суверенитета непримѣнима къ оттоманскому государству, состоящему изъ нѣсколькихъ націй, такъ какъ можетъ привести къ децентрализаціи и распаденію имперіи. Проектъ *Дамада-Ферида-паши* подвергся жестокой критикѣ со стороны сенатора *Мусы-Кязима*, бывшаго *Шейхъ-уль-ислама*. *Муса-Кязимъ* категорически заявилъ, что народный суверенитетъ вытекаетъ какъ изъ корана, такъ и изъ образа дѣйствій пророка Мухаммеда, всегда подчинявшагося *закону*, и что невозможно поэтому допустить, чтобы *преемникъ* пророка могъ притязать на подчиненіе себѣ внѣ всякихъ условій. Въ результатѣ сенатъ не допустилъ даже обсужденія по существу проекта *Дамада-Ферида-паши*.

Поставивъ, такимъ образомъ, новый режимъ подъ защиту ислама, *младотурки* постепенно *отходили* отъ своей первоначальной позиціи *свѣтскаго государства* и вскорѣ сдѣлались панисламистами въ духѣ султана *Абдула-Хамида*. Зная довольно близко младотурецкихъ вождей, я беру на себя смѣлость утверждать, что панисламизмъ для нихъ былъ такимъ же этикетомъ, какимъ раньше было франмасонство—послѣ переворота 31 марта они признали лишь въ исламѣ силу, которую необходимо было имѣть съ собою, а не противъ себя. А потому эмиссары *Талаата* стали появляться тамъ, гдѣ раньше сѣяли смуту посланцы султана *Хамида*. И отсталыя постановленія священнаго шеріата, изданныя для бедуиновъ временъ пророка Мухаммеда, попрежнему продолжали стѣснять гражданскую жизнь турецкаго народа.

Такой поворотъ младотурокъ въ сторону шеріата *сопровождался возвращеніемъ ихъ къ хамидовской политикѣ по отношенію къ христіанамъ и вообще къ инородцамъ*. Македонскіе четники напрасно пролили свою кровь на улицахъ Стамбула. Страхъ передъ децентрализаціей и вождѣльнiями балканскихъ державъ не только не позволилъ младотуркамъ ввести реформы въ управленіе *Македоніей*, но заставилъ ихъ даже прекратить общественную жизнь, развившуюся тамъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ новой эры. Такъ, постепенно были закрыты всѣ организаци и клубы различныхъ македонскихъ національностей, на примѣръ, болгарскіе клубы учителей. Отказавшись отъ реформъ, младотурки вернулись къ старымъ приемамъ хамидовской политики, къ обезоруженію населенія и къ борьбѣ съ четничествомъ, съ каковою цѣлью былъ изданъ

необыкновенно суровый законъ „о прекращеніи разбоевъ въ Румелийскихъ вилайетахъ“ (1909 г.). Несчастное македонское население очутилось вскорѣ въ томъ же положеніи, въ какомъ находилось при Абдуль-Хамидѣ; подъ покровомъ борьбы съ бандами возобновились убійства, грабежи и всякаго рода насилия мусульманъ надъ мирными христіанами, о чемъ, между прочимъ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ идентичные тауриры, поданные вселенскимъ патриархатомъ и болгарскимъ экзархатомъ министру юстиціи 4 іюня 1911 г.

И въ *Албаніи* положеніе обострилось вслѣдствіе введенія общей податной системы и всеобщей воинской повинности, съ которыми свободолюбивое населеніе никакъ не могло примириться. Младотурки не задумались окончательно возбудить противъ себя народъ, являвшійся ихъ естественнымъ союзникомъ въ борьбѣ со славянами. Въ 1910 году карательная экспедиція *Джавида-паши* разорила большую часть сѣверной Албаніи, разрушивъ огромное число албанскихъ кулэ (замковъ); въ 1911 году *Шефкетъ-Торгутъ-паша* долженъ былъ усмирять мирдитовъ и малиссоровъ; а въ 1912 году, къ началу балканской войны, вся Албанія была охвачена національнымъ движеніемъ противъ младотурецкаго режима.

Что касается *армянъ*, то тяжелыя страданія и этого несчастнаго народа не были прекращены младотурками, тѣми самыми младотурками, съ которыми армянскіе дашнакпаканы когда-то работали рука объ руку надъ сверженіемъ ига Абдула-Хамида. Правда, послѣ аданской рѣзни не происходило массоваго избіенія; но жизнь, честь и имущество каждаго армянина въ армянскихъ вилайетахъ попрежнему зависѣли отъ произвола курдскихъ беевъ; отнятыя послѣ рѣзни 1896 года у армянъ земли имъ *не были* возвращены, и всѣ жалобы армянскаго патриархата оставались безъ послѣдствій.

Не сумѣли младотурецкіе заправилы поладить и съ самымъ многочисленнымъ мусульманскимъ элементомъ въ имперіи—съ *арабами*. Арабскія племена въ Сиріи и Мессопотаміи находились въ состояніи постоянного возмущенія. Въ Іеменѣ и Ассирѣ младотурки продолжали неустойчивую политику Абдуль-Хампда, то ведя войну съ шейхами Яхья и Идрисомъ, то вступая съ ними въ переговоры объ автономіи. Въ то же время они старались безуспѣшно препятствовать растущему среди арабовъ другихъ областей націоналистическому движенію въ пользу самоуправленія.

Такое отношеніе къ національнымъ стремленіямъ инородцевъ обязывало, конечно, младотурокъ къ оправданію своего *оттоманизма*, т. е. къ *проведенію реформъ*, которыя пошли бы на пользу *всѣмъ* оттоманскимъ подданнымъ. Что же сдѣлало въ этомъ направленіи младотурецкое правительство за періодъ 1909—1912 гг.?

Оно выработало въ достаточной мѣрѣ либеральные законы о печати, свободѣ собраній и союзовъ; къ сожалѣнью, эти законы обыкновенно бездѣйствовали, такъ какъ столица и многіе города Имперіи все это время, съ небольшими лишь перерывами, находились на военномъ положеніи. Было произведено нѣкоторое оздоровленіе гражданской администраціи и военнаго вѣдомства. Были изданы разумные законы „объ оставленіи чиновниковъ за штатомъ,“ на основаніи которыхъ особая комисиіа ревизовала всѣ министерства и озаботилась сохраненіемъ на штатныхъ должностяхъ наиболѣе способныхъ и добропорядочныхъ чиновниковъ. Законъ о *пересмотрѣ военныхъ чиновъ* уничтожилъ всѣ слѣды вопиющихъ несправедливостей, ежедневно совершавшихся въ арміи и флотѣ при старомъ режимѣ, когда зачастую офицеры, негодные дворцу, годами не производились въ слѣдующіе чины, а совершенно молодые люди, зарекомендовавшие себя доносами, производились сразу въ полковники или генералы. Я долженъ, впрочемъ, оговориться, что очень скоро протекція стала играть огромную роль и въ младотурецкомъ обиходѣ.

Въ началѣ своего существованія, младотурецкое правительство относилось сочувственно къ привлеченію на оттоманскую службу *иностранныхъ специалистовъ*. Но это намѣреніе осуществлялось очень нерѣшительно и неравномѣрно въ различныхъ вѣдомствахъ. Въ министерствахъ, такъ сказать, *техническаго* характера иностраннымъ специалистамъ, дѣйствительно, была дана возможность принести нѣкоторую пользу. Такъ, энергичный *министръ финансовъ Джавидъ-бей*, съ помощью комисиіа изъ иностранцевъ, привелъ финансовое управленіе въ болѣе или менѣе удовлетворительное состояніе; *Sir Crawford* сдѣлалъ то же для *таможеннаго* вѣдомства. Нѣкоторую пользу принесли и иностранные жандармскіе офицеры подъ руководствомъ графа *Робиланта*. Приглашались инженеры и техники для производства общественныхъ работъ. Но этимъ почти все и ограничилось. Приглашенный было въ *министерство юстиціи* *советникъ графъ Остророгъ* долженъ былъ черезъ полтора года отказаться отъ своей дѣятельности, встрѣчая злостное противодѣйствіе со стороны своего же министра Муллы Неджмэдина-бея. *Министерство народнаго просвѣщенія* продолжало высоко держать знамя Абдула-Хамида: ни малѣйшихъ реформъ въ европейскомъ духѣ въ немъ не было произведено, а отправка турецкихъ студентовъ въ европейскіе университеты дала жалкіе результаты и вскорѣ была прекращена по требованію духовенства. Въ *двѣ* области сторонники шеріата не считали возможнымъ допустить проникновеніе европейскаго духа—въ область просвѣщенія и въ область правосудія. Младотурки и здѣсь преклонились передъ шеріатомъ,—и въ этомъ двѣ главныхъ причины ихъ паденія.

Изъ *общихъ* реформъ я долженъ еще упомянуть о распространеніи *всеобщей воинской повинности* на *не-мусульманъ*, для которыхъ она до

сихъ поръ замѣнялась налогомъ. Реформа, конечно, вполнѣ „оттоманская“. Но она не пришлась по вкусу ни туркамъ, ни христіанамъ. *Первые* слишкомъ привыкли смотрѣть на свое войско, какъ на носителя чисто-мусульманскаго духа, и опасались, не безъ основанія, ослабленія его боевой силы; *вторые* безъ энтузіазма шли подъ знамена турокъ, въ которыхъ продолжали видѣть своихъ угнетателей. Создалось крайне ложное положеніе.

Необдуманность, отрывочность и непослѣдовательность младотурецкихъ реформъ становятся понятными, если вспомнить, что за весь этотъ періодъ младотуркамъ приходилось продолжать *бороться за власть*, выдерживая самый бѣшеный натискъ со стороны своихъ враговъ — внутреннихъ и внѣшнихъ.

Кровавыя репрессіи противъ лицъ, прикосновенныхъ къ перевороту 31 марта 1909 года, ненадолго обезпечили партіи „Единенія и прогресса“ безраздѣльное господство надъ страной. Въ Парижѣ эмигранты сгруппировались около *Шерифа-наши*; въ парламентѣ мѣсто ахраровъ заняли партіи „свободы и согласія“ и „народная“; помимо того, опытъ 31 марта показалъ, что въ партіи не было внутренняго единства, и что правое крыло ея было связано съ радикальными главарями далеко не идейными соображеніями.

Новая политика младотурецкихъ вождей, объявившихъ себя вѣрными слугами ислама и его традицій, конечно, не обезоружила ихъ многочисленныхъ враговъ. Не безъ основанія они плохо вѣрили въ искренность этого обращенія. Но въ сущности говоря, вопросъ этотъ ихъ мало занималъ. Захватъ власти небольшою кучкою никому неизвѣстныхъ ранѣе людей, къ тому же ничѣмъ, кромѣ своей отваги, особенно не выдающихся, разбудилъ въ большомъ числѣ турецкихъ полуинтеллигентовъ и офицеровъ огромные аппетиты; тѣ, которымъ удалось пристроиться подъ сѣнью „Единенія и прогресса“, были, конечно, на его сторонѣ, — тѣмъ болѣе, что партія очень скоро вполнѣ усвоила и въ этомъ отношеніи приемы Абдула-Хамида и вновь ввела въ управленіе систему самаго циничнаго непотизма; но такъ какъ, разумѣется, можно было удовлетворить только часть алчущихъ благъ земныхъ, то постепенно образовался большой классъ недовольныхъ новымъ режимомъ.

Для прикрытія своихъ вождельній враждебныя „Единенію и прогрессу“ партіи („свободы и согласія“, „народной“ и др.) должны были, конечно, выставять какія-нибудь *политическія программы*. Программы эти были столь же неискренни, какъ и младотурецкая. Какъ младотурки официально преклонились передъ исламомъ и тюркизмомъ, такъ враги ихъ въ принципѣ признавали необходимость конституціи и уваженіе правъ другихъ національностей. Разница между программами тѣхъ и другихъ сводилась обыкновенно къ отгѣнкамъ и деталямъ. Центръ

же тяжести антиправительственных платформ лежалъ всегда въ выигрышныхъ обвиненіяхъ членовъ партіи „Единенія и прогресса“ въ франмасонствѣ и деспотизмѣ.

Уже въ іюнѣ 1910 года былъ раскрытъ заговоръ противъ младотурецкаго правительства. А въ началѣ 1911 года, подъ напоромъ все растущаго въ странѣ недовольства, *Талаатъ-бей*, несомнѣнно самый яркій представитель молодой Турціи, долженъ былъ уступить портфель министра внутреннихъ дѣлъ *Халимъ-бею*, впрочемъ, ближайшему своему единомышленнику. Но настоящій кризисъ для партіи наступилъ въ *апрѣль* того же 1911 года, когда большое число членовъ парламентской фракціи, во главѣ съ ходжою *Меджди*, откололись въ особую группу (*Хысби Джедидъ*) и выставили новую программу въ 10 пунктовъ.

Политическіе идеалы диссидентовъ выражены въ этой программѣ въ весьма туманной формѣ. Провозглашается необходимость какъ соблюденія национальныхъ и религіозныхъ обычаевъ и преданій, такъ и распространенія западно-европейской цивилизаціи; нужно слѣдовать историческимъ традиціямъ, но въ предѣлахъ конституціи; диссиденты стоятъ попрежнему за единеніе между оттоманскими національностями; надлежитъ измѣнить нѣкоторыя статьи конституціи, касающіяся священныхъ правъ халифата и султаната въ смыслѣ согласованія власти монарха съ законодательной и исполнительной властями; должно строго соблюдать законы и начало министерской отвѣтственности. Кромѣ этихъ общихъ и неопредѣленныхъ положеній, программа диссидентовъ содержитъ, однако, и нѣсколько пунктовъ, явно направленныхъ противъ олигарховъ „Единенія и Прогресса“. Такъ, депутатамъ разрѣшается принимать постъ министра лишь на основаніи постановленія партіи, вынесеннаго большинствомъ двухъ третей голосовъ.

Горячее сочувствіе этой программѣ, высказанное всѣми органами печати, враждебными правительству, не оставляло никакихъ сомнѣній относительно настоящихъ чувствъ, вдохновляющихъ диссидентовъ. Желая во что бы то ни стало предотвратить опасный расколъ, младотурецкіе вожди сдѣлали очень ловкій ходъ; *они приняли всю программу диссидентовъ*, названную ихъ лидеромъ *консервативною*, выговоривъ только представленіе 10 пунктовъ конгрессу партіи въ октябрѣ мѣсяцѣ. Ново-явленнымъ „консерваторамъ“ пришлось повѣрить въ искренность обращенія „либеральныхъ“ товарищей и остаться въ партіи. А осенью конгрессъ скрѣпилъ наружный миръ, отнюдь, конечно, не прекративъ интригъ внутри партіи.

Движеніе диссидентовъ вдохновлялось, главнымъ образомъ, *полковникомъ Садыкомъ*, однимъ изъ главныхъ дѣятелей младотурецкой революціи, имѣющимъ полное основаніе считать себя обиженнымъ Комитетомъ. Вскорѣ послѣ внѣшняго перемирія между крылами партіи Са-

дыкъ-бей (6 мая 1911 года) обнародовалъ свою политическую программу, столь же неясную и туманную, какъ и 10 пунктовъ диссидентовъ.

Садыкъ признаетъ, что банкротство конституціи было бы могилой для оттоманизма и что благородная идея единенія и прогресса, а также и олицетворяющій ее Комитетъ являются основами оттоманскаго строя. Но Комитетъ долженъ развиваться въ естественныхъ условіяхъ, дабы стать самой сильной національной организаціей всѣхъ оттомановъ, безъ различія расъ и исповѣданій. Между тѣмъ, центральный Комитетъ и его клубы, имѣя въ своемъ составѣ официальныхъ лицъ, принимаютъ характеръ второго правительства, что очень вредно отражается на странѣ.

Садыкъ ополчается также противъ франмасонства, или, вѣрнѣе, противъ его проникновенія въ политику. Онъ уважаетъ всѣ факторы, служащіе человѣчеству, но при условіи, что они не касаются политики: политическія страсти могутъ исказить самые возвышенные идеалы.

Армія должна защищать конституцію, а не политическія воззрѣнія ограниченнаго круга лицъ; офицеры не должны ни заниматься политикою, ни быть членами комитетовъ. Вообще не слѣдуетъ допускать притязаній отдѣльныхъ индивидовъ на олицетвореніе всей революціонной силы страны, такъ какъ новая Турція создана не нѣсколькими гениями, какъ Италия, а совокупными усилиями скромныхъ и незамѣтныхъ людей; единеніе различныхъ элементовъ оттоманизма не можетъ создаться вокругъ отдѣльныхъ личностей. Не слѣдуетъ, однако, вполне подчиняться и „логикѣ толпы“, возведя ее на мѣсто народнаго суверенитета: подчиненіе фанатизму толпы привело бы страну къ гибели.

Въ заключеніе Садыкъ-бей съ негодованіемъ протестуетъ противъ приписанія ему реакціонныхъ воззрѣній и ссылается на свое революціонное прошлое.

Полковникъ Садыкъ, вскорѣ уволенный въ отставку, началъ дѣятельную агитацію въ провинціи противъ „франмасоновъ“ и олигарховъ „Единенія и прогресса“. Партія сочла необходимымъ пожертвовать на время Джавидомъ и Бабанзадэ, предложивъ имъ отказаться отъ своихъ портфелей, и даже отстранила Талаата отъ предсѣдательства во фракціи. Помимо того въ юнѣ 1911 года правительство организовало путешествіе Султана въ ультра-мусульманскомъ стилѣ на Коссово поле, гдѣ совершено было богослуженіе надъ могилой Мурада. Предполагалось воздѣйствовать на албанцевъ и вообще повысить религіозное настроеніе въ странѣ. Тѣмъ не менѣе, озлобленіе между сторонниками и противниками партіи все увеличивалось. Жертвою его палъ журналистъ *Зекки*, сторонникъ Садыка, убитый 27-го мая 1911 года въ Константинополѣ неизвестными—безъ сомнѣнія единомышленниками „Единенія и прогресса“; на послѣднихъ падаетъ сильное подозрѣніе и въ устраненіи еще въ 1910 году оппозиціоннаго журналиста *Самими*, а можетъ

быть, и въ убійствѣ въ 1909 году журналиста *Хассана Фехми*. Убійство Зекки было, несомнѣнно, однимъ изъ признаковъ надвигающихся *терроровъ—краснаго и бѣлаго*.

Итало-турецкая война смела кабинетъ Хакки-наши, но не положила конца младотурецкому режиму; старикъ Саидъ-паша согласился стать во главѣ кабинета, составленнаго изъ членовъ „Единенія и прогресса“. Война эта не оказала никакого умиротворяющаго влiянiя на партii, и борьба ихъ продолжалась попрежнему.

Къ концу 1911 года *младотурецкое правительство окончательно разочаровалось въ парламентъ*, въ которомъ серьезная законодательная дѣятельность, наблюдавшаяся въ теченiе первой сессii, давно уже уступила мѣсто политиканству и личнымъ интригамъ, причемъ все болѣе росли силы оппозици. Въ то же время младотуркамъ пришлось раскаяться въ легкомысленномъ измѣненiи 35-ой статьи конституци, до крайности сузившей султанское право роспуска, обусловивъ его согласiемъ сената и ограничивъ тѣмъ случаемъ, когда палата, послѣ конфликта съ министерствомъ и выхода въ отставку сего послѣдняго, вступаетъ въ конфликтъ и съ новымъ кабинетомъ. Найдя въ настоящее время такой порядокъ для себя стѣснительнымъ, младотурки и здѣсь не задумались отказаться отъ своихъ прежнихъ идеаловъ и провозгласить необходимость усиленiя священныхъ правъ султана. Какъ нельзя болѣе кстати пришлось имъ теперь то обстоятельство, что это усиленiе султанскихъ прерогативъ составляло одинъ изъ пунктовъ диссидентской программы, принятой ими въ силу необходимости. И дѣйствительно, правительственный законопроектъ, предоставляющiй султану право роспуска палаты послѣ конфликта съ *однимъ* министерствомъ, а не съ двумя, и ставящiй обращенiе къ сенату въ зависимость отъ усмотрѣнiя монарха, былъ внесенъ въ палату при ироническомъ указанiи Саида-паши на соотвѣтствiе его теорiямъ *оппозици*.

„*Парламентская комиси́я основныхъ законовъ*“, въ которую былъ переданъ правительственный законопроектъ, представила палатѣ весьма любопытный докладъ, нѣкоторыя мѣста котораго бросаютъ яркiй свѣтъ на разсматриваемую эпоху. Измѣненiе 35-ой статьи конституци, говорится въ докладѣ, привело къ полному нарушенiю равновѣсiя силъ въ государствѣ и къ ослабленiю не только султаната, но и наци. Въ странѣ воцарилось *неописуемое состоянiе болѣзненной растерянности*. Султанъ—безпристрастный арбитръ, стоящiй надъ политическими теченiями—почти лишенъ возможности, въ случаѣ несогласiя съ палатой, обратиться къ народу, чѣмъ, конечно, народный суверенитетъ не расширенъ, а суженъ. Съ другой стороны, нарушено равновѣсiе между исполнительной и законодательной властями тѣмъ, что правительство уступаетъ палатѣ при *первомъ* же столкновенiи, а палата лишь послѣ конфликта

со *вторымъ* правительствомъ, поддерживающимъ первое. Благодаря этому палата сдѣлалась единственнымъ двигателемъ и регуляторомъ всѣхъ силъ государства, оказывая чрезмѣрное вліяніе на жизнь и судьбы министерствъ. А въ то же время эта безотвѣтственная палата не сумѣла одушевить на плодотворную работу лишенное вліянія правительство.

Комиссія горячо возстаетъ противъ участія *сената* въ правѣ роспуска, которое, съ одной стороны, приобщаетъ безотвѣтственное учрежденіе къ акту исполнительной власти, сопряженному въ величайшей отвѣтственностью, а съ другой—какъ бы уменьшаетъ эту отвѣтственность правительства. Этимъ путемъ нарушается равенство между палатами, ибо сенатъ не можетъ быть распущенъ съ согласія палаты. Создается *странная іерархія*: сенатъ господствуетъ надъ палатою, а палата надъ министерствомъ, чѣмъ нарушается равновѣсіе всѣхъ этихъ силъ. Сохраненіе нынѣшней редакціи 35-ой статьи грозитъ странѣ *анархіей*, а потому комиссія высказывается за принятіе предложеній правительства, ведущихъ къ истинному національному суверенитету, должствующему находиться въ гармоніи съ султанатомъ.¹⁾

Легко себѣ представить, какое смѣтеніе внесъ въ ряды оппозиціи ударъ, нанесенный ей же оружіемъ. Она прибѣгла было къ obstructi, но кабинетъ подалъ немедленно въ отставку. Предвидя, что Саиду-пашѣ будетъ поручено вновь образовать кабинетъ, и что, при наличности новаго конфликта, онъ получитъ возможность распустить палату согласно *дѣйствующей* 35-ой статьѣ, оппозиція рѣшилась прибѣгнуть къ чрезвычайной мѣрѣ—къ *вовлеченію въ конфликтъ монарха*.

Депутация партіи „Свободы и согласія“, подъ предводительствомъ *Измаила-бея*, отправилась 18/31 декабря 1911 года къ Султану и заявила ему, что оппозиція отнюдь не противъ расширенія правъ монарха, которое она первая включила въ свою программу, но что она не желаетъ содѣйствовать планамъ Саида-паша, оказывающаго давленіе на палату, а поэтому проситъ Султана не поручать ему образованія новаго министерства. Мехмедъ-Решадъ отвѣтилъ, однако, очень твердо, что назначеніе великаго везира составляетъ исключительное право султана, а вечеромъ издалъ черезъ предсѣдателя палаты особое сообщеніе, очевидно внушенное партией „Единенія и прогресса“; въ этомъ сообщеніи Султанъ, исходя изъ словъ самой же депутации, констатируетъ отсутствіе разногласія между партіями по принципиальному вопросу и выражаетъ пожеланіе, чтобы партія „Согласія“ не противилась пересмотру. Вслѣдъ затѣмъ Саиду-пашѣ было поручено вновь образовать министерство.

Такимъ образомъ, оппозиція не только понесла рѣшительное пора-

¹⁾ (Докладъ комиссіи отъ 11/24 декабря 1911 года, см. № 23 первой легислатуры, сессія 1327—1328; предсѣдатель комиссіи—*Халиль-бей*; докладчикъ—*Имаидъ-Хакки Бабанзада*.)

женіе, но своими неумѣлыми и антиконституціонными дѣйствіями дала партіи „Единенія и прогресса“ случай внушить странѣ, что Султанъ на ея сторонѣ. Очутившись передъ дилеммой или принять измѣненіе 35-ой статьи конституціи, или быть устраненной путемъ немедленнаго роспуска, оппозиція выбрала послѣднее и отвергла правительственный законопроектъ, чѣмъ создала наличность конфликта со *вторымъ* министерствомъ, хотя и образованнымъ тѣмъ же Саидомъ-пашой. Послѣ этого Султанъ, 5/18 января 1912 года, распустилъ первую палату молодой Турціи.

Избавившись отъ оппозиціонной палаты, младотурецкое правительство рѣшило принять всѣ мѣры къ превращенію будущаго парламента въ послушное свое орудіе. Выборы были произведены подъ самымъ сильнымъ давленіемъ администраціи, и новая палата, собравшаяся 5/18-го апрѣля, состояла, конечно, въ огромномъ большинствѣ изъ сторонниковъ правительства. Измѣненіе 35-ой статьи было принято и препровождено въ сенатъ.

Но такое порабощеніе парламента и изгнаніе оппозиціи въ подполье, какъ и слѣдовало ожидать, усилило революціонное броженіе въ странѣ и особенно въ арміи. И опять, какъ въ 1908 году, нѣсколько недовольныхъ режимомъ офицеровъ Монастырскаго корпуса ушли въ юнѣ 1912 года со своими ротами въ горы и предъявили оттуда правительству требованія дѣйствительнаго соблюденія конституціи. Видя, что въ странѣ можетъ вспыхнуть междоусобная война, исходъ которой могъ быть для нихъ роковымъ, младотурки рѣшили, наконецъ, принять энергичныя мѣры противъ политиканства въ арміи. *Махмудъ-Шефкетъ-паша*, до сихъ поръ ограничивавшій свое воздѣйствіе на политиканствующихъ офицеровъ никѣмъ не соблюдавшимися циркулярами, провелъ черезъ парламентъ законъ, воспрещающій офицерамъ и солдатамъ всякую политическую дѣятельность подъ страхомъ весьма строгихъ уголовныхъ каръ. Но эта запоздалая мѣра не могла, конечно, остановить движенія среди оппозиціоннаго офицерства. Не остановила его и отставка Махмуда-Шефкета-паши. Образовалась *военная лига „спасителей отечества“* („Халаскаряни миллетъ“).

Манифестъ „спасителей отечества“, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о томъ, что его составители отдавали себѣ полный отчетъ въ ужасномъ положеніи Имперіи. Оттоманское отечество, гласитъ манифестъ, идетъ съ головокружительной быстротой къ безднѣ, къ которой оно уже приблизилось за царствованіе Абдула-Хамида. Конституція была „послѣднимъ зарядомъ“ страны. Зарядъ этотъ не достигъ цѣли, и Европа не замедлила сдѣлать изъ этого обстоятельства выводъ, что оттоманы неспособны къ самостоятельной жизни и подъ конституціоннымъ режимомъ. Подъ влияніемъ введенія конституціи Европа временно отказалась

отъ своего намѣренія раздѣлить Турцію и заняла выжидательное положеніе. Но когда мы стали дѣйствовать, какъ во времена Хамида, а иногда даже заставляли жалѣть объ этомъ режимѣ, Европа перемѣнила вновь свое отношеніе къ Турціи, что сказалось, между прочимъ, во время триполитанской войны. Въ виду этого, лига считаетъ долгомъ вновь обратиться къ патриотизму турецкихъ офицеровъ, несмотря на свое горячее желаніе, чтобы они оставались чужды политикѣ. Конституціонныя права, являвшіяся цѣлью военной революціи 1908 года, не обеспечены, а произвольно нарушаются во имя личныхъ интересовъ. Поэтому на офицерахъ, сломившихъ тиранію Абдула - Хамида, лежитъ обязанность спасти отечество, тѣмъ болѣе, что остальная часть образованнаго общества, состоящая, главнымъ образомъ, изъ чиновниковъ, не обладаетъ необходимой для этого нравственной силой.

Въ виду сказаннаго, военная лига выставяетъ слѣдующія общеполитическія требованія: 1) замѣна нынѣшняго правительства другимъ, способнымъ заслужить довѣріе Европы; 2) отстраненіе безответственныхъ факторовъ отъ вмѣшательства въ управленіе страной; 3) роспускъ палаты, если будетъ доказана незаконность выборовъ, и производство новыхъ выборовъ безъ вмѣшательства полиціи. Помимо того, лига требуетъ для *арміи*: изгнанія изъ нея политики, какъ только будутъ приняты настоящія требованія; возвращенія въ ряды арміи офицеровъ, занимающихъ гражданскіе посты или состоящихъ делегатами партій; наконецъ, введенія начала справедливости, т.-е. признанія ответственности высшихъ офицеровъ на-ряду съ низшими, независимости военныхъ судовъ и производства въ чины за однѣ заслуги, внѣ постороннихъ вліяній.

Въ заключеніе, лига заявляеть, что прибѣгнетъ ко *всѣмъ* средствамъ какъ для достиженія своихъ цѣлей, такъ и для устраненія тѣхъ, кто тому окажется помѣхою.

Агитация „спасителей отечества“ увлекла за собою большую часть офицерства. 6 іюля депутація лиги предъявила свои требованія самому Султану. Младотурецкое правительство не рѣшилось прибѣгнуть къ помощи вѣрныхъ ему офицеровъ и вызвать гражданскую войну и подало въ отставку. Ничто такъ ярко не рисуеть господствовавшей въ это время анархіи, какъ тотъ фактъ, что на другой день послѣ приѣма депутаціи „спасителей отечества“ (7 іюля) Султанъ, очевидно подъ вліяніемъ младотурокъ, издалъ рѣзкій приказъ по арміи, въ коемъ осуждалъ требованія лиги, какъ противныя конституціи и правамъ халифата и султана; поведеніе солдатъ, занимающихся политикой и не повинующихся властямъ, прямо названо въ приказѣ измѣною, имѣвшей своимъ послѣдствіемъ появленіе итальянцевъ у воротъ столицы (у Дарданеллъ).

Грозный приказъ остался, однако, безъ всякаго вліянія на ходъ событій. 9 іюля *Гази-Ахметъ-Мухтаръ-паша* образовалъ новый каби-

нетъ, въ составъ котораго вошли наиболѣе видные дѣятели оппозиціи, какъ-то: старый врагъ младотурокъ *Кямилъ-паша*, *Назимъ-паша* (военный министр) и, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, армянинъ Норадунгянъ.

Третий періодъ.

(Отъ 9-го іюля 1912 года по 10-е января 1913 года.)

Положеніе, создавшееся такимъ образомъ, было, конечно, ненормальнымъ. Младотурецкое правительство пало, несмотря на то, что парламентъ былъ на его сторонѣ, а новое „либеральное“ правительство очутилось передъ младотурецкой палатой. При этомъ палата стала всячески уклоняться отъ конфликтовъ съ правительствомъ, дабы избѣжать роспуска. Стѣсняясь, однако, не болѣе своихъ противниковъ въ выборѣ средствъ борьбы, кабинетъ Мухтара-паша добился очень скоро отъ Султана согласія на *закрытіе* палаты подъ предлогомъ, что она была созвана только для принятія 35-ой статьи конституціи; между тѣмъ, въ тронной рѣчи, которою Султанъ открылъ палату 5-го апрѣля, ея задачи отнюдь не исчерпывались пересмотромъ 35-й статьи, и ей, между прочимъ, предлагалось какъ можно скорѣе вотировать бюджетъ. Палата успѣла, однако, до прочтенія декрета о закрытіи, выразить недовѣріе правительству и отсрочить свои засѣданія впредь до созыва *председателемъ* (23 іюля 1912 г.). Такимъ образомъ создался *новый курьезъ турецкаго парламентаризма*: конфликтъ между министерствомъ и *закрытой* палатой.

Попытка новаго „либеральнаго“ министерства внести успокоеніе въ страну не увѣнчалась успѣхомъ. Вчерашніе хозяева положенія перешли въ лагерь недовольныхъ, оставленный оппозиціей. Министерство обязало офицеровъ особой присягой къ отказу отъ всякой политической дѣятельности, потребовало такого отказа и отъ всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ и отмѣнило осадное положеніе, тяготѣвшее надъ столицей и нѣкоторыми другими городами въ теченіе всего младотурецкаго режима. Но ненависть новыхъ заправилъ и младотурокъ другъ къ другу была слишкомъ глубока для того, чтобы дальнѣйшая политическая борьба могла вестись нормально. Къ тому же министерство сдѣлало въ первые же дни большую ошибку: объявивъ *всеобщую амнистію*, оно включило въ списокъ амнистированныхъ всѣхъ сторонниковъ Абдула-Хамида, чѣмъ дало обильную пищу обвиненію его въ скрытомъ сочувствіи реакціи. Младотурки, со своей стороны, продолжали усиленную пропаганду; и уже черезъ мѣсяцъ „либеральное“ министерство вновь ввело осадное положеніе и военные суды; а въ провинціи администрація, въ значительной степени „обновленная“, подготавливала выборы въ палату путемъ *пріемовъ*, мало уступавшихъ младотурецкимъ. Въ то же время всюду

попрежнему поднимала голову инородческая революція. *Албанскіе* повстанцы предъявили цѣлый рядъ требованій, клонящихся къ предоставленію имъ привилегій въ области языка, школьнаго дѣла и воинской повинности; въ *Арменіи* все болѣе развивалась анархія, и, наконецъ, ужасное положеніе христіанскаго населенія въ *Македоніи* привело къ давно назрѣвшей войнѣ съ его естественными покровителями—независимыми балканскими государствами.

Балканская война заставила, наконецъ, турецкое офицерство хоть на время прекратить свои раздоры. Но младотурецкіе политическіе дѣятели не прекратили своей агитаціи, стараясь использовать неблагоприятное теченіе войны для новаго захвата власти. Замѣнившій (17 октября 1912 года) Мухтара-пашу въ качествѣ великаго везира Кямиль-паша принялъ суровыя мѣры и даже арестовалъ многихъ главарей и членовъ партіи „Единенія и прогресса“. Но неудачи турецкой арміи, предводительствуемой противникомъ младотурокъ *Назимомъ-пашой*, дали обильную пищу младотурецкой агитаціи въ военныхъ кругахъ. Въ то же время вернувшійся изъ Триполиса, окруженный новымъ ореоломъ, *Энверъ-бей* отдалъ все свое вліяніе на службу партіи. Наконецъ, младотуркамъ представился и очень удобный случай придать своему возвращенію къ власти патріотическій смыслъ. 4 января 1913 года представители шести державъ предъявили Портѣ коллективную ноту, въ которой совѣтовали весьма настойчиво Турціи согласиться на уступку Болгаріи Адрианополя. 9 января собраніе высшихъ турецкихъ сановниковъ, созванное великимъ везиремъ, высказалось за миръ. А на другой день, 10 января 1913 года, *Энверъ* и *Талаатъ*, во главѣ двухсотъ младотурокъ, ворвались во время засѣданія совѣта министровъ въ Портъ, убили вышедшаго къ нимъ военнаго министра *Назима-пашу* и заставили *Кямилл-пашу* подписать прошеніе объ отставкѣ. Въ тотъ же вечеръ *Махмудъ-Шеджетъ-паша* былъ объявленъ великимъ везиремъ, и власть вновь очутилась въ рукахъ младотурокъ. Населеніе Константинополя безмолвствовало.

За шесть мѣсяцевъ своего господства „либеральные“ противники „Единенія и прогресса“ явили міру яркій примѣръ убожества, превосходящаго несостоятельность младотурокъ. Какъ уже указано, официальныя программы этихъ либераловъ изъ партіи „Согласія и свободы“ („Иттилафъ въ Хурриетъ“, по-французски „Entente Libérale“) и Народной мало чѣмъ отличались отъ младотурецкой программы; на самомъ же дѣлѣ „либералы“ объединялись исключительно личной ненавистью къ младотуркамъ и стремленіемъ захватить въ свою очередь власть надъ страной; въ ихъ рядахъ всегда находилось большое число скрытыхъ реакционеровъ. Помимо того, всѣ эти такъ называемые либеральные дѣятели, обладая всѣми недостатками младотурокъ, не имѣли свойствен-

ныхъ послѣднимъ качествъ: энергіи и нѣкоторыхъ организаторскихъ способностей. При провозглашеніи конституціи въ 1908 году всѣ хоть сколько-нибудь выдающіеся люди поступили въ союзъ „Единенія и прогресса“, который и образовалъ единственную въ странѣ *партію*, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ другихъ спорадически возникавшихъ „либеральныхъ“ союзахъ не оказалось ни одного серьезнаго политика; нельзя же признать практическими государственными дѣятелями беспочвеннаго теоретика принца *Сабахъ-Эд-Дина* и туманнаго мистика полковника *Садьжа*. Поэтому „либералы“ невольно стали группироваться около чиновниковъ стараго режима *Гази-Ахмеда-Мухтара-паши*, *Кямиля-паши*, *Решида-бея*, *Норадуниана*; при этомъ они не подчинили ихъ себѣ, какъ то сдѣлали младотурки со своими великими везирами Хильми, Хакки и Саидомъ, а вполне имъ довѣрились. Во время „либеральной“ эры вся власть постепенно сосредоточилась въ рукахъ престарѣлаго Кямиля-паши. Но этотъ турецкій византіецъ, искусившійся во всѣхъ дворцовыхъ интригахъ хамидовскаго режима, не могъ, конечно, внести свѣжую струю въ оттоманскую государственную жизнь, и можно смѣло сказать, что его управленіе только повторяло и даже иногда усугубляло ошибки младотурокъ, не принеся въ конечномъ итогѣ никакой пользы странѣ.

Не слѣдуетъ, поэтому, удивляться, что Энверъ и Талаатъ съ двумястами головорѣзовъ могли такъ быстро вырвать власть изъ рукъ своихъ враговъ. Всѣ перевороты, происходившіе въ молодой Турціи, отъ іюля 1908 г. до начала 1913 года, всегда бывали внѣшнимъ проявленіемъ того или другого настроенія большинства арміи, которое угадывалось съ необыкновенной чуткостью партіями, а потому и обходилось безъ особаго кровопролитія. Когда „спасители отечества“ выступили со своими требованіями, младотурки почувствовали, что большинство войска уже не на ихъ сторонѣ, а потому предпочли временно удалиться со сцены и заняться тайной агитаціей среди этого войска. А когда агитація имѣла успѣхъ, имъ понадобилась лишь кучка людей для новаго занятія Блистательной Порты. Населеніе же столицы и провинціи отнеслось къ перевороту 10 января 1913 г. столь же безразлично, какъ къ іюльскому перевороту 1912 года „спасителей отечества“.

Четвертый періодъ.

(Отъ 10 января 1913 года—по 29 іюня 1914 года.)

Временное торжество враговъ младотурокъ заставило послѣднихъ принять твердое рѣшеніе оградить себя на будущее время отъ столь часто мѣняющихся теченій въ арміи путемъ лучшей организаціи политическаго сыска и принятія болѣе крутыхъ мѣръ по отношенію къ враждебнымъ имъ элементамъ. Четвертый періодъ младотурецкой эры—

отъ убійства Назима-паши до появленія въ Дарданеллахъ „Гебена“ и „Бреслау“—является, поэтому, въ полномъ смыслѣ слова періодомъ *младотурецкаго террора*. Всѣ эти 18 мѣсяцевъ отмѣчены непрекращающейся, беспощадной борьбою вновь добравшейся до власти олигархіи съ все новыми и новыми противниками, стремящимися занять ея мѣсто,—борьбою, протекающей при глубокомъ равнодушіи огромной части турецкаго населенія.

Я могу здѣсь, конечно, привести только главнѣйшіе моменты этой борьбы.

Убійство *Назима-паши* не могло не вызвать новаго раскола въ арміи, въ которой у покойнаго было много сторонниковъ, немедленно образовавшихъ тайный военный союзъ; неудовольствие среди офицеровъ получило новую пищу послѣ подписанія въ маѣ 1913 года лондонскихъ прелиминарныхъ условій мира, — когда стало ясно, что младотурецкій переворотъ не спасъ для Турціи Адрианополя. Какъ всегда, низшее духовенство—*софты* и *ходжи*—стало на сторону враговъ младотурокъ. Парижскій комитетъ *Шерифа-паши* сыпалъ деньгами и агитировалъ черезъ своихъ эмиссаровъ. Наконецъ, 2 июня 1913 года Назимъ-паша былъ отомщенъ: великій везирь *Махмудъ-Шефкетъ* былъ убитъ при проѣздѣ въ автомобилѣ изъ военнаго министерства въ Порту.

Убійство Махмуда-Шефкета-паши подало сигналъ къ *настоящему террору*. Начались казни и массовые аресты и высылка противниковъ правительства. Въ то же время власть сосредоточивалась въ рукахъ все меньшаго числа лицъ: во главѣ министерства былъ поставленъ египетскій *принцъ Саидъ-Халимъ-паша*, человекъ съ европейскимъ лоскомъ, но безъ всякаго политическаго значенія. Судьбы страны всецѣло находились въ рукахъ энергичнаго карбонарія—министра внутреннихъ дѣлъ *Талаата-бея*; морского—хитраго генерала *Джемалъ-паши*, и *Энвера-бея*. Въ качествѣ вліятельныхъ людей этого періода можно еще назвать президента палаты депутатовъ *Халимъ*, министра финансовъ *Джавида* и генеральныхъ секретарей Комитета *Фетхи-бея* и *Мидхата Шукри*. Самъ же Комитетъ постепенно превращался въ столь же послушное орудіе этихъ немногихъ честолюбцевъ, какъ и раньше палата.

Захватъ очищеннаго болгарами Адрианополя въ іюль мѣсяцѣ, совершенный Энверомъ съ той же затратой геройства и силы, какихъ стоило ему въ 1908 году освобожденіе Турціи путемъ бѣгства въ горы, окончательно вскружилъ голову младотурецкимъ олигархамъ. Произволь ихъ уже ничѣмъ не отличался отъ деспотизма Абдула-Хаида. 32-лѣтній Энверъ вскорѣ занялъ мѣсто убитаго имъ военнаго министра Назима-паши, и триумvirатъ *Энверъ—Талаатъ—Джемалъ* энергично продолжалъ очищеніе страны отъ своихъ противниковъ. Къ февралю 1914 года насчитывалось до 1,300 уволенныхъ (за неблагонадежность) генераловъ и

офицеровъ. Въ администраціи всѣ сколько-нибудь отвѣтственные мѣста замѣщались сторонниками правительства. Выборы въ палату протекли при самыхъ вошющихъ и возмутительныхъ злоупотребленіяхъ; въ списки избирателей заносились почти исключительно сторонники правительства. Уволенные генералы, офицеры и чиновники образовали нѣсколько тайныхъ революціонныхъ комитетовъ, но, благодаря сыскной полиціи, организованной Джемалемъ пашою съ искусствомъ, которому навѣрно завидовалъ Абдуль-Хамидъ, всѣ эти заговоры раскрывались и кончались ссылкой заговорщиковъ. Къ концу періода оппозиція была вытѣснена за границу—въ Парижъ, Афины, Салоники, Каиръ.

Можно было думать, что несчастный исходъ балканской войны заставитъ младотурокъ въ корнѣ измѣнить свою внутреннюю политику: отказаться отъ панисламистскихъ затѣй и отъ турецкаго шовинизма, даровать странѣ извѣстную децентрализацію, а нѣкоторымъ областямъ съ инородческимъ населеніемъ—автономію; наконецъ, реорганизовать управление въ европейскомъ духѣ. Безпристрастный историкъ долженъ будетъ, однако, признать, что младотурки почти не воспользовались уроками прошлаго.

Правда, полное экономическое разореніе страны заставило ихъ принять рядъ мѣръ, долженствующихъ нѣсколько поднять ихъ кредитъ за границей. Министръ финансовъ *Джавидъ-бей* провелъ въ порядкѣ 36 (нашей 87) статьи конституціи *четыре закона*, имѣющіе цѣлью снять съ турецкаго *землевладѣнія* вѣковыя путы, наложенныя на него шеріатомъ. Этими законами впервые вводилось точное размежеваніе и расцѣнка недвижимостей; распространялось право наслѣдованія вакуфныхъ земель, которое до сихъ поръ принадлежало только родственникамъ до 7 степени, на родственниковъ до 12 степени; впервые разрѣшалось юридическимъ лицамъ владѣніе недвижимостями, и, наконецъ, вводилась ипотечная система. Былъ изданъ еще рядъ другихъ законовъ, имѣющихъ цѣлью поднять матеріальное благосостояніе страны; вновь было приглашено нѣсколько иностранныхъ специалистовъ на турецкую службу. Но это *все*, что можно поставить въ заслугу младотурецкому режиму за разсматриваемый періодъ. Во всемъ *остальномъ* внутренняя политика младотурокъ можетъ быть охарактеризована какъ *возвращеніе къ принципамъ Абдула-Хамида*.

Такъ, *православное населеніе* части Фракіи, вновь занятой въ іюль 1913 года турками, подверглось отчасти избіенію, отчасти жестокимъ притѣсненіямъ, которыя заставили выселиться массу жителей, особенно грековъ. *Преслѣдованія грековъ* вскорѣ начались и въ Малой Азіи, причемъ совершенно ясно обнаружилась тенденція турецкаго правительства вызвать массовую эмиграцію христіанъ для того, чтобы заселить покинутыя ими мѣста турецкими бѣженцами изъ Македоніи. Притѣсненія

греческаго населенія Малой Азіи въ юнѣ 1914 года вызвали, наконецъ, представленія великихъ державъ. Порта любезно предложила комиссіи изъ представителей шести посольствъ сопровождать Талаата во время его поѣздки „для водворенія порядка“ по Малой Азіи. Комиссія вынесла полное убѣжденіе, что прискорбныя событія вызваны были правительствомъ и агентами Комитета „Единенія и прогресса“.

Еще въ худшемъ положеніи находилась *Арменія*, пока Россія не заставила младотурецкое правительство подписать актъ 26 января 1914 г., коимъ управленіе Арменіей поручалось двумъ генеральнымъ инспекторамъ-иностранцамъ и населенію даровались извѣстныя льготы въ области самоуправленія, суда, языка и отбыванія воинской повинности. Но едва лишь началась война между нами и Германіей, какъ Порта поспѣшила *de facto* отмѣнить реформы, отозвавъ генеральныхъ инспекторовъ.

Не большей политической мудростью отличалось поведеніе младотурокъ по отношенію къ *арабамъ*. Въ январѣ 1913 года въ Бейрутѣ началось движеніе въ пользу арабскаго областного управленія. Младотурки закрыли комитетъ реформъ, но, испугавшись движенія, въ юлѣ 1913 года заключили въ *Парижѣ*, черезъ посредство генеральнаго секретаря „Единенія и прогресса“ *Мидхата-Шукри-бей* секретное соглашеніе съ арабами, которымъ сдѣлали большія уступки. Захватъ Адрианополя поднялъ, однако, духъ младотурокъ до такой степени, что они вскорѣ отказались отъ этого соглашенія, и въ августѣ, уже въ *Константинополѣ*, заключили *другое*, значительно сузившее сдѣланныя уступки: все же арабамъ обезпечивалось преподаваніе на родномъ языкѣ въ среднихъ и низшихъ школахъ арабскихъ вилайетовъ и назначеніе на должности въ этихъ областяхъ только лицъ, владѣющихъ арабскимъ языкомъ. Сверхъ того, арабамъ предоставлялось три портфеля въ министерствѣ и извѣстное число сенаторскихъ и депутатскихъ мѣстъ. Но и *это* соглашеніе не было даже опубликовано. Правительство обнародовало только небольшіе его обрывки касательно употребленія арабскаго языка, отбыванія воинской повинности на мѣстахъ и управленія вакуфами. Разумѣется, такое поведеніе вызвало среди арабовъ огромное неудовольствіе.

Наконецъ, возстали противъ младотурокъ и нѣкоторыя *курдскія* племена, и правительству пришлось одно время серьезно повозиться съ *битлисскими курдами*. Словомъ, всюду царилъ *великая смута*.

Очень характерно, что младотурецкое правительство, подражая Абдулу-Хамиду, какъ только поднимался вопросъ о реформахъ для какой-либо области, немедленно выступало съ проектомъ общихъ реформъ для всей Имперіи, дѣлающимъ ненужными частныя. Такъ, 15 марта 1913 года былъ изданъ новый законъ объ управленіи вилайетами, далеко, однако, не соотвѣтствовавшій потребностямъ населенія

въ самоуправленіи; а когда Порты узнала, что русское посольство собирается внести въ комиссію шести посольствъ въ Еникейѣ проектъ армянскихъ реформъ,—она въ три дня сочинила *свой* проектъ реформъ для *всей Имперіи*, который и представила державамъ, проектъ настолько нелѣпный, что вызывалъ подчасъ недоумѣніе даже у его присяжнаго защитника—представителя германскаго посольства въ упомянутой еникейской комиссіи.

При господствѣ такой анархіи въ странѣ младотурецкіе повелители находили, однако, возможнымъ позволять себѣ роскошь *панисламизма* или по крайней мѣрѣ *пантюркизма*. Неожиданное взятіе Адрианополя, несмотря на запретъ Европы, повергло этихъ людей въ состояніе какого-то *политическаго психоза*. Они забыли о потерѣ Македоніи, Албаніи и части Фракіи и помнили только о возвращеніи Адрианополя. Мусульманскій фанатизмъ и турецкій повинизмъ заволокли ихъ глаза двойнымъ туманомъ. Въ Константинополѣ образовалось общество „Мусульманскаго единенія“ и воскресло „Панисламистское общество просвѣщенія“; обсуждался планъ мединскаго университета; тайные эмиссары отправлялись въ Индію и Египетъ. Съ другой стороны, *пантюркисты* основали три клуба въ одномъ Стамбулѣ и вели въ своихъ органахъ оживленную пропаганду въ пользу объединенія турецкихъ расъ.

Такимъ образомъ, *царство Энвера, Талаата и Джемалля* во всемъ рѣшительно походило на державу Абдула-Хаида. Введеніе только самыхъ неизбежныхъ, преимущественно экономическихъ и финансовыхъ реформъ; деспотизмъ и терроръ, какъ единственные принципы управленія; панисламизмъ, какъ одна изъ опоръ внѣшней политики; избіеніе и притѣсненіе христіанъ, пока за нихъ не заступится Европа; и, наконецъ, дарованіе областямъ съ инородческимъ населеніемъ льготъ только подъ давленіемъ иностранныхъ державъ, и притомъ съ твердымъ намѣреніемъ не исполнять обѣщаннаго, — *вотъ главныя черты и хамидовскаго и талаатовскаго режима*. И когда великій везиръ *Саидъ-Халимъ* паша подписалъ 26 января 1914 года съ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ *К. Н. Гумилевичемъ* актъ, коимъ Турція обязалась передъ Россіей обратиться къ державамъ съ нотой объ армянскихъ реформахъ, старый Султанъ, созерцающій эту картину изъ оконъ красиваго Бейлербейскаго дворца на Босфорѣ, могъ съ полнымъ правомъ воскликнуть: „Аллахъ великъ! Для этого не стоило мѣнять правительства!“

Вотъ въ эту-то безформенную, разлагающуюся массу талаато-хамидовскаго „государства“ въ историческое утро 29 іюля 1914 года глубоко врѣзались носы германскихъ военныхъ судовъ „Гебена“ и „Бреслау“.

Андрей Манделъштамъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Къ спорамъ о германской философіи.

Практическая манифестація германизма въ нынѣшнюю войну остро поставила вопросъ о духовныхъ истокахъ германской культуры. А такъ какъ философія занимаетъ центральное мѣсто въ германской культурѣ, то возгорѣлись споры о германской философіи. Возгорѣлась борьба въ московскомъ религіозно-философскомъ обществѣ, и сосредочилась она вокругъ выставленнаго В. Эрномъ тезиса, что агрессивный германскій милитаризмъ есть дѣтище германскаго философскаго феноменализма. Для Эрна крайнимъ феноменализмомъ является не только философія Канта, но и философія Фихте, Шеллинга и Гегеля. Сторонники германской философіи очень рѣшительно возражали. Въ этихъ спорахъ чувствовались обычная склонность къ схематизму и упрощенію и недостаточное вниманіе къ индивидуальности духовной дѣйствительности. Всего болѣе поражаетъ, что враги философіи Канта обнаруживаютъ въ его толкованіи рабскую зависимость отъ неокантіанцевъ. Для нихъ Кантъ—совершенно то же самое, что Когенъ. Но Кантъ несоизмѣримо болѣе сложенъ и богатъ. Невѣрно характеризовать философію Канта, какъ феноменализмъ. Для Канта „Критика практическаго разума“ не менѣе существенна, чѣмъ „Критика чистаго разума“ и внутренне опредѣляетъ послѣднюю. Настоящимъ, послѣдовательнымъ и крайнимъ феноменалистомъ былъ Юмъ, и феноменализмъ характеренъ для англійской, а не для германской философіи. Въ германской философіи всегда была своя онтологія и метафизика. Германскій духъ—существенно метафизическій, и даже сама германская гносеологія, къ которой все болѣе сводится философія послѣдняго времени,—метафизика, сколько бы ни отрицали это сами гносеологи. И самъ феноменализмъ въ германской философіи есть лишь разновидность исконной германской метафизики. Для германской философіи существенъ и характеренъ *волюнтаризмъ*. Волюнтаризмъ же есть особая онтологія. Волевой порывъ сознавался германскимъ духомъ, какъ основа бытія. Волюнтаризмъ играетъ опредѣляющую роль

въ философіи Канта, въ его ученіи о практическомъ разумѣ, объ автономии личности, о царствѣ свободы. Тотъ же волюнтаризмъ есть и у Фихте, у Шеллинга, у Шопенгауэра, у Гартмана и Дрекса, Вундта и Паульсена, Виндельбанда и Риккерта и мн. др. Волюнтаристическіе мотивы были уже даны въ старой германской мистикѣ. Раскрытіе истины о волюнтаризмѣ было миссіей германской мысли, и она выполнила ее съ односторонностью и крайностью. Германскій духъ почувалъ темный волевой источникъ бытія, начало ирраціональное, *Urgrund*. Нѣмецкая философія по-разному, вплоть до Риккерта и Ласка, раскрывала ирраціональное, и въ этомъ она продолжала дѣло германской мистики, открывшей бездну въ природѣ самого Божества (Яковъ Бѣме). Гносеологическій рационализмъ былъ лишь обратной стороной волюнтаристическаго ирраціонализма. И новѣйшая германская философія, все болѣе мельчавшая, безсильна была выйти изъ тисковъ основного противорѣчія ирраціональнаго и рациональнаго. Но сама постановка, не рѣшеніе, а постановка, проблемы ирраціональнаго,—заслуга германской мысли. Этимъ путемъ имманентно и до конца изживалась трагедія познанія.

Неизслѣдимый и вѣчно убѣгающій отъ нашего познанія остатокъ ирраціональнаго, безосновнаго, темнаго, убіеніе всякой индивидуальной жизни въ рационализованномъ познаніи — трагедія познанія, которую германскій духъ силенъ былъ раскрыть, но безсильнъ преодолѣть. Это—внутреннее расщепленіе въ познаніи, разрывъ субъекта и объекта, переживаніе смерти въ познаніи. Мистики учатъ о прохожденіи черезъ моментъ духовной смерти. Это прохожденіе черезъ духовную смерть есть и въ путяхъ познанія человѣка. Первоначальное цѣлостное священное знаніе должно быть разрушено. Расщепленіе и дифференціація неизбежны. Невозможно остаться въ первоначальномъ познавательномъ благополучіи и благодушіи, утверждать изначально здоровое тождество субъекта и объекта. Философія Канта и есть гносеологическое выраженіе имманентной ¹⁾ трагедіи познанія, прохожденіе черезъ смерть въ познаніи, какъ моментъ развитія. Въ этомъ я вижу основной смыслъ кантіанства. И отъ кантовской трагедіи познанія можно идти только впередъ, нѣтъ хода назадъ, къ благополучію до-кантовскаго рационализма, до-кантовскаго соотвѣтствія познающаго субъекта съ познаваемымъ объектомъ. Мы не видимъ истины въ кантовской философіи, для насъ непріемлемъ Кантъ. Но Декартъ еще менѣе приемлемъ, чѣмъ Кантъ, но Тома Аквинскій и Аристотель еще менѣе приемлемы, чѣмъ Декартъ. Есть неотвратимый процессъ развитія, свершеніе судебъ философіи въ

¹⁾ Термины „имманентный“ и „трансцендентный“ я употребляю въ динамическомъ, а не въ статическомъ смыслѣ. Статически философія Канта—трансцендентная, но динамически она есть прохожденіе черезъ имманентную трагедію познанія.

пути отъ Тома Аквинскаго черезъ Декарта и Канта къ нашему времени. Это—процессъ секуляризаціи познанія, параллельный процессу секуляризаціи всѣхъ сферъ культуры. Съ знанія снимается трансцендентная санкція, которая давала гарантии философіи Тома Аквинскаго и дѣлала ее священной. Знаніе вступаетъ на имманентный, виѣшне не гарантированный путь. Такъ утверждается автономность познающаго субъекта, которая оказывается для него трагической. Познающій какъ бы выпалъ изъ нѣдръ бытія, и начались его блужданія. Но эти испытанія познанія были необходимы. Славянофильская философія не хотѣла считаться съ трагедіей познанія. Она хотѣла остаться при первоначальной цѣльности и сохранить за философіей трансцендентно-религиозную санкцію. Она утверждалась въ познавательномъ благополучіи и въ расщепленіи видѣла лишь отпаденіе и грѣхъ. Но грѣхопаденіе лежитъ въ самихъ истокахъ свободнаго имманентнаго познанія. Въ познаніи есть люциферіанское начало. Философія Канта и была выраженіемъ грѣхопаденія въ познаніи, отпаденія отъ первоначальной цѣльности. Это не дѣлаетъ ея истинной и не побуждаетъ насъ за ней слѣдовать, но сообщаетъ глубокий смыслъ философіи Канта въ мировыхъ путяхъ познанія. Философія Канта должна быть преодоленна. Долженъ быть найденъ выходъ изъ тѣхъ тисковъ, въ которые попала германская философская мысль. Но нельзя удерживать мысль въ первоначальной цѣльности, предшествующей трагедіи познанія. Изъ философіи Канта и изъ тисковъ раціональнаго и ирраціональнаго долженъ быть найденъ имманентный выходъ. Германскій волюнтаризмъ, заключающій въ себѣ частичную истину, самъ по себѣ не находитъ выхода. Въ немъ заложено сѣмя насильничества. Германскій ирраціонализмъ всегда остается несоизмѣримымъ съ германскимъ раціонализмомъ. Лишь признавъ имманентность познающаго бытію и бытіиственность самого познанія, философія можетъ выйти на новый путь.

Слѣдуетъ избѣгать слишкомъ упрощенныхъ схемъ о германскомъ духѣ и германской философіи. Германская культура очень сложна, и въ ней есть нѣсколько линий. А началъ уже вырабатываться неославянофильскій трафаретъ о германской философіи. Имманентизмъ и феноменализмъ, отрицаніе Софіи, оторванность отъ женственнаго начала, отъ земли, отъ природы—вотъ что считаютъ существеннымъ для германскаго духа и для германской философіи. Объ этомъ постоянно говорятъ Булгаковъ, Эрнъ и др. Старые славянофилы видѣли раціонализмъ и дробленіе духа въ западной философіи. Новѣйшіе славянофилы представляютъ болѣе специфизированные тезисы о германской философіи. Грѣхъ имманентизма заложенъ еще въ старой германской мистикѣ. Вся исторія германскаго духа—мистика, протестантизмъ, классическій философскій идеализмъ и новѣйшая философія—есть сплошное отпаденіе отъ

Истины, отъ церкви, отъ земли, отъ природы. Великія творческія силы пропали даромъ, пошли на служеніе неправдѣ. Становится почти жутко. Въ неославянофильскихъ тезисахъ о германизмѣ есть что-то вѣрное, схвачены нѣкоторыя черты германской мысли. И, несмотря на это, есть какая-то большая неправда въ оцѣнкѣ германскаго духа, неправда убивающаго, истребляющаго, ненавистническаго схематизма. Нужно совершенно забыть о Яковѣ Бѣме, объ Ангелусѣ Силезіусѣ, о Фр. Баадерѣ, о романтикахъ, о Гёте, Гофманѣ и Новалисѣ, чтобы утверждать, что въ германскомъ духѣ не было встрѣчъ съ Софіей. Великія откровенія о Софіи были въ германской мистикѣ, и ученіе Якова Бѣме о Софіи—высочайшая вершина въ познаніи Софіи. А великаго безумца Гофмана образъ Софіи, вѣчно-двоящійся, манилъ такъ страстно, какъ никого и никогда. И можно ли сказать, что нѣтъ природы у Парацельса, у Бѣме, у Шеллинга? Германія не только протестантская, но и католическая страна. Нельзя характеризовать германскій духъ по одному Канту, и даже не Канту, а неокантіанству. Неокантіанство—небольшое явленіе, и не слѣдуетъ быть такъ замороженнымъ имъ. Неокантіанство есть эпигонство и упадокъ. Величіе германскаго духа и его миссію въ мірѣ нужно искать въ германской мистикѣ, явленіи, исключительномъ по своей силѣ. И великая германская философія—дѣтище мистики, какъ и великія явленія германскаго искусства. Германскій духъ—одностороненъ, въ немъ есть своя ограниченность. Въ славянскомъ духѣ скрыты большія богатства. Но въ германскомъ духѣ были свои подлинныя откровенія. Германскій имманентизмъ—явленіе сложное и глубокое. Это—плодъ мистической зрѣлости, религіозной автономіи человѣка. И слѣдуетъ подчеркнуть, что именно кантіанство всего менѣе можно назвать имманентизмомъ. ¹⁾ Кантовская философія и кантовская религія—трансцендентны, а не имманентны. Это—крайнее утвержденіе дистанціи между человѣкомъ и Богомъ и божественной дѣйствительностью. Довольно бѣдная религія Канта была традиціоннымъ трансцендентнымъ теизмомъ. Ученіе о вещи въ себѣ, о непознаваемости ноуменовъ, разрывъ субъекта и объекта—все это трансцендентизмъ, а не имманентизмъ. Имманентизмъ упирается въ глубину мистики, трансцендентизмъ—въ поверхность позитивизма. Нельзя видѣть въ Кантѣ типъ чисто-имманентной мысли. Именно въ Кантѣ было много трансцендентнаго.

Можно установить связь новой германской философіи съ старой мистикой. Такъ, на примѣръ, въ „безсознательномъ“ Гартмана чувствуется *Urgrund* Бѣме, *Gottheit* Экхарта, которая глубже Бога. Все ирраціональное и волюнтаристическое въ германской философіи восходитъ къ древней мистикѣ, открывавшей темный истокъ бытія. Германизмъ безконеч-

¹⁾ Если брать его въ статическомъ разрѣзѣ.

но сложнѣе и индивидуальнѣе, чѣмъ это кажется создателямъ упрощенныхъ схемъ, избличающихъ его отпаденіе отъ древней истины. Познавать можно лишь черезъ любовь. Ненавистью можно увидѣть лишь искаженные лики. И нельзя праведно рѣшить вопроса о германской мистикѣ, о протестантизмѣ, о германской философіи, о Лютерѣ и Бѣме, о Кантѣ и Гегелѣ подъ гулъ пушекъ, въ пылу національныхъ и политическихъ страстей, на улицѣ и площади. Тутъ нужно интимное углубленіе.

Вполнѣ допустимо и плодотворно устанавливать расовые типы мышления. Культура глубоко національна и черезъ національный свой характеръ достигаетъ общечеловѣческаго. Германская раса мыслить своеобразно и совсѣмъ по-иному, чѣмъ мыслить раса латинская или славянская. Мышленіе латинское—догматично или скептически и всегда ясно, всегда пронизано лучами южнаго солнца. Мышленіе германское—критично и несетъ на себѣ печать метафизическаго сѣвера; оно добываетъ свѣтъ во тьмѣ, погружаясь въ глубину духа. Мышленіе славянское—существенно нравственное, практически-религіозное, оно ищетъ истину, спасающую міръ и людей, истину, не отдѣлимую отъ правды. Достиженія истины возможны черезъ расовое мышленіе, всегда своеобразное и односторонне ограниченное. Разнымъ народамъ предназначено раскрывать разныя стороны истины. Но всякое достиженіе истины по существу сверхнациональное и сверхрасовое. Нельзя истину оцѣнивать и обсуждать съ точки зрѣнія расы, ея особенностей и ея дѣйствій въ исторіи. Психологія расы очень интересна, но психологія расы не можетъ быть оцѣнщикомъ истины. Скрыта очень большая опасность въ установленіи типовъ расоваго мышления и расовой культуры. Истина легко можетъ стать игрищемъ національно-расовыхъ страстей. Всѣ достижения германской мысли могутъ быть объявлены ложью только потому, что они германскія. Такъ воля къ борьбѣ и побѣдѣ надъ расой можетъ обернуться равнодушіемъ къ истинѣ и правдѣ. У насъ недавно еще нѣмецкую философію считали хорошей и истинной потому ужъ, что она—нѣмецкая. ¹⁾ Теперь ее считаютъ плохой и ложной тоже потому, что она—нѣмецкая. Наши славянофильствующіе философы устанавливаютъ типъ германской философіи, германской религіи, германской мистики, который признаютъ грѣховнымъ и ложнымъ потому ужъ, что онъ—германскій. Противъ этого нужно рѣшительно возражать. Нельзя истину такъ подчинять національному принципу. Это уже совсѣмъ недопустимый психологизмъ, который долженъ привести къ полному упраздненію философіи. Такъ, на примѣръ, пробуютъ утверждать, что герман-

¹⁾ Тутъ я имѣю въ виду не отдѣльныхъ русскихъ мыслителей, которые и раньше относились отрицательно къ германской философіи, а свойства русскаго характера.

ская мысль всегда есть имманентизмъ (въ философіи, религіи, мистикѣ), а всякій имманентизмъ есть непременно германизмъ. Имманентизмъ называется грѣховной особенностью германской расы. Такимъ методомъ вопросъ объ истинности или неистинности имманентизма, по существу не связанный съ національностью и возникавшій тогда уже, когда не народилась еще германская культура, растворяется въ борьбѣ національно-расовыхъ страстей. Я думаю, что можно и должно воевать съ германской расой, но невозможно и недопустимо объявлять войну достижениямъ истины въ германской мысли. А вѣдь трудно предположить, что въ германской мысли нѣтъ достижений истины. Не можетъ быть такой отверженной, Богомъ проклятой расы, въ которой все было бы грѣховнымъ и ложнымъ. Невѣрно и то, что германская мысль всегда есть имманентизмъ. Я уже указывалъ, что самая характерная для германизма философія Канта—не имманентна. Въ германской мысли достаточно было и трансцендентизма. И само лютеранство не можетъ быть названо имманентнымъ типомъ религіозности. Но остается еще вопросъ, въ какой мѣрѣ имманентизмъ есть истина, какъ и всякая истина, независимая отъ расъ и національностей? Нельзя отмахнуться отъ вопроса объ истинности имманентизма тѣмъ, что выругать его германизмомъ. Проблема имманентизма, какъ и всякая проблема, должна быть совершенно освобождена отъ проблемы расовой.

Наше мышление не должно быть нарочито и надуманно русскимъ, искусственно избѣгающимъ всего германскаго. Это была бы большая несвобода, недостатокъ непосредственной творческой національной силы. Германцы совсѣмъ не думали о томъ, чтобъ быть непременно имманентистами, феноменалистами и волюнтаристами; они свободно мыслили изъ своей глубины. И я думаю, что наша русская мысль существенно и глубоко отличается отъ германской. Передъ нею стоятъ иныя задачи, иной духъ ее вдохновляетъ. Наши достижения истины и правды такъ же общечеловѣчны и всемирны, какъ и въ расѣ германской и латинской. И мы наиболѣе національны, наиболѣе русскіе, когда ищемъ изъ своей глубины правды и истины, а не тогда, когда только русское провозглашаемъ истиннымъ и праведнымъ, а германское — ложнымъ и грѣховнымъ. Настоящая ложь и настоящій грѣхъ германизма—это попытка монополизировать и национализировать истину и правду, объявить истину германской, а правду—выраженіемъ германской силы. Это есть у Чемберлена, Дрекса и другихъ идеологовъ германизма. На этой почвѣ развивается безумное самомнѣніе. Тутъ германскій волюнтаризмъ вырывается въ голое, ничѣмъ не ограниченное „хочу“. Не дай Богъ намъ походить на германцевъ въ этомъ ихъ національно-волевымъ уклонѣ. Германцы, сознавшіе себя единственно избранной, высшей и

чистой расой, обладающей полнотой истины, совершенно непереносимы, въ нихъ нужно стрѣлять изъ пушекъ. Расовое самомнѣнiе и самовлюбленность отвратительны. Германцы духовно пали на этой почвѣ, и они должны пройти черезъ нравственное и матеріальное униженіе. Не будемъ имъ подражать. И будемъ свободны въ своихъ оцѣнкахъ германской философи, свободны отъ рабской зависимости и ученической подавленности и свободны отъ ненависти и погромнаго отрицанія. Такая положительная или отрицательная зависимость всегда есть бессиліе. Сила же дается страстной устремленностью къ истинѣ и безстрашиемъ въ переживаніи трагедіи познанія, согласіемъ на познавательное неблагополучіе.

Николай Бердяевъ.